



ИМЕЕТСЯ  
МИКРОФИЛЬМ





754

# У Т Р Е Н Н І И С В Ъ Т Ъ.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е  
И З Д А Н І Е.

Ч А С Т Ъ В І И.

С ъ С е н т я в р я по Г е н ш а р ь  
М ѣ с я ц ъ.



Гос  
Публичная  
Л а  
Библиотека  
Печенгоск.

В Ъ М О С К В Ъ,  
В Ъ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф і и  
1779 года.

## ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу, подъ заглавіемъ Утренній Свѣтъ Ежемѣсячное Изданіе, Часть VII. и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Соцѣтникъ, Краснорѣчій Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.

АНТОНЪ БАРСОВЪ.





# О Г Л А В Л Е Н І Е.

страни.

I. НОЩЬ VI. Обращенный невѣрствующій	- - - - -	1
II. Хвала Всевышнему, подражаніе Сенеки, древнему Философу	- - - - -	42
III. Христианинъ	- - - - -	43
IV. Чудеса шворимыя Господемъ повседневно	- - - - -	62
V. О величествѣ Божіи	- - - - -	65
VI. Весна возобновляетъ лице земли	- - - - -	70
VII. Восхождение солнца	- - - - -	73
VIII. Спаны	- - - - -	77
IX. Веселіе нравственное	- - - - -	79
X. Поощреніе искашь Бога въ произведеніяхъ природы	- - - - -	84
XI. Природа и искусство, малая повѣсть, какихъ много бы можно было сдѣлать	- - - - -	87
XII. Разсужденіе о нѣкоемъ реченіи древняго мудреца, что половина больше цѣлаго	- - - - -	89

Мы свидѣльствуемъ благодарность на-  
шу сообщившимъ къ намъ разныя піесы, по-  
мѣщенныя въ семь мѣсяцѣ, и просимъ о про-  
долженіи такихъ пріятныхъ для насъ подар-  
ковъ.

*Погрѣшность находящаяся въ семь  
Мѣсяцѣ :*

*Напечатано :*

*Спр. 33 спр. 17 истинну безъ познанія :*

*Читать должно :*

*истинну , безъ познанія кошорыя*



# У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ.



І.

Н О Щ Ъ VI.

*ОБРАЩЕННЫЙ НЕВѢРСТВУЮЩИЙ.*

**О**на (\*), (не знаю бо еще имя на небесахъ ей даннаго), оставила позорище сіе не такъ преждевременно, какъ Нарциса, и не такъ скоропостижно, яко Филандеръ. Можешъ ли меня сіе упѣшить? Сіе мнимое облегченіе расправляетъ токмо рану мою; ложное лекарство сіе еще вѣщше болѣзнь мою усугубляетъ. Чѣмъ я долговременнѣе зналъ ее, тѣмъ тѣснѣе были мы съ нею связаны; скоропостижное же разлученіе, есть скоропостижная смерть. Се мученіе свирѣпаго пирана, которое чрезъ умножающуюся пягость медлѣннаго злосчастія, даже у

*Часть VII.*

А

не

(\*) Смотри ночь пятую.





нечувствительнѣйшихъ сердецъ признаніе горести ихъ исторгаетъ.

О! дальный, мрачный путь, лѣтами горестей! страшная зала смерти! (если дерзну сказаши такъ, ) печальными сомнѣніями, и черными ужасами обвѣшенная; и шокмо единымъ блескомъ блѣднаго свѣтила надежды освѣщаемая: здѣсь-то жребій мой назначилъ мнѣ унылую мою прогулку; даже и самолюбію запрещено было шутъ ласкательствовать. Коль часто съ пророческимъ огорченіемъ устремлялъ я на нее взоры мои! коль часто зрѣлъ ее мертвую, когда еще она ослаблялася! ослаблялася бо сокрывала она *горестъ свою*, дабы чрезъ то мою уменьшити. Она старалася меня утѣшить, но тѣмъ вѣдшее мученіе мнѣ причинила. Подобно многочисленному войску, нѣкую крѣпость осаждающему, *смерть* посредствомъ медлѣннаго и тихаго, но безпрестаннаго подрыванія, обнесла смертную свою осаду, и непримѣтнымъ образомъ во блѣдномъ своемъ вѣдшесствіи, ежеминутно болѣе приближалась; не взирая на искусство, не взирая на всѣ маслическія благословенія, предлагаемыя природою на вспомошествованіе брэнному человѣчеству. О звѣзды! вы, которыя не вѣ первый ужѣ разъ со взорами моими знакомитесь, и ты, о луна! будьте моими свидѣтелями! колико разъ во время нощи вырывала она возглавіе изъ  
подъ

Подъ главы моея, и привлекала все вниманіе мое на нападеніе въ то время, когда безпрестанными набѣгами опустошала она пакою жизнь, которая мнѣ гораздо драгоцѣннѣе, нежели то, что она мнѣ оставила! страшный постъ примѣчать за непріятелемъ! каждый часъ чинился гораздо мрачнѣе! не такъ ужасенъ былъ мнѣ оный день, который гналъ меня на брегъ пропасти, и внизу вѣчность мнѣ указывалъ; когда душа моя отъ будущаго содрогалася; когда важная кость жизни и смерти, предъ паденіемъ своимъ на остриеъ одинаго мгновенія каталася, и наконецъ пала на жизнь; жизнь, мое право на вѣщшее нещастіе!

Но почто болѣе нещастія? Да будетъ она вѣщшее утѣшеніе. Ничто не мертво, кромѣ того, что умереть желало; ничто не мертво, кромѣ мученія и бѣдствія; ничто не мертво, исключая того, что опягощало пупешественника и уязвляло его; ничто кромѣ зашворяющаго путь ко жизни истинной. О! гдѣ обитаетъ сіе жарчайшее желаніе мудраго? Солнце весьма темно, чпобы могло намъ показать его; а высочайшія звѣзды весьма низки, чпобы его достигнуть; *смерть*, едина великая *смерть*, чрезъ солнце и звѣзды приводитъ насъ въ торжествѣ въ землю сію.

Да и *переходъ* (\*) нашъ не ужасенъ; не взирая, что духъ нашъ, сей искусный худож-

(\*) Такъ называешь оубъ смерть въ III ноци своей.



никъ въ составленіи собственнаго безпокойства своего, и изобилующій во средствахъ самаго себя терзати, весьма склоненъ ужаснымъ его изображати. Кто бо можетъ изобразить дѣйствительныя черты смерти? Никогда еще не писался мучитель сей. Изображеніе наше состоитъ токмо изъ чертъ случайныхъ и невѣрныхъ, изъ единыхъ догадокъ; гробница затворяется весьма крѣпко, и ни единого извѣстія намъ не повѣстуетъ. Смерть, и образъ оныя въ мозгу нашемъ находящійся, весьма мало едина другому подобны; никогда не бывають они одинаковы; страхъ потрясаетъ кистию; воображеніе любитъ высокопарность; мрачное невѣжество расточаетъ тѣни свои: а сіи-то начертавають страшную сію картину.

Но пусть и самое ужаснѣйшее будетъ справедливо; прошло уже оно; новые теперь виды являются, и на вѣки гробницу ея покрываютъ. Совершенно другія явленія привлекають вниманіе наше; явленія, которыя горести жизни сея со изобиліемъ награждаютъ; явленія, которыя испребляютъ ужасъ смерти, когда мы умираемъ. Сокрывся въ мысль *безсмертія*, сокрывся въ сію единую, въ сію поржественную мысль! и долговременная жизнь въ тишинѣ протекаетъ; старость приходитъ непримѣтнымъ образомъ, и находитъ, что душа предметомъ своимъ еще не насыпилась. *Естество онаго, доказатель-*  
*ство*





*етпо и пажность* возжигаютъ пѣснь мою. О! когдабъ пѣснь моя сравнялася съ ревностію души моя! о когдабъ она подобна ей безсмертною учинилась! нѣтъ. — Душа презираетъ мѣшу толико низкую; упованіе гораздо благороднѣйшее ее воспламеняетъ; естли токмо безконечные вѣки могутъ перевѣсить единый часъ, то въ такомъ случаѣ не лавры, но пальмы, вдохновеніемъ меня наполняютъ.

Но кто же знаетъ естество свое? О! безсмертіе! но кто же его и не вѣдаетъ? Оно есть не что иное, какъ жизнь, крѣпчайшими нитями свѣтлѣйшія краски натянутая, и вѣчно натягиваемая; сколь *черна*, сколь *вренна* она здѣсь, гдѣ жестокою судьбою въ Спигии омочается! сколь кратко сообщество наше съ солнцемъ! сколь безславна, доколѣ она продолжается! сколь многого не достаетъ еще къ совершенству лучшихъ дѣяній нашихъ! величайшія радости наши суть ли что иное, какъ малыя укрѣпительныя, чобы утвердить насъ въ мученіи нашемъ, и дать намъ силы переносить оныя? Но сколь же велико, со всѣми чадами *разума*, которыя по всему обитаемому пространству разсѣяны, гдѣбб онѣ не рождены, какимибъ дарованіями награждены не были, раздѣляти и щастіе, и обхожденіе, и дружбу! жительствовать яко свободные граждане всея природы! чрезъ нѣчто болѣе, нежели слабою вѣрою

6

~ ~ ~

постигати *Всепышняго*! небесныя богатыя неисчерпаемыя сокровища, (сокровища, которыми Архангелы во славу ихъ содержатся), называть нашими собственными! вникаи во творение! читай великій планъ оныя, въ откровенной груди божества! сравнивай намъреніе со производствомъ! предъ каждымъ лучемъ проницающихъ мыслей видѣть все тѣни исчезающія! и ничего не видѣть непонятнаго. — Кромѣ таинства божественныя любви, которая на пылающихъ крыліяхъ Серафимовъ, съ *Аелдана* земли, съ сего села крове, исполненнаго ужаса и крайняго бѣдствія; изъ мрачности и праха, къ таковому явленію насъ возвышаетъ! къ пребыванію любви! къ славному обиталищу веселія истиннаго! которая тогда отъ плачевнаго пропиту изображенія, днесь оплакиваемая земля, учинити еще славнѣе. О какая преизящная премѣна жребія! какое блаженное разрѣшеніе чернѣйшихъ часовъ нашихъ!

Вотъ мысли, Лоренцо! которыя чело-вѣка дѣлаютъ чело-вѣкомъ, мудраго просвѣщаютъ, а великаго чинятъ еще величайшимъ. О сколь велико! когда мы еще средственную глыбу земную попираемъ, и каждое мгновение, спашимся чтобы не погрузиться въ глыбу земную, которую мы попираемъ; а вскорѣ чада наши попирають будущія: сколь велико, посре-дѣ дикаго вихря спре-мящихся желаній времени, пресѣчь ше-ствие

ствіе свое, удивляясь споять въ тишинѣ, углубясь въ возвышенныя предчувствія, разсматривать отдаленнаго самаго себя чрезъ дальній пылѣтнй путь, и видѣть его яко во увеличивающемъ зеркалѣ, распроспаненнаго, прославленнаго, возвышеннаго, и божественнымъ учинившагося! собственное будущее себѣ пророчествовать! въ мысляхъ своихъ разсматривать то, что всякія мысли превосходитъ! разглагольствовать съ нашими сонаелѣдниками радостей, которые только же превосходятъ понятіе наше, колико превышаетъ сушь нашихъ достоинствъ; удивляясь единъ другому повѣствовать, и бытъ самому содержаніемъ повѣсти сея!

Лоренцо! не надуваетъ ли грудь твою представленіе сіе? Достойно тебя напыщеніе сіе; се гордость благородная. Почитай самаго себя; — но припомъ и презирай самаго себя. Ниединъ человекъ не возможетъ природу свою почитать довольно высоко, а *достоинства* свои довольно низко. Будь оспороженъ, не будь скромненъ памъ, гдѣ ты гордишься долженствуешь; о убѣгай сего почти всеобщаго заблужденія! сколь *спраедлива* гордость наша, когда мы взираемъ на оныя высоты, не тѣ, кои начерпаваетъ на воздухъ *честолювіе* наше: но тѣ, которыя показываетъ *разумъ* нашъ, а *добродѣтель* достигаетъ, о коихъ Ангели съ нами соревнуютъ; сколь *спраедлива*





тогда гордость наша! когда взыйдемъ мы на нихъ? Когда свергнемъ оковы наши? Когда оставимъ творенія прагъ сей? Когда вылетимъ изъ тѣснаго гнѣзда сего, которое прилѣплено въ маломъ углѣ всемірнаго зданія, оплечено низкими облаками, и искусно сошканными воздухомъ? Тонко для чувствъ, но грубо и не чисто для душъ небесныхъ; для душъ назначенныхъ пипапися Амврозическими парами, и уполяши жажду свою чистымъ небомъ; на ономъ берегу *премени*, гдѣ добродѣтель обогащенная всѣми здѣсь незаплаченными пребываніями, будетъ великолѣпно поржесствовати и владычествовати; гдѣ царская пышность, хопя малое спокойствіе, яко милоспыню испрашивати будетъ.

О чада земли! вы, копорыя возвысилися на верхъ могущества, или въ гордую науку глубоко погрузилися, скажите, чему вы, съ половиною поликаго достоинства, выгодъ, жарчайшихъ чувствованій, и пламеннаго и разумнаго сладоспраспія мысли ваши усщремипь можете, еспли не на сію *тему*, копорую Ангели превозносятъ, и сами въ ней участвуютъ? Человѣческія судьбы, и милосердія человѣкамъ изліянные, суть содержаніе достойное поржесственныхъ пѣсней небесныхъ.

Какое мерзкое повтореніе даже до отвращенія здѣсь насъ насыщаетъ! какія періодическія пипія для немощствующихъ!



Болящія тѣла! и болящія души! какія явленія пронупѣ насѣ въ *пѣчности*! какія приключенія *тамѣ* соберутся! какія новости удивляти насѣ будутѣ! какое множество чудесѣ тамѣ опкроется намѣ! какой ясный свѣтъ на всѣ пупи неба проліется, и стопы Всевышняго освѣпитѣ! о какѣ же оный блаженный день разрѣшенія нашего, въ единое мгновеніе всѣ Лавиринѣы жребія развяжетѣ, и запутанны онаго кривыя дороги претворитѣ въ единую токмо прямую!

Естьли человѣкѣ имѣетѣ неушолимую жажду ко знаніямѣ; какую же пріятнѣйшую, какую же изобильную трапезу обрѣшетѣ онѣ тамѣ! не одинѣ нравственный міръ тамѣ опкрывается; и оный тѣлесный міръ, который до сего времени зрѣлѣ онѣ въ тѣни, да и въ тѣни сей токмо раздробленный, а дроби сіи видѣлѣ *работавшимѣ* окомѣ, днесѣ опкрывается во всей пространной сферѣ своей, со всѣмѣ зданіемѣ, во всемѣ пространствѣ нераздробленѣ, ясно, и совершенно, и въ единый взорѣ восхищенному оку вмѣщается. Какѣ же со высочайшія высоты, (и кто можетѣ сказать, гдѣ? Довольна такая высота, гдѣ дѣхи небесныя сядутѣ на престолахѣ; ) какѣ же съ высоты сея просвѣщенный взорѣ удивленія исполненнаго чужестранца, въ ономѣ ужасномѣ Океанѣ безпредѣльнаго пространства, узритѣ безчисленное сонмище плавающихѣ міровѣ, которые не

А њ

имѣя



имѣя пристани въ безпрестанномъ своемъ шестви, хрустальныя волны чистѣйшаго эфира разсѣкающѣ! коль же велико малѣйшее изъ насѣянныхъ круговъ сихъ! но сколь онѣ не велики, коликое множество еще и сихъ превосходитѣ, подобно какъ сильный *Депхатомъ*; оный слабый родъ, оныя блестящіе народы малыя жизни, которыхъ непримѣнно поглощаетъ онѣ, не достойны ли сіи удивленія? Но что же сіи достойныя удивленія въ сравненіи съ иѣлымъ? Подобны едва зримымъ частичкамъ пыли, ашомамъ, или кровянымъ шарикамъ въ жилахъ нашихъ блуждающимъ; толико-то неизмѣримъ планъ! о божеское плодородіе! о всепопопляющій источникъ! можетъ быть еще не отдаю я тебѣ всея справедливости!

Еслили удивленіе есть источникъ радости, то какое же восхищеніе не произведетъ въ насъ зрѣлище сіе? Однакожъ сія есть на небесахъ единая токмо милость. Но что все сіе въ сравненіи съ ризою, которую носитъ *тотъ*, который сію громаду чудесъ, яко опытъ, яко первый залогъ могущества своего, изъ руки своея вернулъ? Въ сравненіи съ *оною славою*, изъ которой всякая слава происпекаетъ, яко послѣдній цвѣтъ въ лугу, противу солнца его произродившаго. Но что есть сіе солнце небесъ? Сіе высочайшее блаженство наиблаженнѣйшихъ. Смерть, единая смерть,

вопросъ сей рѣшить въ состояніи. Весьма дешево плавили мы смертію за понятія веселости нашей. За единыя понятія! споль-то много опличается истинно-существительное блаженство отъ того, за которыми здѣсь мы гоняемся.

Еще мы гоняемся за оною мечтою, чрезъ огонь, благо, снѣги, и пропасти, до самыя смерти? Еще не престаемъ мы шудиться за мзду земную? Презираемъ опасности, сраженія и моря? Или подобно паукамъ прядемъ драгоцѣннѣйшее, что мы имѣемъ, наше *ipse volѣ* нежели внутренность нашу, (если токмо запамятуемъ великое будущее), въ искусныя паутиаки, въ тончайшія сѣти, тончайшихъ мыслей, и хитрыхъ предпріятій; для уловленія единыя мошки? Минуту продолжающихся временъ, суешныя славы! имени! смертное безсмертіе.

Или (что еще того подлѣе!) вмѣсто того, чтобы ловить воздухъ, изъ вонючаго *корыстолюбія* повергаемся въ грязь? Заботимся, задыхаемся, и потѣемъ отъ каждаго стыда, о каждой выгодѣ, о каждомъ постыдномъ и гнусномъ вздорѣ; теряемъ нашу надежду въ небесахъ, и достоинство между человекѣвъ? И богопворимъ грязь передѣланную во злато? *Честолюбіе!* и *сребролюбіе!* суть двѣ *фурии*, которыя наше спадо человекѣвъ отъ самыя колыбели до гроба, чрезъ всѣ лужицы





гоняюшѣ. Сколь глубоко бѣдняки сіи въ оныхъ погружаются! съ какимъ трудомъ спараются онѣ вскарабкашья! сіи *фуріи* терзаютъ весь родъ человѣческій; особливо же грудь *Доренца*, изъ которыя небеса они испребили.

Возможешѣ ли *премя* сокрыть вѣчность? Для чего же единая песчинка на берегу лежащая не можешѣ закрыть Океана, или солнечная пылинка зашмишь солнце? Чесшѣ и богатство! имѣютъ ли сіи власть полико ослабляющую? Но ежели я покажу, что *Доренцо* пропиву ихъ слѣпѣ? Будешѣ ли ты сему удивляшся? Удивляшся же; ты не знаешѣ ихъ обоихѣ; познай же отъ меня о естествовѣ ихѣ.

Разсмотри съ прилѣжаніемъ, какіе пѣсные узы размышленія сіи связуютъ съ пѣснью моею, сколь чуждыми онѣ ей не кажутся. Что естѣ истинное чесполубіе? Не естѣли оно желаніе славы, которыя ни единое нижайшее существо кромѣ человѣкѣ имѣти не можешѣ? Естѣлибѣ онѣ были полико щещны и полико же самохвальствія парами надупы, какѣ надменный и величающійся человѣкѣ, тогда бы и звѣри могли хвалишся своимъ искусствомъ и побѣдами, и имѣлибѣ равное право съ нами пребовать лавровыхъ вѣнцовѣ; но не небесныхѣ. *Эдѣсь* мы сущѣ едины, опличны, опмѣнно опличны, яко и по образу нашему; естѣли духъ склоняется къ зе-



*мль*; тогда образъ нашъ поруганіе намъ, и человѣкъ долженъ спвуется спыдится, что чело его на небо обращается. *Видимое* и *настоящее* сущъ для скопа; малый участокъ! весьма узкіе предѣлы! *разумъ* воспаряетъ надъ ними съ божественною силою, и пребуетъ *будущаго* и *непидимаго*; пространное невидимое! бездонное будущее! естли великая душа воспаряетъ до вышны сея, и грубое благо природы подъ собою оставяетъ, тогда, и только тогда сынъ *Адамовъ* отдѣляется отъ мудраго и Ироя долинъ и лѣсовъ, сохраняетъ достоинство свое, и до человѣка возвышается. Вотъ любочестіе! вотъ жаръ человѣческой!

Могутъ ли *дарованія* или *чины*, (два смѣлые хвастуна), сдѣлать *Лоренца* великимъ, и опличить его отъ народа?

*Разумъ* и *искусство*, сіи столь превозносимыя крылія любочестія, весьма мало гордости нашей достойны. Слабая помощь! *Дедалово* изобрѣтеніе! естли единыя сіи пареніе наше поддерживаютъ, то полетъ *слапы*, естъ паденіе *чести*. Безъ достоинствъ *сѣрдца*, сколь высоко мы не воздымемся, высота сія будетъ ничто иное, какъ висѣлица имени нашего. Когда я взираю на славный, *преизящный* и подлый *разумъ* высокихъ дарованій и земныхъ намбрений, тогда мнѣ представляется, будто вижу я сіяющія развалины безсмер-



смертныя души, сверженныя съ высокія сферы своея, смѣшенныя съ землею, и сквозь прахъ сей еще блестящія. Тронутъ великолѣпнымъ и пасмурнымъ видѣніемъ симъ, чувствую я въ единое время и *запись* и нѣжное *собоуѣзнопаніе* во мнѣ волнующіяся. — Но почему же *запись*? Серафимскія дарованія, безъ достоинствъ, въ рукахъ ложнаго честолюбія, суть не что иное, какъ громомещущія орудія, дабы выработывать ослѣпляющія погрѣшности, и стыду доставать славу.

Великая *злость*, есть дѣйствіе великихъ *силъ*; посредственный разумъ весьма рѣдко отвлекаетъ насъ отъ пути истиннаго. *Разумъ* избираетъ средства, *страсти* избираютъ конецъ; но средства не имѣютъ никакія доброты, еслили конецъ нашъ негоденъ. Еслили сердце наше заблуждаетъ, то тщетно глава наша справедливо тогда умствуешь; что глава *Пелгама*, въ разсужденіи *Пелгамова* сердца? Сердца суть обладатели славы. Добрыя намѣренія и средства составляютъ премудрость; земно-премудрое, въ высочайшей похвалѣ, называется шокмо половино-разумно.

И такъ да сомнѣвается разумъ швой въ предпріятіи учинить себя великимъ, да не ласкаетъ онъ себя высокими чинами: что значитъ высокій чинъ? Гордый милоспирозбиратель; онъ гордится и проситъ милоспириню; онъ проситъ у народа подаванія,

нія, высокопочипанія; но народѣ сей часто  
 въ милосердомъ подаяніи семѣ ему опка-  
 вываетъ. Монархи и Монастыри суть име-  
 на почтенныя; каждый ихъ имѣющій  
 испрашиваетъ достоподобное почтеніе наше.  
 Въра, всеобщій порядокъ, требующій *пнѣш-*  
*няго* высокопочипанія, и преклоненныхъ  
 колѣнъ такимъ существамъ, которыя  
 велелѣпно возвышенны, дабы всякому рабу  
 служили; все, что выше сего, принадле-  
 житъ достоинствамъ; священное и непре-  
 ступаемое право ихъ; и оно не падаетъ  
 никогда Монарху, но единственно человѣку.  
 Сердца наши, кромѣ единыхъ высочай-  
 шихъ достоинствъ, ни предъ чѣмъ другимъ  
 не преклоняются; что же принадлежитъ  
 до сихъ, то никогда не упускаютъ возда-  
 вати имъ достоподобное почтеніе. Глупцы  
 дѣлая расчеты свои, пропускаютъ *челопѣка*,  
 избирая по величеству *багряноцвѣтную*  
*порфиру*. Пусть оный малый звѣрокъ (соболь)  
 гордился серебру подобнымъ мѣхомъ сво-  
 имъ; не знаящая и не купленная царская о-  
 дежда его принадлежитъ ему собственно;  
 ибо онъ получилъ ее отъ праотцовъ сво-  
 ихъ порядочнымъ образомъ. Но можетъ  
 ли человѣкъ гордиться, что носитъ онъ оде-  
 жду сію, и должны ли дѣши въ соболяхъ  
 презирать дѣшу неимѣющую оныхъ?  
 Можетъ ли насъ какое ни есть мѣсто  
 унижить, или возвысить? Пигмеи пребудутъ  
 Пигмеями, хотябъ на верхъ горъ Алпій-  
 скихъ





скихъ помѣщены были; пирамиды же сущіи пирамиды, не взирая, что въ лощинахъ воздвигнуты. Каждый человекъ созидаетъ величество свое и самаго себя: едина добродѣтель воздымается превыше пирамидъ, и хотя Египетскіе памятники сокрушаются; однакоже и тогда памятники добродѣтели нерушимы споятъ будутъ.

Желаешь ли ты знать причину несомнѣтельнымъ истиннамъ симъ? Причину сію найдешь ты въ *безсмертіи*. Внемли, и яви мнѣ одобреніе свое. Грудь твоя горитъ ко могуществу; какъ высокій чинъ тебя прельщаетъ? изрядно: я доставляю тебѣ его; онъ уже твой. Сдѣлался ли ты чрезъ то большимъ, нежели предъ симъ былъ? И такъ предъ симъ былъ ты менѣе нежели человекъ. Новый твой чинъ провождаетъ ли тебя къ гордости? Сія вѣрояшная гордость есть измѣнникъ достоинства твоего; гордость сія постыждаетъ человѣчество, и называетъ такое существо подлымъ, котораго жезлы, или ордены возвыситъ могутъ. Смѣла отъ слѣпоты на подобіе сокола съ закровенными глазами, гордость сія воспаряетъ во мракъ своемъ до самыхъ облаковъ. Она есть чадо невѣжества непознающаго человека: невѣдающаго, что онъ ближайшій есть подъ Ангелами, и что весьма на краткое время ближайшимъ послѣ нихъ онъ пребываетъ. Неронъ, оставляющій Цесарскій престолъ свой, и въ  
бре-

брецащихъ струнахъ честь свою ищущій, есть покло слабая тѣнь, безсмертную дѹшу изображающая, которую обладаніе самаго престола, гордостію, или восхищеніемъ воспламенить можетъ. Если благороднѣйшіе доводы не производятъ въ тебѣ исцѣленія, то сама гордость запрещаетъ тебѣ гордиться.

Высокое достоинство есть высокій чинъ, и нѣчто еще болѣе. Оно принуждаетъ чинъ сей за нимъ гоняться; оно производитъ болѣе, нежели Монархи; ибо производитъ честнаго мужа. Хотя оно и не имѣетъ власти надъ казенными, однакожъ есть богатство; хотя не носитъ ни единого *ордена*, однакожъ есть слава. Слава и въ то время отъ тебѣ неубѣгающая, когда приходишь ты въ немилость; она не дѣлаетъ тебѣ никогда зависящимъ отъ улыбки владыки твоего. Совсѣмъ инаковое честолюбіе, природа тебѣ запрещаетъ; природа являетъ его въ челобкѣ весьма презрительнымъ, показуя ему происхожденіе его и конецъ: млеко, и колыбель первоначально суть единныя пребыванія его; дернъ или камень, на послѣдокъ всю область его соспавляютъ; ему, которому, между обоими временами сими и самъ міръ сей можетъ быть весьма малымъ представляется.

Истинно великія дѹши, воспаряя на крыліяхъ справедливаго любочестія, стремятся до самаго великаго окончанія, до



самаго паденія завѣсы. Тамъ зряпѣ онѣ, здѣсь съ гордостію шествующаго Ироя, по окончаніи нѣскольکو минутъ продолжающагося позорища, слагающаго театральное одѣяніе, и помѣщеннаго въ свойственное ему величество; въ высокое или въ низкое; поелику порокѣ, или добродѣтель, унизили его, или возвысили; тамъ смѣются онѣ личинамъ воображенія, и глупому предшествію, смѣха достойныхъ развязокъ, гдѣ малорослые ходяпѣ часто на ходуляхъ, и чрезъ попопленные міры, и въ крови низверженные народы малую свою дѣшу являютъ. Ужасная жертва для гордости Христіанскія! копораябѣ и самыхъ слѣпѣйшихъ язычниковъ ужасомъ и отвращеніемъ исполнила, естлибѣ богамъ ихъ принеслося.

О всехристіаннѣйшій непріятель міра! паки предстоишь ты вооруженъ? Паки раздражаешь ты судьбину? Единъ такой Государь, единъ токмо онѣ, истинно великъ, копорый не охотно вынимаетъ рѣчь свой, и съ радостію во влагалище его глагаетъ; копорый на владычествѣ своемъ созидаетъ то, что гораздо оное превосходитъ, и копорый престолъ свой чинитъ ступенію на небо.

Почто сіе такъ рѣдко? Для того, что всѣ смерпные забываютъ день смерти; оный высокопочпенный день, яко судія засѣдающій; оный день, копорый всѣ прочіе дни наши судитъ имѣетъ, разрѣшитъ ихъ или  
 СВЯ.



свѣжетъ. О Лоренцо! не затворяй никогда отъ него дѣшу твою; сколь ни полнясь передніе твои чертоги, оставляй ему мѣсто, и хотя въ кабинетѣ твоёмъ, всегда однакожъ внимай ему. Сей другъ для совѣта побою призванной, объявитъ тебѣ чистосердечно, безъ всякаго ласкательства, истинно ли ты великъ или низокъ?

Любить съ чрезвычайностію чтонибудь могущее насъ оставить, или чтонибудь, которое мы можемъ оставить, можно ли назвать честолюбіемъ? Да снидетъ огонь, и метнетъ обращенный пламень свой на землю, да принудитъ онъ насъ учиться униженію отъ души славящейся происхожденіемъ своимъ отъ огня небеснаго. Но сіи-то суть самыя шѣ, коихъ свѣтъ сей мудрыми называетъ; свѣтъ, который истинны и несправедливости природы отвергаетъ, созидая себѣ новую премудрость; онъ и самый благоразумный мужъ, вспоможествуетъ ей важнымъ лицомъ своимъ, дабы привести въ обращеніе монету сію. Премудрость въ частяхъ, есть бѣшенство въ цѣломъ. Сіе утверждаетъ невѣроятное положеніе, и позволяетъ намъ называть премудрѣйшихъ глупыми, богатѣйшихъ бѣдными, честолюбивѣйшихъ нелюбостивыми и подлыми; подлецами посредѣ торжества ихъ, и рабами на самомъ престолѣ. Ничто не можетъ предохранить чловѣка отъ названія бѣшенымъ, когда онъ





весь свой жаръ, все свое искусство устремляетъ, и душу свою предаетъ свободно и неограниченному ея паренію; ничто, говорю я, кромѣ спаранія достигнуть того, который далъ ей крылія для воспаренія. Когда слѣпое честолюбіе совратился совершенно съ пути своего, и взираетъ на то, что сіяетъ на превыспреннихъ, на существенное блаженство, и на истинную славу: тогда уподобляемся мы безумному смотрящему въ ручей, скачемъ за звѣздами, и упадаемъ въ грязь, ловимъ честь, и погружаемся во стыдъ.

О честолюбіе! ты изобильный источникъ добраго и злаго! подобно какъ пому долгога крылій ея, такъ и своя сила въ человекѣхъ, сколь скоро мы отдѣляемъ себя отъ земнаго шара, несетъ насъ къ небесамъ съ легкостію и поспѣшностію. Но когда повергаемъ себя въ грязь, или въ шинъ пороковъ погружаемся, претворяется оно въ проклятіе; въ таковомъ случаѣ бываетъ она цѣпью и бичемъ во мрачной темницѣ сей, въ которой валяемся мы заключенные нечистою решеткою *чужестранности*; гдѣ очамъ нашимъ запрещается устремлять взоры свои въ вѣчность, и отъ котораго никогда мы не освобождаемся, развѣ шокмо когда ведомы бываемъ на казнь.

Но что же, видимъ ли мы *Доренца*, котораго по справедливости заблужденіемъ въ честолюбіи обвиняютъ, видимъ ли мы его

его мудрѣйшаго посредѣ богатствѣ своихъ? Что, еспьли я покажу тебѣ ошибки въ исчисленіи богатствѣ твоихъ, и ччтобы учинить тебѣ сіе гораздо яснѣе, предложу тебѣ новое описаніе имѣнія твоего? Гдѣ лежитъ истинное твое сокровище? Злато отвѣщаетъ, нѣтъ во мнѣ, алмазъ глаголетъ, нѣтъ со мною. Злато весьма бѣдно; Индія не въ состояніи запластитъ его; ищи его въ самомъ себѣ; ищи его въ единомъ тебѣ; и тамъ сыскашь его старайся. Въ ономъ существѣ отъ божества происшедшемъ, прообразованномъ и одаренномъ; въ ономъ родѣ, на небесахъ рожденномъ, опшуда изведенномъ, и паки на небо возвратиши имѣющимъ; который есть знатенъ, безсмертенъ, разуменъ и божественъ! въ *чувствахъ*, которыя и небо и землю собственностію своею имѣютъ; которыя различными богатствами, что природа имѣ предлагаетъ, наслаждаются; да что еще гораздо сего славнѣе! сами даютъ тѣ богатства, которыми онѣ наслаждаются; которыя плодамъ даруютъ ихъ пріятность, а лѣсамъ доброголасіе ихъ; злапу и пылающему источнику онаго сообщаютъ ослабляющіе лучи ихъ; и которыя чрезъ малѣйшее отверстіе, котороебъ единою песчинкою закрыть было можно, зрятъ земный шаръ свѣта сего, и половину изъ видимаго имѣ въ чудесномъ свѣтѣ семъ, едва ли не сами сотворили. Чувства на-



ши также какъ и разумъ, суть божественны. Безъ помощи, волшебныя силы о́ка, земля сія и до сего времени пребыла бы еще дикимъ и неизукрашеннымъ Хаосомъ. Предметы суть единые случаи; намъ принадлежитъ *дѣяніе*, намъ плашно, кисть и краски, копорыя изображаютъ картину удивленія доспойныя природы, и еще вѣщшею лѣпопою пространный храмъ творенія украшаютъ. Какъ *Мильтонова Еппа*, когда взирала на себя въ морѣ, такъ и человѣкъ творитъ несравненный образъ, копорому человѣкъ удивляется. Скажи мнѣ, ужè ли человѣкъ долженъ выслать всѣ мысли свои, забыть въ самомъ себѣ чудеса гораздо превосходнѣйшія, и распочать удивленіе свое на предметы вокругъ его находящіеся, когда небо всего имъ видимаго чинитъ его душою? Какое безуміе! но со всѣмъ тѣмъ ничто такъ не рѣдко. Такъ-то великъ, такъ-то низокъ человѣкъ!

Какое богатство въ *таковыхъ чувствахъ*! Какое изобиліе въ *силѣ воображенія*, копорая, пылая жаромъ, стремится изобрѣсти позорище еще гораздо прекраснѣйшее, нежели то, которое разсматриваютъ чувства наши! Какое сокровище въ неложной книгѣ повѣствованія, *памяти*, копорая свѣтъ сей, хотябы онъ и разрушился, воззвать можетъ изъ мрачныхъ тѣней годовъ его покрывающихъ, сохранить, образъ его свѣжими и ясными красками въ первоначальной

ной красотѣ его, и повѣсповатъ судьбу его! какое богатство въ разумѣ, въ сей владычествующей силѣ! которая и *чувства* и *поовраженіе* призываетъ въ судилище свое; вопрошаетъ ихъ, одобряетъ или опорочиваетъ, и изъ всего предлагаемаго ей услужливыми работниками сими, изъ ихъ очищеннаго, и съ почностію на вѣсахъ истинны вывѣшеннаго вещества, приготавливаетъ, искусство и науку, порядокъ и законы, твердые столпы и прекрасное зданіе, питапельные каналы и украшеніе жизни гражданскія! и которая исключая пренебрегаемые нравы (горестное исключеніе!) начертаваетъ мастерскою рукою прекрасный списокъ съ плана того, котораго торжествующій духъ начерпалъ блаженство челоуѣка, прежде, гораздо прежде, нежели чреватый Хаосъ облегченъ былъ бремя своего.

Какое богатство въ душахъ, которыя воспаряютъ на высоту, спускаются въ бездну, странствуютъ повсюду вокругъ, смѣются предѣламъ мѣста и времени, и во пространной окружности духа, и всемогущее *буди* и *звукъ трувный*, во единое время слышатъ! которыя странствуютъ со смѣлостію на поверхности творенія, и взираютъ на то, что было, что есть, еще и болѣе на то, что нѣкогда быть имѣетъ; и которыя всемогуществомъ мыслей своихъ, въ полѣ воображенія новымъ твореніямъ произойти повелѣваютъ! души, которыя все





по, что Всевышній сотворилъ, въ себѣ вмѣ-  
щаютъ, и даже и самыя невозможныя ве-  
щи проходятъ! какое богатство въ способ-  
ностяхъ до безконечности возрастающихъ,  
въ неизгладимыхъ страстяхъ, съ жаромъ  
желати, въ полнотѣ избирати, въ силѣ  
достигаши и въ продолженіи, (о какъ воз-  
растаютъ сокровища твои!) въ продолже-  
ніи чинити пѣчнымъ — Неограниченное  
блаженство!

Ты вопрошаешь, какая сила обитаетъ  
въ человѣкѣ для пріобрѣтенія блаженства  
сего? Какъ, или неизвѣстна тебѣ сила  
добродѣтели? Добродѣтель есть днешнее  
спокойствіе наше, и будущая драгоцѣнность.  
Въ добродѣтели состоитъ независимое и  
врожденное имущество человѣка, которое  
безпрестанно по соизволенію своему умно-  
жати онъ можетъ; обладаніе онаго несо-  
мнѣнно; доходы съ онаго суть божественны.

Къ чему послужатъ кучи на кучи со-  
браннаго издѣшества? Дабы родить новые  
недостатки, и пѣмъ бѣднѣ насъ учинити;  
и потомъ хватающему народу болѣе на  
похищеніе отдаши? Какъ скоро сей сла-  
бый пульсъ, который почти посредст-  
вомъ чуда толико долговременно біется,  
чрезъ движеніе упоминся, по въ ту же  
самую минушу оплещаютъ отъ насъ ма-  
газейны собранныхъ бездѣлокъ, подобно  
обломкамъ изъ гремящихъ орудій изры-  
гающимся; всѣ онѣ разсѣваются; достаю-  
ся

ся чужестраннымъ и непріятелямъ; ищутъ новыхъ владыкъ, а прежняго называютъ глупымъ, (да и весьма справедливо!) для того, что полагался онъ на непремѣнность ихъ. Впервыхъ наши забавы, а потомъ уже и прахъ нашъ разбѣвается.

Ищешь ли ты изобиліе для спокойствія твоего? О! познай, и оплачи предпріятіе свое, само себя уничтожающее. Богатства приводятъ насъ въ состояніе учиниться еще богатѣйшими; кто же изъ смертныхъ возможетъ удержатъ стремленіе свое, учиниться еще богатѣйшимъ? смотри же, изобиліе (не милосердый гонитель!) возлагаетъ на насъ новыя работы, ежедневно новыя работы, безконечное множество! и такимъ образомъ умерщвляетъ спокойствіе, отъ котораго однакожъ получила она первоначально сіяніе свое. Немушіе въ половину, несчастны пропиву богатыхъ, которые имѣютъ гордое и тяжкое преимущество носить въ то же самое время, двойное бремя горести; чувствоватъ жало *заисти* и недостатка, жестокаго недостатка! которому даже объ Индіи никакія помощи принести не могутъ

Умѣренное имѣніе есть нужная и достаточная пища удовольствія. Великое богатство есть то же, что непомѣрная и беспомощная полстопа, ежели шокмо не настоящая болѣзнь! блаженство наше чинит-



ся отъ него нездоровымъ или тягостнымъ. Умѣренное *имѣніе* составляетъ все то, чѣмъ мы наслаждаться можемъ. О будьте довольны, естли гдѣ небо не можетъ дать вамъ болѣе! чрезъ болѣе движеніе жизненныхъ духовъ нашихъ чинится подобно высоко поднимающимся водянымъ лучамъ, на единъ токмо часъ одушевленно; вскорѣ потомъ сила ихъ ослабѣваетъ, и радости наши не превосходятъ никогда теченія обыкновенныя природы нашей. Отъ сего - то яко пчѣлы во цвѣтахъ, въ каждомъ названіи лежатъ сокрытыя препяствія, которыя постыждаютъ надежду нашу, и первымъ щастіемъ насъ насладившимъ уязвляютъ.

Богатый, который сіе отрицаетъ, старается токмо удоблетворить гордости своей, и припворяется; а не знаетъ того, что благоразумные опкрываютъ ложь его. Великая ученость показываетъ, сколь мало смертныя знаютъ; великія имѣнія являютъ, сколь мало чада міра сего ими наслаждаются: по большей мѣрѣ забавляютъ онѣ насъ своими безконечными кукольными играми, и содержатъ насъ въ младенчествѣ, доколѣ не преворимся въ прахъ. Подобно какъ обезьяна удивляется стоя предъ зеркаломъ; не можетъ бо она найти то, что однакожъ поль ясно видитъ: такъ и челоуки въ блестящихъ богатствахъ зрятъ образъ блаженства, а не знаютъ, что се естъ

есть единая шѣнь; озираютъ его, прикасаются, оглядываютъ, пересмаправляютъ, желаютъ, и удивляются, что оно безпрестанно удаляется.

Сколь не многіе излишество свое отъ недостатка предохранить умѣютъ! кто живетъ слѣдуя природѣ, весьма рѣдко бываетъ бѣденъ; кто живетъ повинуюся воображенію, никогда богатымъ быть не можетъ. Бѣденъ есть должникъ; обладателю имѣнія долженъ *щастію*, онъ претпешетъ предъ могуществомъ его. Обладатель *разума* смѣется и щастію и смерти. О какое же наслѣдственное сіе благо! существо такія собственныя силы, и такого величества, что овладеваемые міры его увеличитъ, а сооруженные міры разстроитъ его не могутъ; оно и тогда продолжаетъ теченіе свое, когда ты, о природа! свое скончаешь; весьма блаженно, чтобы оплакивать погребеніе творенія! о какое же сокровище сіе! Монархъ есть нищій въ сравненіи съ человекомъ.

Безсмертно! цѣлыя вѣки проходятъ, однакожъ ничего оно не теряетъ; утро безъ вечера! теченіе безъ цѣли! несокращенно безконечнымъ шествіемъ! вѣчное ожидаемое будущее! жизнь, которая по учиненіи исчисленія вновь паки начинается! се описание божества! се описание послѣднѣйшаго узника! дерзнетъ ли *Доренцо* презирать послѣднѣйшаго узника? Послѣднѣйшій узникъ





зникъ беретъ участіе въ высочайшей чести твоей. Юноша надменный! гнушающийся земнымъ міромъ симъ! праведная гордость челоуѣка заключаетъ въ себѣ уничиженіе, низходитъ къ самымъ низайшимъ; чувствуетъ себя весьма велику для обрѣшенія низайшихъ; всѣ безсмертны! всѣ брація! и вѣчныя владѣтели любви твоея,

Безсмертенъ! что можетъ такъ сильно пронести чувства наши, какъ слово сіе духъ нашъ? Оно гремитъ въ душѣ нашей, объемлетъ удивленіемъ *разумъ*, поражаетъ благодарностью; не шатаемся мы болѣе на берегу плѣнности, пробуждается звукомъ симъ душа наша, воспаряетъ торжествуя, и питаетъ воздухомъ ей сроднымъ; воздухомъ, который питаетъ высокое, высочайшее любочестіе, и возжигаетъ огонь Божіи; возгорается въ единое мгновеніе все то, что божественнаго въ насъ находится, и ни единыя рабскія мысли подъ всею поднебесною не оставляетъ.

Не возжегъ ли огонь сей грудь твою, о *Доренно*? Безсмертенъ! естлибъ токмо единый былъ безсмертенъ, о koliko завидовалибъ ему прочіе! какъ бы и самыя прешолы спали его обожати! не ужѣ ли исчезло благословеніе сіе, для того, что оно всѣмъ общее? Какъ обязуетъ симъ благодарительная десница небесная! О сколь суешно, тщетно и ничпожно все прочее! *пѣчность!* сія есть славное и нужное прибѣ-

жище изъ гнусныя темницы въ низайшихъ видахъ времени. Единое безсмертіе, оно едино, которое посредъ пягостей, посредъ униженій, въ *пустотахъ* жизни сея душу укрѣпить, возвыситъ и наполнитъ можетъ. Оно едино причиняетъ сіе, и причиняетъ совершенно; оно возвышаетъ насъ надъ нещастіями и веселостями жизни нашея; первыя перяютъ ужасъ свой, а послѣднія свое сіяніе. Все прикрывается ожидаемою *вѣчностію*; все производится ожидаемою *вѣчностію*; земля удаляется на великое разстояніе; погружается въ темныя тѣни; смѣшиваются различія оныя; низлагаются мучители ея; низость и знатность, веселіе и прошивности, скрежещущая горестъ и восхищающія радости щастія, все сіе въ смѣшенной и презрительной кучѣ лежитъ поверженно у ногъ сего человѣка; естли токмо осмѣлюсь назвасть человекомъ того, коего совершенныя силы *безсмертія* одушевляютъ. Ничто изъ земнаго не дѣйствуетъ на высокій духъ его; солнца освѣщаютъ, небывъ видимы; грома гремятъ, но не слышатся онѣ духами, которые о своемъ высокомъ происхожденіи, настоящихъ должностяхъ своихъ, и о будущемъ награжденіи внутри самихъ себя совершенно увѣрены; копорые каждое огненными крыліями снабженное желаніе свое божески возсылаютъ, и перяются въ доспославномъ отсутствіи.

Еще



Еще ли сомнѣваешься ты въ истиннѣ сей? Почто работаешь въра своя? ЕСТЬ либѣ надлежаше опдаленное око въ одно мгновеніе весь шаръ земный возмогло обозрѣти, тогда бы низпали облака касающіяся горы Алпійскія, а придавляемый апласъ въ ровную долину претворился. Такъ *то земля*, и все что духовъ земныхъ удивляетъ, неизмѣримою круглостію вѣчноспи поглощается. Когда дѣши къ такому удивительному зрѣлищу возбуждающіяся, тогда исчезаютъ игрушки времени, которыя казались человѣку высокими горами; и все что здѣсь ни видимъ, въ ровную долину претворяется.

Не назовешь ли ты сіе изступленіемъ? (*Enthusiastisch*), когда какъ то въ случаѣ семъ, исключая истинныхъ изступленниковъ, всѣ прочіе суть слабы и слѣпы. Нѣкоторыя дѣши достигли божественныя высоты сея, или мученики никогда не проливали кровь свою. Но всѣмъ можно по дѣлать, что сдѣлалъ одинъ человѣкъ. Гдѣ смертный, который обуреваемъ непогодами жизни сея, не восхитится, не вознесется, и не воспламенится, представляя себѣ, о радости неограниченныя и безконечныя? Какой невольникъ нещасливъ, который съ наступающимъ упрямъ царскаго вѣнца себѣ ожидаетъ? Забываетъ онъ свои дѣпи, восходитъ въ мысляхъ своихъ на пре-

престолъ, и отсутствующимъ скипетромъ своимъ управляетъ.

Но какой же скипетръ! но какой же престолъ ожидаетъ насъ! о какъ работаетъ божественная душа человѣческая! о! сколь щещно силился она, въ семъ мрачномъ младенествѣ, дабы исчислишь собственныя свои несказанно великія назначенія, или высокія преимущества свои уразумѣти! для земныя радости милосердіе сіе представляется весьма велико; какое сердце размышляя о такомъ чудесномъ блаженствѣ, не вострепещетъ?

Еще ли, не взирая на всѣ истинныя сіи, которыя Муза воспѣвала, найдутся такія, которыя не могутъ быть довольно почитаемы, и о коихъ намъ совершенно размышлять не можно! ежели найдутся такія, которыя столь твердо къ міру сему привязаны, что уже не въ состояніи взоромъ своихъ устремлять далѣе, какъ только до облаковъ, которыя пляшутъ на глупой ногѣ безразсудительнаго тщеславія, доколѣ, посредеъ скачковъ своихъ запнувшись о единую шокмо соломинку, не упадутъ, и шутъ уже прервутъ пѣніе свое и пляску? Уже ли есть таковыя, о Лоренцо! возможно ли? Естьли таковыя на землѣ, (не хочу я называть ихъ человѣками,) которыя въ груди своей носятъ душу бессмертную, и столь же мало ее чувствуютъ, какъ горы металлическую руду, или

не



неоцѣненные дорогіе камни свои? Когда каменные горы разобьются; а прочія горы исчезнутъ, тогда токмо сіи научатся познавать сокровище свое; но тогда уже не будетъ оно болѣе сокровищемъ!

Еще ли есть, (о того еще гораздо удивительнѣе!) еще ли есть пыковые, которыя проливятся мысли въ нихъ возстающей? Которые сію славную истинну еще при самомъ рожденіи оныя испребляютъ? Которыя усремляютъ всѣ желанія свои, чѣобы учинишься скопомъ? Которыя внутреннимъ ломомъ (Kiesel) разбиваютъ грудь свою? И со развращеннымъ честолюбіемъ стремятся къ паденію? Которыя чрезъ силы естественнаго побужденія, разума и міра, кои всѣ едина другой противорѣчатъ, трудятся доставать себѣ плачевную надежду, и въ буряхъ ноши безконечныя покрова себѣ ищутъ? Ноши темнѣйшія, нежели ношь гроба! которыя опровергаютъ доказательства безсмертія, со гнусною ревностію и со проклятыми искусствами направляютъ всякаго рода орудія, и дѣлятъ черные огни свои, дабы истребить изъ чловѣка оное божественное достоинство, которое мудрыми драгоцѣннѣе, нежели самая кровь ихъ почитается? Если таковыя богохулители, и истинные противу самихъ себя Апейсты?

Зри, вся природа воздымается, чѣобы опровергнуть ихъ. Какой предметъ, ка-  
кое



кое происшествіе найдешь ты въ мірѣ семѣ, котороебъ не оказывало намъ будущаго, или не чинилобъ его драгоценнымъ, котороебъ не убѣждало разумъ нашъ, или будущее сіе не совокуплялось жарчайшимъ желаніемъ нашимъ? Всѣ вещи свидѣтельствуютъ необходимость онаго, нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ еще на степень гораздо драгоценнѣйшую, и показываютъ несомнѣнность его. Тысяща доказательствъ собираются съ небесъ, съ земли сея, и изъ самаго человека, и тѣснятся вокругъ пера моего. Разсмотримъ же малѣйшую часть изъ оныхъ, тѣ, которыя носитъ природа, яко обыкновенное одъяніе свое; полико-то рачительно старается провидѣніе приблизить намъ такую истинну безъ познанія: всѣ прочія истинны ничтожными учинятся.

Ты, коего всевидящее око озираетъ швореніе все, коего рука имѣ управляетъ, коего духъ наполняетъ его и согрѣваетъ, и гораздо превыше онаго на престолѣ своемъ засѣдаетъ! Высочайшій Обитатель вѣчности! преудивительный Господь двухъ вѣчностей! изъ которыхъ одна прешла прежде, нежели вѣчность человекѣвъ, или Ангелѣвъ, начало свое воспріяла; низпошли мнѣ помощь твою! мнѣ, которой славою твою бессмертность въ человекѣвъ прошиву нападенія непріятели предохраняетъ. Истинна, которая во всѣ времена, и для всѣхъ душъ важна, безконечно важна есть! однакожъ и

Часть VII. В стин-



спинна наиболѣе таковыхъ услаждающая, которая наиболѣе тебя любящъ, и наиболѣе тебя почитаютъ.

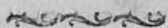
Природа, дочь твоя, безпрестанно премѣняющееся рожденіе твое, о ты великій, никогда непремѣняющійся, научаетъ человѣка премудрости! есть его высочайшее прощалище, и кто наиболѣе совѣповъ отъ него требуетъ, тотъ премудрѣйшимъ бываетъ. О Лоренцо! поспѣшай въ небесный Дельфосъ сей; да возвратишься опполнѣ совершенно безсмертенъ, совершенно божественъ. Возри на природу, повсюду видишь ты единое вокругъ шествіе; единую премѣну; но нигдѣ не усмаприваешь ты смерти. День слѣдуетъ ноши, а ночь умирающему дню; звѣзды восходятъ, скрываются, и паки являютъ лице свое; земля слѣдуетъ примѣру сему. Виждь различное лѣто со зеленымъ вѣнцомъ своимъ и Амврозическими цвѣтами, ослабѣваетъ въ силахъ своихъ, и уступаетъ блѣдной осени; сѣдовласая зима, онѣмѣвшая отъ мраза, и разъяренная бурями, прогоняетъ осень и златые плоды оныя, и расплывается въ песну; крошкodyшушіе зефиры сего послѣдняго призываютъ первое изъ пламеннаго полуденнаго обипалища его. Все увядаетъ, дабы украситься паки цвѣтами. Всѣ сіи сущіе изображенія человѣка, который переходитъ, но никогда не уничтожается.

Справедливыя изображенія съ симъ ма-  
лымъ различіемъ, что природа обращается  
въ единомъ кругѣ, а человѣкъ идетъ непре-  
спанно впередъ; оба вѣчно, первая въ  
циркулѣ, а послѣдній въ прямой линіи.  
Первая спремится къ низу, а послѣдній  
воспаряетъ въ высоту. Спремящаяся ду-  
ша, подобно пламени, возшедъ на крылія рвенія  
и уничтоженія, лепитъ на небо съ жаромъ  
и шрепетомъ. Всемирное тѣло, съ много-  
различными своими существами, все сіе  
умираетъ для новыя жизни. Жизнь, изъ  
смерти рожденная, гонитъ предъ собою  
обширное вещество сіе и беспрестанно гна-  
ши его будетъ. Ни единая утраченная  
солнечная пылинка, которая единъ уже  
разъ существовала, не обличаетъ Всемогуща-  
го въ измѣненіи судьбы его.

Что, Лоренцо, заключаешь ты изъ се-  
го? Возможно ли? Вещество безмертно?  
А духъ долженъ умерети? Должны ли  
менѣ благородныя вещи возвыситься предъ  
гораздо ихъ благороднѣйшими? Уже ли о-  
динъ человѣкъ, для котораго все прочее  
жизнь свою паки получаетъ? Уже ли онъ  
единъ не долженъ признавати возстанія?  
Уже ли одинъ человѣкъ, царственный чело-  
вѣкъ, посѣвается въ землѣ неплодоносной,  
и пользуется малѣйшими преимуществами,  
нежели зерно, которымъ онъ питается?  
Уже ли человѣкъ, который единъ имѣетъ

В 2

спо-



способность познавать цѣну счастья бытія своего, и съ предвѣдущимъ мученіемъ оплакивать конецъ онаго? Уже ли единъ онъ по своенравію судьбы осужденъ только жестоко, чтобы учиниться добычею смерти?

Еслили ты слышишь ясный гласъ природы въ премѣняющемся теченіи оныя, то слушай его въ порядкѣ степеней, еще громогласнѣе раждающейся. Обозри природу. Повсюду зришь ты степени безъ наималѣйшихъ промежутковъ. Какими же малыми степенями воздымаешься лѣспвида оныя! каждая средняя природа, на каждомъ концѣ, на верхнемъ и нижнемъ совокупляется со другою природою! какая любовь къ соединенію повсюду царствуетъ! здѣсь покоящееся вещество ожидаетъ воззванія къ жизни; тамъ половина жизни и половина смерти соединяются между собою; здѣсь жизнь и чувствованіе; тамъ чувствованіе крадетъ слабо-свѣтящій лучъ у разума; въ челобкѣ разумъ сей блистаетъ въ полномъ сіяніи своемъ. Но какимъ же образомъ цѣпь сія отъ тѣлесныя до безтѣлесныя жизни неразрушенна сохраняется? До оныхъ существъ блаженства, гдѣ смерть уже никакого владычества не имѣетъ? Согласись хотя на единое существо, которое половино-смертно и половино-безсмертно; согласись на вѣч-

ность



ность души человѣческой; въ противномъ случаѣ, дошедъ до человѣка порядокъ сей, прервется. Откроется пространное опроверженіе; не останется болѣе совокупленія; истребленный разумъ остановится; ближній шагъ его не обрѣшетъ уже болѣе твердости, стараяся взойти на высоту, низпадетъ онъ съ верьху зданія науки своея, съ такого зданія, которое *сходстпенность* являло несомнительнымъ; *сходстпенность* вѣрнѣйшій путеводитель человѣка на землѣ сей.

До сего времени вся природа громогласно требовала вѣры твоея. Уже ли, презривъ призываніе сіе, восхощешь ты, Лоренцо, лучше возложить ложное свидѣтельство на всю природу, нежели прервать союзъ твой со смертію? Лучше отказать отъ разума, нежели отъ возлюбленнаго праха своего, и предать себя опасности потерять небеса? О какой стыдъ для душъ неисстребляющихся! какое великое преступленіе противу величества человѣка! безсмертнаго человѣка! внемли покмо высокимъ словамъ, которыми изъявляетъ онъ достоинство свое. „Естьли предопредѣлено такъ свыше, да исполнится воля всемогущая. Да разрушится земля, да низпадутъ пягостныя сферы, и раздробятъ насъ въ малѣйшія пылинки: душа не подвержена опасности; *человѣкъ* восхо-

В 3

„дитъ





„ дитѣ превыше ; онѣ шествуетѣ надѣ ра-  
 „ валинами подобно пламеню восходящему,  
 „ изѣ развалинѣ природы, ослабляется онѣ,  
 „ опуская взоры свои на опустошеніе сіе,  
 „ находитѣ бо шупѣ выгоды свои, и ра-  
 „ дуется, что чрезѣ слабость громовыхѣ  
 „ ударовѣ, чрезѣ прищупленные стрѣлы  
 „ смерти, и чрезѣ побѣжденные бури ада  
 „ узнаетѣ грамоту спою, свои права, ни-  
 „ когда уже непремѣняющіяся. „

Но всѣ химеры сіи не прогаютѣ тебя,  
 о Лоренцо ! ты поспавляешь прошиву нихѣ,  
 славу твою, твой седмеричный щипѣ. Со-  
 всѣмѣ иное честолюбіе, нежели вѣнцы на  
 воздухѣ, и свыше земныя блаженства вос-  
 палятѣ грудь твою. Я поспараюсь, естѣ-  
 ли могу, прохладить огонь сей, и славу  
 твою обратить прошиву самаго тебя. Все,  
 что привязуетѣ тебя кѣ жизни сей, все по-  
 вѣщаетѣ тебѣ о будущей. Естѣли ты  
 благоразуменѣ, то самая причина язвы  
 твоея исцѣлитѣ тебя.

Изрядно честолюбивецѣ мой, взой-  
 демѣ со мною на высоту, (восходитѣ Ло-  
 ренцо никогда не откажется) и съ обла-  
 ковѣ, гдѣ гордость полико охотно обипа-  
 етѣ, успремимѣ взоры наши на землю. —  
 Что зришь ты ? Чудесныя вещи ! земныя  
 чудеса, которыя славу небесную помрача-  
 ютѣ. Какое неизмѣримое пространство  
 земель обработанных ! какія обремененныя

моря! обремененныя человѣками ради сластолюбія, богатства, или войны! подвластные моря, вѣтры и планеты, признають искусство ихъ, и намѣреніямъ ихъ способствуютъ. И самыя вѣчныя каменные горы не могутъ волѣ ихъ воспропихаться. Какое множество горъ опроверженныхъ! сколько долинъ возвышенныхъ! на долинахъ и горахъ воздвигнуты огромные грады, споятъ они съ гордостью и горящими своими башнями землю нашу освѣщаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ воздымаются въ величество прежде самыхъ волнъ имъ удивляющихся; Нептунъ противу прелестей ихъ полагаетъ зеркало свое. Еще сего гораздо болѣе! (что бо могущество смертныхъ произвести не возможетъ?) зри, здѣсь отѣмляются у глубины великія области! стѣсненная глубина кипитъ отъ негодованія. Или обрати взоръ твой къ югу, и виждь свободныя науки, достигающія пріятности своей и зрѣлости въ солнцѣ. Съ какимъ изяществомъ до самыхъ облаковъ достигаютъ высочественныя храмы; подобно какъ будто стараются они приипи во срѣшеніе богамъ своимъ! гордая дуга торжественная, подъ обширнымъ пространствомъ своимъ, являетъ намъ половину неба. Здѣсь рѣки научаются пропекать чрезъ посредній воздухъ; тамъ цѣлыя рѣки опочіють въ водоемахъ ихъ сохраняющихъ; здѣсь



долины претворяются въ Океаны; тамъ  
 посредѣ областей отъ одного берега до дру-  
 гаго весьма глубоко прорытыхъ соединяют-  
 ся ужасные Океаны, и превращенное шво-  
 реніе пріемлетъ образъ свой отъ человѣка.  
 Жаждетъ ли швое храброе сердце явленій  
 страшныхъ, гдѣ слава и могущество за  
 мечемъ слѣдуютъ? зри поля въ крови по-  
 попленные; слышишь воинскихъ Флоповъ  
 грома ревущіе, се гласъ Брипаніи! коего  
 ужасъ всю вселенную къ міру подвигаетъ.  
 Съ какою силою оный сильный и далеко  
 проспирающійся оплотъ разбиваетъ яря-  
 щіяся волны отъкрытаго моря! посредѣ ре-  
 ва ихъ гремитъ еще того сильнѣйшій  
 гласъ божества, и глаголетъ тако: „о мо-  
 „ре! до сего мѣста, не далѣе, повинуйся  
 „новымъ предѣламъ.“ У земли отъзем-  
 лютъ внутренность оныя! измѣряютъ  
 сами небеса! открываются звѣзды въ углахъ  
 наискровеннѣйшихъ! распроспраняется шво-  
 реніе! уступаетъ природа побѣжденная!  
 исторгается у ней таинства ея! искусство  
 торжествуетъ! о какія памятники раз-  
 ума, духа и могущества!

Теперь, Лоренцо, наполненъ восхищені-  
 емъ отъ зрѣлища сего, коего слава небеса  
 излишними дѣлаетъ! скажи, чьи суть сте-  
 зи сіи? — Здѣсь безсмертные были. Мо-  
 гутъ ли учинить сіе дѣла менѣе, нежели  
 безсмертныя? Вся земля наполнена доказа-  
 тель-

пелльствами безсмертія душѣ и забвенныя безсмертности.

Чтобы удовлетворить величайшей слабости швоей, охотно я соглашуся, что вся сія суть произведенія честолюбія; велики суть произведенія сіи; но се есть самое малѣйшее, что безсмертныя душі произвѣсти могутъ. Превзойди все сіе. — Но что сіе превзойти можетъ? Ты вопрошаешь меня что? Единый вздохъ о нещастныхъ. Что же о невѣрствующихъ? Вздохъ еще сего глубочайшій. Единое нравственное величество составляетъ великаго человека! сколь малы тѣ, которые что нибудь здѣсь великимъ почитаютъ! всѣ честолюбивыя желанія наши побѣждаются смертію, исключая шокмо единого, сіе же увѣнчивается ею. — Здѣсь позволъ намъ принять опдохновеніе: но скорѣ еще сильнѣйшее доказательство изыдетъ противу тебя на сраженіе; доказательство сильнѣе смерти, которое и самой гробницѣ насмѣхается.

**КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ НОЧИ.**



## II.

## ХВАЛА ВСЕВЫШНЕМУ.

*Подражаніе Сенекъ, дрепнему Философу.*



**О** Ты Творецъ міровъ, Зажидитель всѣхъ вещей!  
Начаю вѣчности, благій Отецъ людей!

Ропшанье тщетное Ты чадъ своихъ внимаешь,  
И окомъ благости на слабость ихъ зриаешь.  
Вражда, и ненависть, коварство, злоба ихъ,  
Источника щедротъ не истощаешь твоихъ.



**П**ремудро основалъ Ты землю надъ водою,  
Питаешь жаждущихъ Ты влагою земною,  
Небесныя шѣла движеніемъ живишь,  
Соразмѣряя ихъ, вѣкамъ Ты печь велишь.  
Тобою красится пространство всей природы,  
Расшѣнія цвѣтущъ, бѣгутъ по камнямъ воды.  
Испещрены луга имѣютъ красоту,  
Прохладу жарки дни, и хладны теплоту,  
Ты области своей стихіи покоряешь,  
Смиряешь грозный поитъ, и бури умѣчаешь.  
Лишь сердца злобнаго не можешь ты смячинъ.  
Твою державишь власть оно во зло вѣднншь,  
О существѣ твоёмъ постигнути не ходещъ,  
Во заблужденъ бывъ, прошиву Бога ропщещъ.





Се бранный человекъ одушевлена тварь,  
 Начальникъ тварей всѣхъ и нестѣкомыхъ царь,  
 Величіе Твое о Творче! уменьшаетъ,  
 Онъ бѣдъ своихъ Тебя виновникомъ считаетъ  
 И волю еяъ свою, и благости винилъ,  
 Стремленію страстей Тебя причиной чпимтъ.  
 Онъ въ мірѣ вещи всѣ желаетъ предуставишь,  
 Тебя опвергнути, и самъ себя прославишь.  
 Не стѣнѣ мщенія онъ Боже твоего!  
 Ты щедростью зриай на слабости его.



### III.

## ХРИСТІАНИНЪ.

Смертный, Христіанъ поносящій, возвѣ-  
 сти, что есть въ ихъ ученіи, что бы безче-  
 стно было для разума и не достойно Бога?  
 Заслуживаетъ ли оно твою ненависть и  
 посмѣяніе? Покажи намъ лучшее щастіе  
 и лучшаго Бога, нежели показало намъ  
 писаніе. Прииди, покажи намъ прекраснѣй-  
 шія должности, лучшее побужденіе, чтобъ  
 заплашишь ихъ Богу людей, большую добро-  
 дѣтель для сѣрдца и для щастія міра,  
 большее утѣшеніе, когда судія насъ судитъ,  
 большій свѣтъ, когда страшныя и темныя  
 сомнѣнія насъ мучатъ, больше благодравія  
 въ щастіи, въ нуждѣ больше спокойствія



душевнаго. Представь ученіе, которое о насъ больше бдитѣ и дѣлаетъ насъ мудрѣе, спокойнѣе и добродѣтельнѣе; и тогда я съ побою восхожу разсуждать съ ругательствомъ о писаніи, его слова оубняпъ стану, какъ слова человѣческія; а твои, какъ Божія. Представь таковое ученіе; ежели нѣтъ, то будь Христіаниномъ, когда ты, какъ хвалишься, другъ истинны. Впрочемъ я опасуюсь, что твое сердце почитая свой порокъ, не восхождетъ познавъ Бога, которому научаютъ его посланники.

Возстани, стихотворная наука! почпи того, котораго гордое своевоольство поноситъ; и къ славѣ Христіанина начертай его изображеніе!

Не премудръ ли тотъ, которой съ желаніемъ ищетъ справедливости? Оною просвѣщается, мыслитъ, исправляется, живетъ? Онъ чтитъ разумъ, и то, чего ему недостаетъ, вознаграждаетъ въ его духѣ нѣкошорый блистательный божественный свѣтъ. Онъ есть тотъ, которой справедливость различаетъ отъ неосновательнаго мнѣнія, и будучи свободенъ отъ предразсужденій, испраждняется отъ гордости, знаетъ собствєнные предѣлы размѣряемые разумомъ, что чєловѣкъ разсудительный предъ Богомъ часто бываетъ тьмою. Онъ предприемлетъ мудрость, которой Богъ научаетъ, котораго

опредѣленіе рѣшитъ всякое сомнѣніе, сообщаетъ ему свѣтъ, дабы разогнать облака и духъ упорства во всякомъ неосновательномъ мнѣніи, побѣдитъ вѣрою мучительство грѣха и вооруженныя ухищренія порока ихъ защищающаго. Онъ знаетъ себя и Бога: слово его есть разумъ. Такъ ни одинъ Сократъ, ни одинъ Платонъ не позналъ Бога.

Помощію своею, о Боже! такъ говоритъ Христіанинъ, я имѣю бытіе. Небеса и вси небесныя произведены своимъ словомъ. Речешь и является, созидаетъ и стоитъ непоколебимо. Всемогущество и благость приближаетъ Тебя ко мнѣ. Ты Богъ силы, небо и море Тебя хвалятъ, и самыя небеса проповѣдуютъ чудеса твоея славы. Я молю Тебя со благодареніемъ. Спасеніе мое исходитъ отъ Господа. Ты вземлешь усердныя моленія людей, и охотно ихъ избавляешь. И ежели я удостоиваюсь твоего, о Боже! вспоможенія, по чего мнѣ испытывать кромѣ Тебя на небѣхъ и на землѣ? Гремишь Ты на небеси, и земля наполняется ужасомъ; но я не устрашаюсь, когда Ты десницею своею меня содержишь, ежели я вижу небеса, которыя Ты, о Господи! распространилъ, величество солнца, луну, которую Ты угодовалъ, что есть человекъ, о Боже! яко помниши его? Неисчетны благи, даруемая Тобою ему ежедневно. Какъ агнцамъ доз-



воляешь Ты намъ гулять по зеленѣющимъ лугамъ, укрѣпляешь насъ пищею и пишемъ, исполняешь сердце наше радостію. Ты видѣлъ меня прежде нежели положено было основаніе свѣта; извлекъ меня отъ чрева моего матери, и прежде моего рожденія извѣсилъ Ты мое благополучіе и спраспи, меня возмущающія; число моихъ дней написано было въ твоей книгѣ. Ты защищеніе добрыхъ и покой упружденныхъ Богъ охотно прощающій? Гдѣ есть Богъ такой какъ Ты? На кого я столько могу положиться, какъ на Тебя Боже боговъ? Кого почѣсть, какъ только Тебя моимъ защищеніемъ и избавителемъ? Коль сладки твои повелѣнія! дай мнѣ сердце твое сыне мой и люби меня; я твой щипъ и воздаяніе. Господи! твоя заповѣдь есть спасеніе, и твоя истинна жизнь. И какъ возможно мнѣ Богу любви пропивожелать? Напрасно меня манишь щастіе, въ которомъ порокъ процвѣтаетъ; могу ли я быть беззаконникомъ, когда око твое на меня взираетъ? И въ сокровенныхъ ему не можетъ брань приключиться: когда ты всякое дѣло предъ судомъ объявишь; напрасно манишь меня охота услажденная плотію и кровію; я знаю то, что мое тѣло есть храмъ Божій. Долженъ ли я спараться славу человѣческую искать съ гордостію? Нѣтъ, Господи! когда Ты меня считаешь, человекъ меня уже презирать не

не можешъ. Составитъ ли благополучіе мое богатство, когда я ему дѣшу посвящаю? Чрезъ богатство отдаюся ли я Богу? Скупость есть безбожіе. Долженъ ли я поношеніями повредить славу моихъ ближнихъ? Кто ненавидитъ брата своего, тотъ не можешъ наследовать царство небесное. Должно ли мнѣ отъ Тебя отрещиса, когда мучители угрожаютъ? Ты еси Господь князей, сказалъ! и уже они падаютъ. Долженъ ли я Тебя отрещиса, когда ругатели Тебя поносятъ? Тебя, Спасителю! молю; Ты спѣшишь ко искорененію ихъ. Крестъ твой для погибшаго только кажется буйствомъ; а для насъ укрѣпленныхъ въроу спасеніе и величество. Я ли презрѣнный человекъ дерзаю оказать себя праведнымъ предъ Богомъ? И кто кромѣ Сына Божія возмогъ насъ примирить съ Богомъ? Не есть ли равно и то велико, что быть Творцемъ міра и упавшій міръ отъ паденія избавить? Кто можешъ вмѣститъ величество любви и великодушія? Какъ сыну превѣчнаго оставить престолъ божества, смирить себя, ходить во смиреніи, быть предвозвѣстникомъ истинны, и видѣть себя осмѣяннымъ, дѣлать чудеса божественныя и убиенному на крестѣ понести долги человека съ небесною перпѣливостію, не отступать отъ того, копорой ему угоповляетъ вѣчное спасеніе? Коль божественно величественное





ное сердце, самъ за непріятелей умираетъ! Не устрашается ли разумъ? Подлинно! долженъ онъ устрашиться. По слабости моей открывая совѣтъ божества о человѣкѣ, прошу я силу любви въ глубочайшемъ смиреніи, копорую я понять не могу, ибо Богъ есть не человѣкъ, каковъ я. День вѣчности больше мнѣ свѣта покажетъ, любовь Мессіи въ зеркалѣ мнѣ сіе предскажетъ. Безконечно мое спасеніе. О вѣра увеселяющая! буди благословенъ Господи, благословенъ во вѣки.

Тако вѣщаетъ и вѣруетъ Христіанинъ. Научи еще болѣе знать свое сердце, и такъ ты долѣе не будешь его непріятелемъ. Его ученіе есть ли такое дѣло, копорое токмо разумъ обучаетъ? Ему просвѣщеніе больше ли придаетъ гордости сердцу? Никакъ, сердце его благороднымъ пребудетъ. Преодолѣвъ похоти воюющія противу разума, противу его щасія и твоего, сія есть его божественная должность. Не силою онъ побѣждаетъ, копорая по собственную пользу, по гордость причиняетъ. И не предъ людьми только, копорые по наружности судятъ, но предъ самимъ Богомъ онъ исполняетъ свои должности. Строгость его должности, копорая тебѣ кажется столько печальною, дѣлаетъ его весьма веселымъ. Онъ знаетъ, что Богъ его есть другъ. Правда, должностъ его строгая, и дѣла его скучны:

но безконечное щастіе сколько сообщаетъ ему силы? Христіанинъ чувствуетъ сіе благополучіе. Онъ воодушевленный Богомъ почно уповаетъ получить спасеніе и безсмертіе, и далѣе преуспѣваетъ въ побѣдахъ. Не то ли есть благородное сердце, которое братнюю къ тебѣ оказываетъ любовь? Охотно съ побою радуется, съ радостію и въ печаляхъ участіе имѣетъ? Христіанинъ созерцаетъ свое благополучіе, и никакая зависть его не возмущаетъ; собственное его щастіе повелѣваетъ стараться о своемъ благополучіи. И когда ты бѣденъ, сколь благосклонно поспѣшитъ онъ сообщить тебѣ помощь отъ того, что ему Богъ далъ? Не служишь для себя Христіанинъ, чтобъ быть великимъ въ мірѣ и видѣть себя почтеннымъ. Нѣтъ, обрадовать человѣка, сіе есть его богослуженіе; и непримѣтно какъ онъ здѣсь будетъ служить помощію, а тамъ совѣтомъ. Не требуетъ онъ твоего благодаренія къ обильному благотворенію: никакъ: онъ что дѣлаетъ ближнимъ, то сдѣлалъ онъ Богу. Пишете, которымъ онъ жаждущему свою услугу оказываетъ; взоръ полный утѣшенія, которымъ его сердце упружденныхъ благословляетъ; совѣтъ, которымъ онъ тебя въ твоей печали укрѣпляетъ, не столько малъ, (знаетъ онъ) чтобъ непримѣтенъ Господу. Ежели спѣшитъ путь злоспный духъ причинитъ не-



согласіе: по его крошкѣй духъ спѣшитъ разрушитъ ссоры ближнихъ. Онъ пребудетъ защита невинности; ея горести суть его болѣзнь; и хотя защищеніе его есть весьма слабо: однако сердце его трудится. Онъ съ охотою помогаетъ неимущимъ находить средство къ сысканію хлѣба трудомъ въ спокойствіи; онъ бережливостію нѣжнымъ сиротамъ предлагаетъ щастіе; его рука воспитываетъ ихъ во изобиліи; съ богатствомъ, которое гордость и чванство разсѣваютъ, поступаетъ онъ умеренно увеселяя больныхъ и вдовъ пиная. Его сердце сильнѣе пріемлетъ участіе въ твоей добродѣтели. Его примѣръ научитъ тебя, и спасеніе какой либо души, есть ему великое благополучіе. Не имѣешь ты добрыхъ нравовъ; онъ предлагаетъ тебѣ наставленіе, и утверждаетъ его молитвою. Онъ усматриваетъ святое сердце, которое ругательствомъ своевольства колеблется въ вѣрѣ; видитъ онъ сіе, и дѣлается его Богомъ. Онъ видитъ, какъ нога юноши оспавляетъ путь добродѣтели; спѣшитъ, какъ бы былъ онъ его сынъ, и избавляетъ его младость. Онъ часто говоритъ, когда ты погрѣшаешь, сіе не есть знакъ твоего смиренія: однако мудрословесный взоръ привлекаетъ тебя къ твоей должности. Пусть будешь ты великъ, но непостояненъ! онъ презритъ твое сердце. Ежели будешь малъ и постояненъ! онъ будетъ искать твоей люб-



любви, уста его чистѣйшія отъ поношенія будуще крушиться о швоемъ спокойствіи? Онъ выхваляетъ твою услугу, прикрываетъ швои пороки, и для швоей славы свою предать осмѣливается, когда какой клеветникъ поноситъ твою славу и гласъ твоихъ защитниковъ. Онъ есть истинной другъ. Его сердце веселіемъ исполненное, распространяетъ охотно и въ швоей души день благораспоренія. Необладаемъ отъ похотѣній, ощущаетъ онъ откровенно священное благополучіе дружества; и его душа есть самая любовь. Онъ чтитъ меня какъ самъ себя; и любитъ меня съ такоюжъ вѣрностію, какъ и себя; его обожденіе ободряетъ меня, и я поручаю ему себя самага, жену свою, дѣтей моихъ, совѣтъ, и моего будущаго благополучія созиданіе. Кто предъ очами своими имѣетъ Бога, не долженъ ли я на того надѣяться?

Впрочемъ Христіанинъ, который никакого мщенія не ищетъ, любитъ гонящаго его, и благословляетъ клеветника его. Онъ пребываетъ всегда въ равенствѣ сихъ величественныхъ мыслей; пусть бранитъ меня мой непріятель! но азъ опмщеніе, говоритъ Господь, азъ, азъ воздамъ. Будучи раздраженъ Онъ, поступаетъ какъ челоуколюбивый. Врагъ его безъ хлѣба; Онъ его насыщаетъ. Нагостствуетъ его непріятель; Христіанинъ созерцаетъ спраданія его, одѣваетъ со всякимъ великодушіемъ того,



которой его гналъ. Неблагодарнаго ли духа потъ, кто сноситъ обиду? Не ужé ли славно, говоритъ онъ, отмщевать за честь кровію, когда оружіемъ грѣхъ я привлекаю? Духъ мой ищетъ твоего паденія . . . Сіе есть духъ звѣрей! глупой, гласитъ мнѣ какъ разумъ, сіе есть жизнь твоя? Сражайся побѣдоносно, поражай непріятеля; не пребудешь ли человѣкоубійцею? Не пребудешь ли непріятелемъ отечества, котораго собственныя ищутъ мстители, и бунтовщикомъ предъ Богомъ, котораго кленутъ всѣ небеса? Однако, ежели моя сила не мститъ за себя, то мое имя пребудетъ ругательствомъ; свѣтъ . . . Ты ли свѣтъ болѣе, или сильнѣе Богъ? Не есть ли Христіанинъ, которой тебѣ сраженіе отказываетъ, а за отечество не щадитъ съ радостію своя кровь? Кто при времени должноти смерть за маловажное почитаетъ, какъ не тотъ, которой сердечно вѣритъ, что онъ пребудетъ безсмертенъ? Поколеблетъ ли его опасность въ десницѣ Господа? Никакъ: но кто Бога не боится, тотъ долженъ трепетать предъ всѣми.

Сступай теперъ за Христіаниномъ и слѣдуй въ его домъ. Почтенъ и возлюбленъ, раздѣляетъ онъ здѣсь радости, онъ воспитываетъ своимъ прилѣжаніемъ, а благоразумною бережливостію умножаетъ плоды прилѣжанія. Супруга его, супруга его достойная облегчаетъ его трудъ, на-  
граж-

граждаетъ его нѣжностію, и онѣ ее ощущаетъ. Слѣшитъ онѣ какъ добрый отецъ основать благополучіе дѣтей своихъ и въ благополучіи ихъ обрѣсти собственное свое. Онѣ охотно начерпываетъ его сердце, и въ рукѣ родительской, управляемое Божиимъ страхомъ, и опровергаемое разумомъ, возрастаетъ его добронравное дитя; вкушаетъ онѣ спасеніе и жизнь, предлагая его членомъ достойнымъ небесамъ и міру.

Мудръ безъ коварства, строгъ безъ огорченія, пріятенъ при наказаніяхъ, тихъ при повелѣніяхъ, управляетъ Христіанинъ свой домъ; и божественныя заповѣди сущъ свѣтъ жизни его и защищеніе дому его. Съ самымъ низкимъ человекомъ ему служащимъ поступаетъ по справедливости, съ охотою отдаетъ ему принадлежащее награжденіе, и чтитъ въ рабѣ своемъ божественное твореніе, которое подобно Господу землей, живетъ здѣсь для того, чтобъ сдѣлаться добродѣтельнымъ и благополучнымъ. Онѣ есть князь раба; но не тираннъ. Онѣ наказуетъ и показываетъ ему, что онѣ можетъ его и наградить. Воздерживаетъ его отъ пороковъ, уменьшаетъ его спраданія, награждаетъ его вѣрностію, и старается о его веселіи.

Съ какою вѣрностію повинуется онѣ тебѣ? Ты ли Князь его землей? Повели, онѣ совершаетъ, что ты повелишь. Богъ, имъ почитаемый, далъ тебѣ престолъ, ко-





порой укрѣпляетъ онъ имѣніемъ своимъ и своею жизнію. Упопроби во зло власть; онъ ей не пропивится; онъ со смиреніемъ проситъ, и созерцаетъ на швое величество съ почтеннымъ страхомъ.

Христіанинъ, онъ ли есть другъ немощныя боязливости, которая убѣгаетъ отъ людей и ужасается общества? Никакъ не можетъ быть другомъ. Онъ услаждается со утѣщеніемъ и спокойною совѣстію благополучіемъ быть человекомъ и имѣть обхождение. Богъ не создалъ его на мученіе, призвалъ его къ радостямъ: онъ шумитъ спройнымъ своимъ разумомъ, смѣется болѣе при веселостяхъ, увеселяется на струнахъ; любовь въ швоемъ лицѣ и радость на швоемъ челѣ его дѣшу приведетъ въ восхищеніе. Чшобъ чувствовать ему радость и умѣренно оною наслаждаться, сіе самое благодареніе за благодѣяніе, которымъ онъ долженъ Богу: онъ нынѣ упокоивается, дабы на упріе какъ мѣщанину и Христіанину мужественнѣе проходить свои должности. Въ такомъ удовольствіи пребудетъ онъ самъ себѣ закономъ. Ежелижъ швое обхождение не что иное есть, какъ краснорѣчивые рассказы, какъ пустое пріобрѣтеніе особливья щещности, какъ только одна оспроша пропивится чести другихъ; какъ ласкательство, какъ духъ чванства и склонность къ игрѣ, которая тебя столько краснорѣчивымъ дѣлаетъ: то онъ по неволѣ время шрашитъ при

при тебѣ будетъ. Онѣ весьма благородноуменѣ въ разсужденіи того, чтобѣ употреблять оное не благородно. Ежели ты сіе именуешь поведеніемѣ, чтобѣ выключить себя изѣ союзничества, допустишь въ обхожденіи непостоянство жестокия похоти, пьянство и дерзновенную насмѣшку: по Христіанина, въ разсужденіи поведенія, ни за что счесть не можно.

Сколько спокоенѣ Христіанинѣ, когда не Христіанинѣ себя мучитѣ! онѣ доволенѣ малымѣ, когда у него все есть. Спанетѣ ли онѣ приобрѣтать хитростями себѣ бѣдное щастіе съ трудомѣ? Сіе есть малодушіе и плѣняющіе подарки, чрезѣ которые онѣ станетѣ ли подкрадываться подѣ благопріятство сильныхѣ? Доволенѣ онѣ благополучіемѣ, которое прилѣжаніемѣ приобрѣтается и защищается разумомѣ; не жаденѣ онѣ къ чesнямѣ, которыя швой чинѣ, а съ нимѣ и его услугу умножаютѣ; на чинѣ, которой онѣ украшаетѣ, и на свою должность надѣясь, живетѣ онѣ свободенѣ онѣ того мученія, которое тебя утѣсняетѣ; тяжестѣ неистовства, въ которой мучатся гордые, трудѣ, съ каковымѣ скупые сами себя окрадываютѣ, наказаніе, которое въ награжденіе роскошнымѣ прощиву желанія назначается; клятва, которую ненавистникѣ предѣ всѣмѣ міромѣ къ себѣ имѣетѣ, болѣзнь, которую завистѣ враждебное свое сердце снѣдаетѣ, ядѣ, ко-

Г 4

рой



рой заранѣ весну утѣшенія испребляетъ, безчестіе, которымъ наказанъ роскошный заблуждаетъ, ненависть, которая мучительницею порочнаго пребываетъ: все сіе и что порочные въ наказаніе сносятъ, суть для тебя добродѣтельный Христіанинъ, неизвѣстныя наказанія, ты уже и здѣсь можешь услаждаться награжденіемъ за добродѣтель.

Но никакая бѣдность его не утѣсняетъ? Правда, пусть онъ будетъ бѣднымъ, и тогда его сердце узришь ты въ своемъ величествѣ, Великъ онъ благочестіемъ, когда его утѣсняютъ спраданія. Огонь пожираетъ его имѣніе, градъ побиваетъ его сѣмя: но оскорбляетъ ли его сіе? Положимъ, что онъ оскорбитъ; совѣтъ провидѣнія будетъ его утѣшеніемъ. Ежели здѣсь не Христіанинъ бѣшенство свое оказываетъ, то въ такомъ случаѣ Христіанинъ говоритъ: Господь даде, Господь и възметъ; да пребудетъ Онъ благословенъ! его утѣсняетъ тяжесть скудости, его жизнь есть только одинъ трудъ. Онъ чувствуетъ недостатки, и спокойно оныя сноситъ. Тотъ, который лиліи одѣваетъ великолѣпно, еленя ведетъ на источникъ, овцу питаетъ на зеленѣющемся лугу, насыщаетъ младаго кокоша, не печется ли о чловѣкѣ? Онъ печется; я на него надѣюсь. Терпѣніе есть моя должность. Ругатели его поносятъ. Сіе болѣзненно: однако со-  
вѣсть,

вѣсть, которая служитъ намъ примѣромъ, помогаетъ улаживать сію болѣзнь. Неприятель, съ которымъ онъ примирился, похищаетъ у него собственное его имѣніе? Но кто не правильно поступаетъ въ разсужденіи имѣнія, сіе есть честь его. Смерть его друзей разрушаетъ его спокойствіе; онъ плачетъ и утѣшается тѣмъ, говоря: скоро я тамо ихъ увижу. Утѣшается его вѣра; однако онъ изгнанъ и всего лишенъ со упованіемъ исповѣдуетъ Господа, и вѣщаетъ отъ тяжестнаго пораженія бѣдности относясь къ Господу; хотя Ты меня и умертвишь хочешь, однако я буду на Тебя надѣяться!

Такъ побѣждаетъ Христіанинъ на крестѣ и въ бѣдствіи находитъ утѣшеніе. Но, о смерть Христіанина! сколько поржественна? Ужасаетъ его врачъ возвѣщающій ему послѣдній конецъ; онъ внемлетъ сему, ощущаетъ новую силу, жметъ его руки со изъявленіемъ благодарности. Ничего сіе не стоить когда всесильный! помощь моя! близокъ? Ты призываешь, се азъ Господи! Хвала и Аллилуйя, да будетъ Тебѣ руку свою на мнѣ всегда распроспиряющему, Тебѣ, о Господи! даже до гроба меня чудесно опровождающему! коль часто сердце мое забывало собственное свое спасеніе и должность! однако не вступалъ Ты Господи Свяшый, въ судъ со мною! пріими благодарственную пѣснь, которую я Тебѣ приношу



умирая. Я малѣ, и вѣра моя мала предѣ милосердіемѣ, которое Ты мнѣ оказалѣ. Я веселяся со всѣми небесами молю Тебя, Тебя спасеніе всего свѣта! исполни упованіе мое, и дозволю зрѣшь моей душѣ швое владычествое. Ты еси, о Боже! любовь и милость. Мой духѣ пребудетѣ свящѣ, когда я его Тебѣ препоручаю. Со всѣми свящыми владычествомѣ окруженными и сѣ Ангелами вѣ безсмертіи буду я взирашѣ на Тебя и жившѣ сѣ Тобою. Ты вѣ смертіи мнѣ будешѣ мой лучшей другѣ, которой себѣ славу пріобрѣтаетѣ, прости! . . . вѣщаетѣ онѣ и умираетѣ.

Се начертаніе Христіанина, сердце, должностѣ, что ты его непріятель злословишь? Глупостѣ ли есть сіе, чтобѣ бышѣ свободнымѣ отѣ похотѣній, благочестивымѣ, справедливымѣ, вѣрнымѣ и умереннымѣ? Увеселяшѣ исполненіемѣ должности и своею жизнью? Знашѣ цѣну здравія, чести, спокойствія и благополучія? Кпожѣ долженѣ вкушатѣ благополучіе бышѣ твоимѣ другомѣ? Или онѣ такой человекѣ, которой не признаетѣ никакого Бога; не знаетѣ никакого права и правосудія; позволяетѣ себѣ все по своему желанію; отѣемлетѣ у тебя честь, спокойствіе и самую швою супругу; прельщаетѣ ли сердце швоего сына, дщерь ли швою порочитѣ?

Но ты говоришѣ, много ли такихѣ Христіанѣ, которыхѣ сія швоя пѣснь воспѣ-



спѣваетъ? Справедливо, что малое число: но что ты самъ себя опягощаешь? Въмѣсто скуки твоея, ощущаемыя изъ того, что ихъ мало, дай помощь ко умноженію ихъ числа. Никакъ говоришь ты, разумъ для меня есть блистательный свѣтъ: я ему послѣдую. Слѣдуй только ему, онъ тебя не обманетъ. Проси его со осторожностію показать тебѣ справедливость: но дозвожь помолчать твоему предразсужденію и походи; я слышу, что онъ говоритъ; онъ громогласно тебѣ признается, что до человека надлежитъ упражняться всегда въ писаніи. Безъ всякія гордости пустишь во глубину его. Испытай все. Кто оставляетъ дѣло безъ испытанія? Вопрошаетъ оно, что есть человекъ? Чѣмъ онъ обязанъ на свѣтъ? Онъ есть дѣло всемогущества, которое въ любви его содержитъ, духъ его безсмертенъ, и добродѣтелию въ семъ мірѣ долженъ проспираться къ полученію благословеній. Отвѣтствуетъ ли разумъ, когда онъ испытуетъ способъ, столько божественный, какъ и слово, которому разумъ твой проповѣщаетъ? Проси его, откуда сіе происходитъ, что Богъ управляетъ свѣтомъ, что часпо добродѣтель воздыхаетъ, а порокъ торжествуетъ? Проси разумъ. Онъ молчитъ. Проси благочестіе. Въ семъ свѣтѣ говоритъ оно, раздѣляетъ Богъ наказаніе и награду. Ты ругаешься съ гордостію писанію, называя его му-





мудростию немощныхъ. Но позволю говорить о Богѣ и о добродѣтели Сократамъ; кто говоритъ столь основательно, столь сильно и ясно, столь убѣдительно, какъ каждой Апостолъ? Начальникъ мудрости Гомеръ, воспѣваетъ правъ своего божества. Кто есть его зевесъ? Такой Богъ, коимъ за меня ни мало не претерпѣлъ. Но великолѣпіе стихотворенія обличаетъ его весьма прекрасно благопріятствующимъ ему другомъ и самимъ собою его представляя! но какого Бога силы возвышаютъ хоры Давидовы? Для чего Гомеры не проповѣдуютъ Бога? Народъ языческій, прельщенный слѣпымъ мнѣніемъ, то призываетъ звѣря вмѣсто Бога, то огородныя насажденія; бездушному пню даетъ художествомъ своимъ главу и члены; покланяется Богу какъ сооруженному, и возвышаетъ вмѣсто Бога самый порокъ со стыдомъ имъ содѣлаваемый, прося отъ него защищенія жертвенною кровію; для чего не удалились отъ порока и безбожія тѣ, которые упражнялись въ премудрости, и возлюбили лучшаго Бога, и лучшіе нравы; для чего они не удалились, надѣясь на Бога и на добродѣтель? Для чего міръ повинуется гласу немощныхъ Іудеевъ? Они говорятъ, и ихъ слово исполнено премудрости и мира. Покайтесь, говорятъ они, сіе есть велѣніе Божіе. Безъ всякія мудрости и краснорѣчія выходитъ не средину Апостолъ, про-



возвѣщаетъ божественнымъ образомъ войну похотѣніямъ, и Язычники дѣлаются Христіанами. Противятся ему. Безчеститъ слово его мудрецъ. Наказуютъ, осмѣиваютъ и изгоняютъ сего учителя. Онъ радуясь сноситъ поношеніе, которымъ они его встрѣчаютъ; угрожаетъ ему, онъ не ужасается; кленутъ его, онъ благословляетъ; съ веселіемъ предъ народомъ и мужественно говоритъ предъ трономъ, вѣщаетъ онъ во узахъ слово Сына Божія; препобѣждаетъ ученіе его. Уже падаютъ олтари отъ величества, чести, щаспія, отъ силы воинства, всеу подкрѣпляя бѣдствіе предразсудка, порока и коварства Язычникъ дѣлается Христіаниномъ. Онъ вѣруетъ, укрощаетъ сердце свое, укрощаетъ силу порока; плѣнники грубыя спрасти дѣлаются нечаянно рабами Божіими. Спѣшатъ уже на главу ихъ призрѣніе, ругательство и поношеніе. Оприцаются ли они Господа вашего? Никакъ: Господь нашъ есть Богъ. Свирѣпствуютъ, но всеу! Христіанинъ сноситъ спраданія и мѹку смерти съ радостію на рамя мучителя. Побѣждаетъ ученіе Исусово. Богъ его не защитилъ, оно не силою и духомъ, но чудесами укрѣплено: то долженъ ты и сіе назвать чудомъ чудесъ, что оно имѣетъ примѣры и само себя защищаетъ.

Ты зришь много сомнѣнія. Изрядно! но не видишь ли ты и много ясности?

Ко-



Когда ты видишь доказательство; сие есть должность вѣры. Тайный непріятель справедливости, замысловатъ въ пустыхъ вопрошеніяхъ, послѣдуешь ты сомнѣнію, и не можешь ему не пропировѣчить. Испытай благочестіе, и припомѣ думай, что ты, что твой разумъ ограниченъ, а Богъ безконеченъ. Твори со упованіемъ волю его: ибо ты знаешь. Пусть будетъ благочестіе духъ небесный, а не зѣмная премудрость.

*Перепелъ Филиппъ Красноплѣкочъ.*

---



---

IV.

*Чудеса творимыя Господемъ  
подседнепно.*

**В**селенная, во всей своей красотѣ и въ порядкѣ единожды установленномъ всегда существующая, есть чудо зримое нами безпрестанно. Какой въ самомъ дѣлѣ потѣмъ міръ, въ которомъ мы обитаемъ! какое множество, какое величество, какое различіе, какая красота, тварей, которыя онѣ въ себѣ заключаетъ! какая иная, какъ не Всевышняго десница помѣстила въ неизмѣримомъ пространствѣ солнца и всѣ звѣзды, коихъ величина, и непоспѣжимая отдаленность поражаютъ наши мысли?  
Кто



Кто имъ назначилъ пупъ, полъ многія тысящи лѣтъ совершаемый ими? Кто измѣрилъ съ толикою точностію взаимныя силы всѣхъ сихъ шаровъ, и кто утвердилъ полъ справедливое равновѣсіе между ими и поддерживающимъ ихъ воздухомъ? Кто основалъ землю на столь справедливомъ разстояніи отъ солнца, такъ что она не весьма далеко, ни весьма близко отъ онаго находится? Премѣны дня и ночи, коловращное печеніе годовыхъ временъ, безчисленное множество звѣрей и пресмыкающихся, дровъ и злаковъ; словомъ, все, что земля ни произноситъ, есть твореніе рукъ Божіихъ. Испылибы удивительный свѣтъ днесь сотворенъ былъ передъ нашимъ взоромъ, то кто бы не почелъ оной за самое величайшее чудотвореніе всемогущества Божія. Особливое провидѣніе Божіе есть непреложный знакъ его величія, его могущества, его премудрости, и его повсесущности. Безпрерывное его о насъ попеченіе и покровительство полъ знаменитое, ко его опмѣнные опыты всѣ смертныя на себѣ имѣютъ; различныя средства употребляемыя имъ для привлеченія къ себѣ людей; спези, коими онъ ведетъ ихъ ко блаженству; нещастія, коими караетъ ихъ, дабы возбудить отъ сна грѣховнаго, и заставитъ снити мысленно въ самихъ себя; необычныя происшествія представляемыя имъ для блага владычества своего; произше-



шествія обыкновенно раждающіяся изъ ма-  
лыхъ причинъ, и въ такихъ обстоятель-  
ствахъ, которыя, кажется, дѣлають оныя  
невозможными; великія перемѣны твори-  
мыя имъ, дабы Евангеліе его и познаніе  
о немъ прошло въ концы вселенныя: всѣ  
сіи дѣянія, не ясно ли намъ показують все-  
гда дѣйствующую десницу Божию, и  
успремивъ на оныя вниманіе свое, не должны  
ли мы воскликнуть? *Отъ Господа выстѣ-  
sie, и есть дивно по очесѣхъ нашихъ!*

Если мы спанемъ, любезныя собра-  
тія, внимательна разсмаприваешь все пред-  
спавляющееся нашему взору, то най-  
демъ повсюду присудствующа Бога; мы  
узримъ, что обыкновенными средствами  
благости своя безпрестанно печется Онъ  
о спасеніи нашемъ, что слово его посреди  
насъ пребываетъ, и что безпрестанно вызы-  
ваетъ къ намъ спасительнымъ своимъ гла-  
сомъ: *приидите и видите дѣла мои, яже  
положи чудеса на земли. Тѣ, которыя оп-  
вращають отъ него слухъ свой, и кои про-  
тивятся движеніямъ своего разума, кои  
не обращаются къ его милосердію, не обра-  
тились бы и въ то самое время, когда бы  
новыя чудеса взоръ ихъ поразили. Но чело-  
вѣкъ, который видить, что Богъ сово-  
рилъ міръ, являющій повсюду шолікое  
множество чудесъ; человекъ, который  
ежечасно исполненъ благодѣяніемъ Госпо-  
да,*



да; и который воспріялъ отъ Него всѣ бла-  
га жизни своя, не долженъ ли въ Него вѣ-  
рять, Его любить и Ему покоряться? Но  
увы! онъ ему прошивится — Чшо же мо-  
жетъ подвигнуть окаменѣнное его сердце,  
и чему онъ вопрошивляться не будетъ.

А ты, о Христіанинъ! всегдашній сви-  
дѣтель чудесъ Бога твоего; внемли онымъ  
наконецъ, и не затворяй болѣе своего сер-  
дца истиннѣ: да не воспрепятствуютъ  
тебѣ предразсужденія, и страсти, размы-  
шлять о удивительныхъ дѣлахъ Господа.  
Созерцай сей видимый міръ, снуди въ са-  
маго себя, и ты найдешь довольно при-  
чинъ вѣрить въ шворящаго повседневно чу-  
деса передъ очами твоими.

Перевелъ съ Французскаго языка

*Папель Алексѣевъ.*

---

V.

*О величествѣ Божіи:*

**Н**ичто челоѡвѣку полико не приличеству-  
етъ, какъ имѣть понятіе о Богѣ, по-  
нятіе достойное Его величества и славы.  
Но какъ не возможно измѣрить горстію во-  
ду и небо пядію, такъ судебъ Божіихъ по-  
спигнуть не возможно. Богъ во едино вре-  
мя весьма намъ посшижимъ и сокровененъ





отъ насъ ; Онъ близокъ и купно отдаленъ ; въ домъ и близокъ въ разсужденіи бытія своего ; далекъ и непоспимъ въ разсужденіи существа совершенства и судьбъ своихъ . Но сіе самое обязуемъ насъ щадательно устремлять мысли наши на познаніе Его величества ; ибо , чѣмъ больше имѣемъ мы объ ономъ понятіе , тѣмъ священнѣе , тѣмъ благословеннѣе рождается къ Нему въ сердцахъ нашихъ почтеніе , которое мы столь праведно имѣемъ къ Нему долженствуемъ . Чтoby пособить въ семъ случаѣ слабости нашей , уподобимъ мы Его тому , что смертные больше всего почитаютъ и чему больше удивляются ; мы увидимъ , что величество Божіе безконечно все сіе превышаетъ .

Мы чудимся могуществу Царей , и бываемъ объемаемы удивленіемъ , когда зримъ , или слышимъ , что они покорили пространныя имперіи , испровергли грады , разорили твердыни , воздвигли великолѣпныя зданія , содѣлали блаженство , или приключили злополучіе цѣлымъ племенамъ народовъ . Когда же насъ поoliko поражаетъ могущество смертнаго , которой ничто иное есть , какъ прахъ и пепелъ , котораго славныя дѣла по большей части зависятъ отъ трудовъ другаго , то колико должны мы уже удивляться могуществу основавшаго землю , сотворшаго небеса , держащаго въ десницѣ своей солнце , подкрѣпляющаго неизмѣримое зданіе

ніе міра! Мы по справедливости чудимся жару лучезарнаго солнца, спремленію бурныхъ вѣтровъ, шуму морскихъ волнъ, треску яростнаго грома, сверканію пламенныхъ молній; но Господь возжигаетъ огонь солнца, Господь гремитъ на облацѣхъ, Господь повелѣваетъ вѣтромъ, яко Ангеломъ своимъ: но молніямъ, яко слугамъ своимъ; велѣніемъ его волны морскія восходящѣ до небесъ, и низходящѣ до безднъ, и паки укрощающяся.

Мы почишаемъ опличающихся оспроую разума и знаніями своими; но что есть разумѣніе, что супъ всѣ познанія человѣческія въ сравненіи свѣта разума того великаго существа, предъ очами коего всѣ вещи обнажены и совершенно открыты, существа могущаго исчислить звѣзды небесныя, песчинки морскія, вѣдущаго пупъ, копорой каждая капля дождевая, низпадая съ облакъ, протекаетъ, и зрящаго во единое мгновеніе ока наспоящее, прошедшее и будущее. Кая премудрость блискаетъ въ строеніи міра, въ печеніи свѣтилъ небесныхъ, въ расположеніи земнаго круга, въ червякѣ и въ цвѣткѣ малѣйшемъ. Сопворенія, несравненно превосходящія самыя великія и совершеннѣйшія дѣла смертныхъ. Люди бывающѣ ослѣплены сіяніемъ богатствъ, удивляющяся великолѣпію царскихъ чертоговъ, одеждъ, множеству золота и сребра и драгоценныхъ каменьевъ,



блестящихъ тамо повсюду. Но коль все сіе мало предъ богашествомъ Гóспода, имѣющаго небо престоломъ и подножіемъ землю: *Тпоа суть небеса, и Тпоа есть земля; вселенную исполненіе ея Ты оснопалъ еси!* (\*) Онѣ пребываетъ тамо, гдѣ всѣ пвари обитаютъ, житницы Его дають пропитаніе всѣмъ челоуѣкамъ и всѣмъ животноымъ, луга Его питаютъ всякой скотъ. Все въ свѣтѣ полезное и изящнѣйшее печетъ въ Его сокровищъ. Жизнь, здравіе, богатства, слава, забавы; словомъ, все что блаженство смертныхъ составляетъ, все въ десницѣ Его; Онѣ все раздѣляетъ по благоволенію своему. Почитаютъ Царей земныхъ, владычествующихъ надъ многими народами и странами; но что значить сей уголъ земли предъ всею вселенною, кою шаръ нашъ есть самая малая область, и которая заключаетъ въ себѣ всѣ звѣзды небесныя съ жителями оныхъ! коль неизглаголанно величество, коему владыки земные со страхомъ служатъ. Царя, зрящаго окрестъ своего престола Херувимовъ и Серафимовъ вспять летѣть готовыхъ для исполненія Его велѣній! судятъ о величїи челоуѣковъ по ихъ дѣламъ, славятъ Государей, воздвигшихъ грады и огромныя палаты, разумно правительствующихъ надъ областями своими и благополучно доспигающихъ конца своихъ предпрїятій. Но какія

дѣла

(\*) Псаломъ 88, ст. 12.



дѣла́ Всевышняго! какія супь дѣла́, сотворе-  
 ніе пространнаго міра, сохраненіе поль  
 многихъ тварей, премудрое и правосудное  
 владычествованіе надъ всею всесенною, ис-  
 купленіе рода человѣческаго, награжденіе  
 всѣхъ благихъ дѣяній, наказаніе всѣхъ зло-  
 дѣйствій.

Господи, Господи! кто подобенъ Тебѣ,  
 величество имени Твоего, и славу Твою по-  
 вѣдають дѣла́ Твои. Возможно ли и по-  
 мыслишь, чтобъ могло чтонибудь быть  
 подобно величеству Бога нашего? Священ-  
 ный ужасъ не объемлетъ ли душу нашу,  
 не мятупсяль мысли наши, когда мы по-  
 мышляемъ о присудствіи Зиждителя міра,  
 Бога вездѣ сушаго, вся исполняющаго! какъ  
 сіяніе ношнихъ свѣтилъ помрачается вос-  
 хожденіемъ солнца, шако слава, всѣ позна-  
 нія, могущество и всѣ сокровища свѣта,  
 исчезаютъ при сравненіи иныхъ со славою  
 и величествомъ Божиимъ. Душа наша возвы-  
 шается и возвеличивается, разсуждая о ве-  
 личествѣ Всевышняго. Сіе высокое размы-  
 шленіе пипаетъ сладкимъ ученіемъ; и не  
 бываемъ ли мы исполнены благоговѣнія,  
 удивленія и веселія, когда въ священномъ  
 восторгѣ воображаемъ существо существъ,  
 существо вѣчное, существо всемогущее и без-  
 конечное.

Перевелъ съ Французскаго языка

Василій Прянишниковъ.



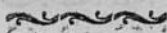
## VI.

## Весна позобноплетъ лице земли.

Какая прѣмѣна зрится во всѣхъ часяхъ природы! и какая благость изливается на всѣхъ смертныхъ отъ того великаго существа, коего мановеніемъ всѣ времена года одно другому во слѣдъ шествуютъ въ порядкѣ толь непрѣмѣнномъ! Земля наша, покоящаяся въ зимнее время, паки облакается въ лѣтнюю свою и паки обиліе повсюду разсыпаетъ. Вся тварь одушевляется, воскресаетъ и ощущаетъ радость и веселіе. Нѣсколько покмо мѣсяцовъ вся поверхность земная бываетъ пуста и безплодна. Долины, коихъ видъ днесь радостію исполняетъ сердца наши, погребаются во глубокихъ снѣгахъ. Горы, возносящія бѣлѣющіеся верьхи свои до облакъ, въ непроницаемомъ туманѣ, замерзшимъ снѣгомъ покрыты бываютъ. Въ зеленѣющихъ дубровахъ, гдѣ нынѣ соловьи превищаютъ, видны единые только сухіе и лишеные лисвій сучья. Рѣки и испочки, текущія съ журчаніемъ, ото льда пребываютъ не подвижны. Птицы, наполняющія своимъ пѣніемъ воздухъ, въ пещерахъ и болохахъ отъ хлада бездыханны бывають, или далеко обитають отъ странъ нашихъ. Повсюду царствуетъ унылое молчаніе,

и такъ далеко, какъ наше зрѣніе можетъ  
 простираться; мы ничего болѣе не видимъ  
 кромѣ печальной пустыни. Но коль скоро  
 дыханіе Всемогущаго восчувствуется, шоль  
 скоро природа оставляетъ свое ожесточеніе,  
 и жизнь, и пріятности, и веселіе разливаю-  
 ся по всѣмъ ея частямъ. Солнце прибли-  
 жается къ нашему шару, и скоро вся ниж-  
 няя часть воздуха исполняется живою  
 теплою; все царство распѣнія благошвор-  
 ную онаго силу ощущаетъ, и земля про-  
 изращаетъ траву, цвѣты, словомъ: знаки  
 всякаго рода. Теперь все лице земли возоб-  
 новляется и укрепляется. Взвѣсивъ на сіе бла-  
 женное премѣненіе, могу ли я не помыслишь  
 о великомъ существѣ сотворшемъ оное!  
 Боже! Ты призираешь на землю, и долины  
 пріемлютъ на себя радостный видъ. Ты  
 напаяя росю, упучняешь ихъ, и источ-  
 ники, коими ихъ орошаешь, никогда не из-  
 сякаютъ. Живы наши красуются повелѣ-  
 ніемъ твоимъ, и наполняютъ сердца наши  
 радостію. Благословеніе Твое опочиваетъ  
 на нивахъ нашихъ, и дожди прохлажда-  
 ютъ жаждущую землю. Ты ее умяхчаешь  
 и благословляешь ее нѣдро. Ты увѣнчава-  
 ешь годъ дарами своими; слово Твое упуч-  
 няетъ землю; подъ Твоими стопами раж-  
 даются цвѣты и плоды; благословеніе и  
 плодородіе во слѣдъ Тебѣ грядутъ. Па-  
 жипи степныя орошаются, и холмы предъ  
 очами нашими украшаются пріятнымъ





быліемъ. На поляхъ роскошествуютъ стада, и удоля жатвами опягошенны, радостные крики и веселыя пѣсни повсюду слышатся шамо. Хвала и благодаренія естества возносятся до небесъ.

Въ происходящей весенной премѣнѣ зрю я видъ премѣненія спасительнаго, которое испытуетъ душа несопрошивляющая дѣйствіямъ божественнаго духа. Она не имѣла сперва никакой сущей красоты; силы ея были слабы и неуспроенны; она была неспособна производить плоды благочестія. Но коль блаженно стало ея состояніе съ того времени, какъ почувствовала сладчайшія дѣйствія благости Божіей. Она теперь уподобляется землѣ, которая получаетъ силу отъ вешняго солнца; невѣжество исчезаетъ; развратность и пороки сокрываются; спраси укрощаются; сердце наполняется добродѣтельными и благоговѣйными мыслями, которыхъ плоды служатъ ко увеселенію и исправленію смертныхъ.

Коль бы я былъ блаженъ, ежелибы сія весна природы моглабъ ознаменоваться обновленіемъ для меня поль спасительнымъ! не ужѣ ли былъ бы я единое въ природѣ существо, неявляющее признаковъ жизни, благости и приращенія въ добродѣтели. Остался ли бы я безплоденъ и мертвъ тогда, когда плодородіе всеобщее распространилось по всей землѣ? Нѣтъ,

хощу и облещися въ новаго челоуѣка, и съ помощію Твоей благоспи, о Боже мой! пощуся принести плоды истинны и благочестія, плоды пріятныя очесамъ Твоимъ, плоды братіи моеи полезныя.

*Перепелъ Николай Калининъ.*

## УП.

### *Восхожденіе солнца.*

Чашпель! былъ ли ты когда ни есть свидѣтелемъ сего великолѣпнаго небеснаго явленія, которое ежедневно при восхожденіи солнца возобновляется? Или сластолюбіе, сонъ, и предосудительная ко всему безчувственность воспрепятствовали тебѣ размышлять о семъ чудотвореніи природы? Можетъ быть должно тебя причестъ къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что видѣніе утрення зари не сподобитъ, чтобъ для него принестъ на жертву нѣсколько часовъ сну посвященныхъ. Или можетъ спастся, что ты такъ, какъ и другіе многіе, довольствуясь тѣмъ, что солнце тебя освѣщаетъ, не принимаешь на себя труда изслѣдовать причины сего великаго дѣйствія? Или на конецъ ты сподобься же безчувственъ, какъ собратія твои, кои имѣя случай въ сіе время наслаждаешься



симъ зрѣлищемъ, смотрятъ на него повседневно безъ всякаго ощущенія, гонянтія и размышленія? Но кто бы ты ни былъ, воспрями нынѣ изъ сего нечувственнаго состоянія, и позволь явить тебѣ, какія мысли должны возбуждать въ душѣ твоей желаніе взирать на восходящее солнце.

Нѣтъ ни единого таковаго явленія во всей природѣ, которое бы показывалось съ большею пріятностію и съ большимъ блистаніемъ, какъ восходящее солнце; самое пребогатое украшеніе, какое только искусство человѣческое изобрѣсти можешь; самыя прекраснѣйшія убранства, великолѣпнѣйшіе наряды и самыя пышные уборы царскихъ чертоговъ исчезаютъ, и въ ничто обращаются предъ сею лѣпотою природы. Впервыхъ восточная сторона неба облачается въ багряницу утренняя зари, и предвозвѣщаетъ приближеніе солнца. Воздухъ мало помалу покрывается румянцемъ розоваго цвѣта, и блистаетъ свѣтлозарнѣе чистѣйшаго злата. Потомъ лучи солнечныя съ сѣтломъ и теплотою проникая съ большимъ стремленіемъ воздухъ, разливаются по всему оризонту. На конецъ являешся свѣтило во всемъ блистаніи величества своего, явно отъ часу болѣе возвышаяся, и земля оказывается въ новомъ видѣ своемъ. Бся шварь исполняется радостію, и подобно какъ будтобы вновь оживотворяется: птицы сладостнымъ пѣніемъ по-

здрав.

здравляютъ сего Свѣтодавца. Всѣ животныя во движеніе приходятъ, и ощущаютъ въ себѣ новыя силы и веселіе.

Воскликни ко Господу, о душе моя! да пѣсни похвалъ твоихъ пренесутся отъ земли въ горнія селенія, въ селенія, гдѣ господствуешь ты, коего велѣніемъ восходитъ солнце, и десницею котораго управляется дневное и годичное сего свѣтила печеніе, творящее для насъ благополучную переменѣну дня и ночи и порядочное послѣдованіе временъ года. Восхитися душе моя! ко Отцу свѣтовъ, и восхвали величество Его. Прослави Его признаніемъ святымъ зависимости своея отъ Его, и дѣянїями Ему благоугодными! возри на всю природу порядокъ и стройность возвѣщающую. Солнце и всѣ звѣзды окончиваютъ печеніе свое; всякая година приноситъ плодъ свой; каждой день возобновляется свѣтъ солнечный. И такъ восхоишь ли ты, о смертный! созерцая трудолюбивое твореніе, пребыи одинъ, не родя прославляти Создателя добродѣтелию и вѣрностію своею? Нѣтъ, пусть жизнь твоя похвалами превознесетъ благость Его, а богобоязненное усердіе да научитъ беззаконника, коль велико, и коль достойно прославленія божество, кое онъ забываетъ; миръ, царствующій въ душѣ твоей, да возвѣститъ грѣшнику, koliko милосердѣ и благъ Господь, предъ коимъ онъ препенетъ. Будь ко ближнимъ твоимъ столь же бла-



госердѣ, какѣ Онѣ къ тебѣ; будь къ нимѣ таковѣ, каково солнце ко всей вселеннѣй. Подобно какѣ солнце ежедневно низливаетѣ благопворительныя свои щедроты на землю; подобно какѣ оно восходитѣ надѣ благодарнымѣ и неблагодарнымѣ, и какѣ оно освѣщаетѣ равно глубокія долины и высокія горы: пако и жизнь швоя да будетѣ полезна, благопворительна и способна ко утѣшенію собратій швоихѣ. Каждой день освѣщай бы возобновляющіяся человѣколюбивыя дѣйствія сѣрдца швоего. Твори благо каждому по силѣ швоей, не взирая на его достоинство; кратко сказать, пошщись жить и трудиться на такой конецѣ, что бы жизнь швоя пропекала единственно вѣ благопвореніи роду человѣческому.

Еще и нынѣ зрѣлѣ ты восхожденіе солнца: можетѣ быть оно уже одинадцать тысячѣ разѣ надѣ главою швоею восходило; а нынѣ вѣ первые еще о семѣ явленіи размышляешь. И кто можетѣ знать, что ты сего дня не вѣ послѣдній разѣ видѣлѣ оное надѣ вселенною. Ахѣ! когда бы сія неизвѣстность научила тебя шѣмѣ внимательнѣе восхвалять швоего Всевысочайшаго Творца, и размышлять о восшедшемѣ днесь солнцѣ такими мыслями, кои бы не премѣнились и тогда, когда прейдешь отселѣ вѣ прѣблаженную безконечность.

*Перепель Гаприло Медвѣденѣ.*  
VIII.

## VIII.

## СТАНСЫ.

Взирая на поля, на рощи на луга,  
 На темные леса и на высоки горы,  
 На быстрый токъ рѣки, на желтые брега,  
 Вездѣ спокойство зрю, куды ни вскину взоры;  
 Приятной кажется всему назначенъ вѣкъ,  
 Лишь спонетъ и груститъ единый человекъ.



Въ восходѣ солнечномъ небесный зрится Царь,  
 Всему Онъ жизнь даетъ и все одушевляетъ,  
 Его съ веселіемъ встрѣчаетъ каждая пшарь,  
 Единый человекъ смущенный видъ являетъ;  
 Съ началомъ дня его начнутся суеты,  
 Страдаешь человекъ въ природѣ только ты.



Когда цвѣшны живитъ вечерная роса,  
 Приятный пшички хоръ когда приготавлиютъ;  
 Когда натуры всей откроется краса;  
 Зефиры нѣжные съ листочками играютъ,  
 Вдыхаешь и тогда единый человекъ  
 О томъ, что день его не видимо пролетѣ.



Съ покровомъ темнымъ ночь спокойство принесетъ,  
 Наспанетъ пишина, умолкнетъ все въ природѣ;  
 Она приятный сонъ во чувства пролетѣ,  
 Былинка каждая останетъ въ свободѣ,  
 Единый человекъ встревоженъ только ты,  
 Тебѣ являетъ сонъ ужасныя мечты.





Весна пріятная, что каждую тварь живимъ,  
 Лугамъ зеленые ковры приготовляетъ,  
 ручьямъ свободный токъ, полямъ цвѣтны даримъ,  
 Все нѣжитъ, веселитъ и все одушевляетъ;  
 Ты въ юности веснѣ подобенъ человекъ;  
 Но юность пролетишь быстрѣи текущихъ рѣкъ.



Веснѣ печешь во слѣдъ и лѣто дней твоихъ,  
 Желанія тогда и страсти воспалятся,  
 Помонешь человекъ во слабостяхъ своихъ,  
 И въ сердцѣ горести и грусти поселился,  
 Когда Помона всѣмъ даритъ свои плоды;  
 Стекутся вокругъ него мученія и бѣды.



Какъ класы желтые въ поляхъ Церера жнеишь,  
 Такъ осень всѣ твои пріятности похищаетъ,  
 Исчезнуишь прелести; любви желанья нѣшишь;  
 Что лѣтомъ веселишь, то въ осень не прельщаетъ.  
 Откроются тебѣ всѣ свѣта суеты;  
 Возстанешь ты тогда, что ихъ лишился ты.



Когда главу твою покроеишь бѣлый снѣгъ,  
 И хладъ, жестокий хладъ, въ душѣ твоей родится,  
 Тогда предсавишься тебѣ ужасный брегъ,  
 На коемъ нѣкогда должны мы всѣ явиться;  
 Минуюю тебѣ покажется твой вѣкъ,  
 Вздохнешь въ послѣднн ны, о! бранный человекъ.



Чтожъ значитъ человѣкъ въ пространномъ мѣрѣ семъ ?  
 Какое мѣсто онъ во свѣтѣ занимаетъ ?  
 Онъ страдаетъ , онъ груститъ , почти владея всѣмъ ;  
 Онъ знаетъ все , и ахъ ! себя не понимаетъ ,  
 Конечно для него другой назначенъ вѣкъ ,  
 Гдѣ онъ почувствуетъ , сколь щасливъ человѣкъ .

## IX.

### *Веселіе нравственное . .*

#### I.

Чей гласъ сей , который внутри меня восклицаетъ мнѣ одобреніе , когда я творю поступокъ добродѣтельной ? Одобреніе , чистую несказанную , никогда ненасытимую сладость во мнѣ возбуждающее ! се гласъ Всемогущаго ! Всемогущаго , который совершеннѣйшее изъ твореній своихъ , человѣка желаетъ зрѣть добродѣтельнымъ , себѣ подобнымъ .

#### 2.

О ! дражайшая *Емилія* , поубѣдай мнѣ , кто вручилъ тебѣ ключи къ сердцамъ человѣковъ ? Отъ чего происходитъ сіе , что каждый обращающійся въ обществѣ съ тобою мнитъ себя быть лучшимъ , и въ обществѣ съ тобою лучшимъ становится ? Кто даетъ тебѣ столько силы , что ты за-  
 бы



бываешь пвою слабость, болѣзни пѣла пво-  
его и саму себя, помышляя единственна о  
благѣ другихъ; и всѣ шаги пвои благо-  
пріязненными, добродѣтельными и благо-  
родными дѣлами означаешь? Не суть ли  
всѣ сіи дѣйствія чистыя, благодѣтельныя,  
Ангеламъ подобныя души пвоея?

О! любочестивыя! о! славолюбивыя!  
о! сластолюбцы! насытите вожделѣнія  
ваши, и попомѣ скажите, ощущаете ли вы  
оное сладостное веселіе, во всемѣ существѣ  
*Емили* просіявающее? Не ложно то, что  
малое число Емили природа производитъ;  
кто бо подобно ей обладаетъ поoliko нѣж-  
ными, живыми и справедливыми чув-  
ствами? Но смертные! да исполнимѣ ка-  
ждый изъ васъ должности званія своего;  
и тогда вкусите опѣ нектара собственна-  
го удовольствія души своея. Исполненіе  
должностей есть основаніе всѣхъ добродѣ-  
телей и столпѣ блаженства истиннаго.

## 3.

О коль щастливѣ добродѣтельный  
супругъ въ объятіяхъ возлюбленныхъ супру-  
ги своея! для него во груди исполненной  
прелестей, бѣется сердце наибогороднѣй-  
шее, сердце изъ единого чувствованія со-  
стоящее. Крокоглаголющія очи и пре-  
красныя уста ея вселяютъ въ него жар-  
чайшую нѣжность и чувствованіе.

Я разсматриваю супруга сего нѣсколько прилѣжнѣе. Онѣе учинился менѣе вспыльчивѣе, нежели предѣе симѣе. Сердце его гораздо лучше; радости гораздо возвышеннѣе, а горести супѣе услажденны. Се супѣе дѣйствія любви; дѣйствія благословенныя супруги. Предметѣе чистыхѣе вожделѣннй его, вѣе самое по же время служитѣе ему вмѣесто усерднѣйшаго, пронцапельнаго и скромнаго друга. Онѣе окруженѣе невинными веселыми пварями, усугубляющими бытіе его. Вѣе чадахѣе любитѣе онѣе маперѣе, а вѣе маперѣе чадѣе своихѣе; но всегда чувствуеѣе себя щасливѣе, чѣмѣе горячее ихѣе возлюбяеѣе. Равно удаленѣе онѣе спраспей кипящихѣе и онѣе пустаго хладнокровія; дни его пропекаютѣе вѣе сладчайшемѣе веселіи. Малыя пвари, будущіе человеки сіи, учиняпся нѣекогда подпорами старости его.

Тамѣе зрю я кипящаго, заблуждшаго юношу, и мужа совершенно чувственнаго. Испорченное смѣшеніе презрѣннй и любви по сластолюбіемѣе, по отвращеніемѣе дѣушу ихѣе наполняеѣе. Утраченѣе у нихѣе нынѣшнй день для дня заупрենнаго. Днесѣе приходитѣе старость; чувства умолкаютѣе; слабое тѣло пребуеѣе нѣеги; сердце желеетѣе быть согрѣшо; но вѣе сіе-по время живутѣе они вѣе горестномѣе уединеніи; не слышатѣе никогда сладостнаго имени *родителя*, пщепно утраченныя часы обратпо кѣе себѣе они призываютѣе.



## 4.

Даже и въ самыхъ назначеніяхъ вышнихъ, добродѣтель и блаженство суть нераздѣльны. Возрише на *пеликаго челоука*, когда онъ въ боѣ, при возмущеніи въ минутахъ рѣшительныхъ, весь око, весь дѣйствіе бываетъ; когда онъ единымъ взоромъ опасность и способы пропиву оныя усмаприваетъ; усмаприваетъ, и въ самое поже время въ дѣйство ихъ производитъ. Когда его рѣшимость нерѣшимыя, колеблющіяся обыкновенныя души влечетъ съ собою, яко орудія свои. Какое же Божеское веселіе грудь Ироя наполняетъ тогда! да сравняютьъ лучъ изъ чистаго ока его просіявающій съ пасмурнымъ и коварнымъ взглядомъ *Кромцеля* и яростію сѣдненными черпами *Катилины*. Толико же велики суть души злодѣевъ, какъ и Ироевъ; но храбрость первыхъ есть бѣшенство; мудрость ихъ хитрость; радость же, радость адская; радость, нарушаемая внутреннимъ безпокойствіемъ; радость, которая изъ челоуконенавидѣнія въ ненависть самаго себя преворается.

## 5.

Какими красками изображу я оное гордое собственное удовольствіе *Регула* спѣшащаго, въ честь своего отечества во срѣщеніе мученій ни мало несомнительныхъ? Какъ начертаю я крошкое спокойствіе *Епиктита*, паче и паче яснѣйшимъ чинящееся,

ни-

ниже оковами, ниже болѣзнями въ малодушіе непретворившееся? Какимъ образомъ опишу я оное нѣжносильное чувство друга *Пилладопа* съ жадностію за другое я жизнь свою подвергающаго? Се суть небесныя радости, се жаръ Божескій, что сихъ добродѣтели Ироевъ въ дѣлахъ ихъ одушевляешъ! о! *Тимуры* о! *Кулыханы* прошедшихъ временъ и будущихъ, за что вы съ поликимъ трудомъ проклятіе просвѣщеннаго человѣчества на себя навлекаете? Кровію омоченныя, незаслуженныя, созданныя на опустошеніи и глупостію обожаемые памятники ваши; доставяшъ ли вамъ когда нибудь мгновенія толико восхипительныя?

## 6.

О добродѣтель! о блаженство мудраго! по истиннѣ порочный тебя оставляетъ: но тщетно обмануть себя онъ старается. Сильный гласъ твой глаголетъ безпрестанно во груди его, и въ терзающіе упреки ему претворяется. Посредѣ его радостей въ волненіи свѣта, на одрѣ болящаго въ безсонныхъ ночахъ, даже во время самаго сна, вопіешъ гласъ твой съ равною силою, добродѣтельному въ награду, злому же въ наказаніе. Не всегда пїянство чувствъ продолжается; не всегда возможны суть разсѣянїя! какое же зрѣлище! какое же чувствованіе! взирашъ на себя и ненавиждѣшь!





Таковыми-то нерѣшимыми узами, о добродѣшель! вѣчный источникъ всяческихъ благъ прилѣпилъ къ тебѣ природу человѣческую. Блаженными узами неселія *нрап-стпеннаго* прикрѣпилъ онъ его къ тебѣ; горе же спарающемуся разрушитъ узы сіи!

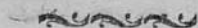
### Х.

*Поощреніе искать Бога въ произведе-  
ніяхъ природы.*

Доколѣ, о душе моя! доколѣ ты будешь во снѣ погружена! возстани и возри со вниманіемъ на все, что тебя окружаетъ. Разсмотри себя самую, и другія шворенія; разсмотри ихъ начало, ихъ спроеііе, ихъ образъ, ихъ пользу, и тысящи другихъ обстоятельствъ долженствующихъ исполнить удивленіемъ каждаго внимательнаго зрителя дѣла Божіихъ, Коль возведешь очи свои на испещренное споль многоразличными и споль живыми цвѣтами небо, на звѣзды полико блестящія, на свѣтъ, озаряющій всѣ окружающіе тебя предметы, вступи самага себя: откуда все сіе имѣетъ свое начало? Кто воздвигъ огромный сводъ небесъ? Кто поставилъ на тверди небесной безчисленныя свѣтила, звѣзды, отъ безконечной высоты своей и до насъ низпосылающіе лучи свои? Кто повелѣлъ симъ свѣтиламъ двигаться съ поликою точностію, и солнцу освѣщати и шворити землю плодородною? Не Ты ли, о Творче и Господи мой! конечно Ты, ко-

конечно Твое всемогущее и премудрое слово нарекло всѣ сіи вещи и существоваши имѣ повелѣло. Какое же должно бышь величество Твое, величество непоспимое, всѣ сіи вещества изѣ небытія испоргнувшее! коль безпредѣльна Твоя благость устроившая всѣхъ ихъ такъ, чтобы споспѣшествовали благополучію моему!

Горы высокія, какая могущественная десница утвердила васъ на основаніяхъ вашихъ? Кто вознесъ главы ваши даже до облакъ? Кто украсилъ васъ дубравами, деревьями плодоносными, знаками и цвѣтами? Кто испочилъ изѣ нѣдръ вашихъ источники и рѣки напаяющія и утучняющія землю? Твоя десница, о Творче Всемогущій! сотворила всѣ чудеса сіи; и сей божественной десницѣ поклоняюся я исполненный удивленія, богоговѣнія и благодарности. Цвѣтки на поляхъ распушіе, кто облекъ васъ въ лѣпоту вашу? Какъ частица земли и нѣсколько капель воды могутъ васъ произращати? Кто изливаетъ на васъ столь различныя благоуханія, которыя мы обоняемъ, и которыя оживотворяютъ силы наши? Откуда воспріяли вы цвѣпы живые, увеселяющіе очи наши, и коимъ искусство смертныхъ подражать не можетъ. Се дѣло рукъ Твоихъ, Зиждителю мой! всякая шварь земная отъ Тебя происходитъ: а вы, одушевленные швари, парящія по воздуху, плавающія въ водахъ и населяющія землю,



кому одолжены существованіемъ своимъ, и своимъ сложеніемъ; и въ споль различныя и споль удивительныя несѣкомыя, коимъ чудился умъ нашъ, въ всѣхъ, одѣянны сходствен-но съ естествомъ своимъ и жизнью своею?

Какое же множество чудесъ зрю я, разсматривая самага себя? Какъ персть земная могла содѣлаться плѣномъ споль спройно расположеннымъ? Какимъ образомъ одна изъ частей его соспавляющихъ видитъ, другая посредствомъ сопрясенія воздуха познаетъ мысли другаго, претія вкушаетъ различныя сладости пищи. Какимъ образомъ имѣю я способность сообщать себѣ подобнымъ понятія и волю разума моего? Какимъ образомъ опредѣленное мнѣ во снѣдъ можетъ доставить душѣ моей по-лико пріятныхъ ощущеній? Познаю де-сницу Творца моего во всѣхъ сихъ полико непоспижимыхъ чудесахъ. Во испинну Го-споди Твоя премудрость, Твоя сила, Твоя благость, согласно пекутся о щастіи моемъ.

Существо безконечное! въпредъ ничто для меня не будетъ полико любезно, какъ искашь Тебя во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. Есть ли что нибудь на небеси и на землѣ, чтобъ не опверзало мнѣ пупи къ познанію Тебя, и что бы не приводило мнѣ на па-мять Твоя сила, Твоя премудрости, Твоя благости? Въ сіи прекрасные весенные дни ничего споль достохвальнаго не могу я сотворити, какъ среди премѣненій на зем-лѣ

лѢ нынѢ происходящихѢ, возводишь свои  
очи къ ТебѢ Опче всея швари, къ ТебѢ,  
во всякое время отверзающему щедрую  
свою руку и исполняющему всякое живот-  
ное благоволенія. Но всякой разѢ, когда я  
пщуся познати Твое величество и Твою  
благопворность, сотвори Господи! да благо-  
словлю имя Твое, восхищаясь веселіемѢ,  
и радостію исполнясь, и да славословлю  
чудеса премудрости Твоея. Да будетѢ  
впредѢ пріятнѣйшимѢ для меня упражне-  
ніемѢ возвѣщать братіи моей Твою бла-  
госць, и пѣсти во псалмѣхѢ имя Твое предѢ  
всѣмѢ ТвоимѢ народомѢ.

## ХІ.

### ПРИРОДА И ИСКУССТВО.

*Малая пощѣсть, какихъ много бы можно  
было сдѣлать.*

**И**мѢя по лѣвую руку семилѣтняго го-  
сподина Ф. . . . . А по правую пяти-  
лѣтняго П. идешь вѢ срединѢ учитель раз-  
мѣрянными шагами, шествуешь по песку,  
и гуляя вѢ саду твердишь безпрестанно  
на право; не упадете. А на лѣво; по-  
тише. Пятилѣтнее дитя чувствуетѢ есте-  
ственное побужденіе и бѣжитѢ впередѢ. „  
Вы упадете! и вопѢ лежитѢ онѢ. Учи-  
тель прибѣгаетѢ, бранитѢ и наклоняется.  
Дитя плачетѢ, и встать не можетѢ. ТутѢ  
потребно искусство! я отвращаю взорѢ.



Выглядываю я въ окно. Четырехлѣп-  
 ній или пятилѣпній мальчикъ ведетъ дву-  
 лѣпняго робенка; одинъ держитъ лѣвою  
 рукою во рту кусокъ чернаго хлѣба; дру-  
 гой кусокъ рѣпы и половину ручки  
 мнетъ во рту. Въ плащѣ видны знаки  
 крайняго убожества, въ счахѣ чувство сво-  
 боды и удовольствія. Оспанавивается ма-  
 лая чета сія предъ малымъ рвомъ. Маль-  
 чикъ хочетъ ужь перескочить; вдругъ при-  
 ходитъ молодка. Мальчикъ смотритъ ей  
 въ глаза точно какъ другой человекъ; она  
 его понимаетъ и шествіе продолжается, эй  
 ты съ колоколомъ, кричитъ вдругъ маль-  
 чишка! товарищъ кричитъ за нимъ не гово-  
 ря ни слова. И вотъ лежатъ они оба!  
 мальчишка постоявъ не много, оглядѣвъ  
 кругомъ: жуетъ свой хлѣбъ, шянетъ зару-  
 ку робенка, сей на другую опершись помо-  
 гаетъ самъ себѣ, встаетъ, и вотъ оба опять  
 на ногахъ. Нѣтъ ни браня, ни слезъ. Вотъ  
 природа! глаза мои наполнились слезъ, не  
 знаю отъ радости, или отъ грусти.

Вотъ случай, любезные чипаптели, ко  
 нравоученію! вы ли хотите, или мнѣ прика-  
 жете? Мнѣ? хорошо, я не спану долго мѣ-  
 шкатъ. И во первыхъ видно, что природа  
 еще не сокрылась, и что намъ нѣтъ ну-  
 жды плыть въ Америку для обрѣщенія ея.

Расказанное теперь мною случилось въ  
 нашемъ городѣ. Второе, не должны мы, ка-  
 жется, бранить бѣдныхъ людей за то, что они  
 же-

женятся; пусть они дѣлаютъ какъ хотятъ! а вы, которые дивитесь, какъ можно бѣдному жениться на бѣдной, взгляните на сихъ ребятъ; такихъ здѣсь много, знаете ли, что вамъ сдѣлать? Нѣсколько процентовъ изъ казны вашей опредѣленной вами на забавы, довольны будутъ со временемъ сдѣлать мальчишка добрымъ ремесленникомъ. Убавя не много кружевъ въ своемъ нарядѣ, можете сдѣлать ему рубашку и кафтанъ, а снрядя такъ, отошлите его къ доброму пастуху, или креспьянину! Вотъ что вамъ сдѣлать — что братъ сдѣлаемъ! ну, давай руку, быть такъ — смотрижь, не давъ слова крѣпись; а давъ его держись.

## ХII.

*Разсужденіе о нѣкоемъ реченіи дрежняго мудреца, что половина больше цѣлаго.*

**П**одлинно прѣвильно разсуждалъ Цицеронъ, сказалъ нѣкогда Марронъ Лукиду, что не можетъ ничего столь глупаго выдуманно быть, чего бы Философъ какой нибудь не спалъ утверждать. Можно ли на примѣръ, что глупѣе вздумать, какъ, что половина больше цѣлаго.

*Лукидъ.* Что до сего реченія надлежитъ, то еще не доказано Философу или спихотворцу принадлежитъ честь сего вымысла (\*) но въ погдашнія времена, ремесла не

Е с

такъ

(\*) Приписываютъ его Пипшаку, однако находится оно и у Изіода.





такъ раздѣлены были какъ нынѣ, и большей части философъ бывалъ и пѣвецъ, стихотворецъ же училелемъ: но что ты скажешь на то, ежели я по сему самому примѣру докажу тебѣ, что размышляющій, хотя въ стихахъ, хотя въ прозѣ, до того мало нужды, не можешь ничего спользупаго сказать, гдѣ бы не заключалось какойнибудь правды.

*Марронъ.* Но что бы половина больше была цѣлаго! Боже мой! господинъ Лукидъ, ежелибы ты во всѣхъ нескладицахъ увѣришь былъ въ силахъ, то не можешь ты мнѣ въ семъ реченіи показать мудрости.

*Лукидъ.* А правду?

*Марронъ.* Разумѣется, что не покажешь.

*Лукидъ.* Ну, такъ я хочу твоимъ собственнымъ примѣромъ сіе доказать.

*Марронъ.* Bravo!

*Лукидъ.* Вспомните щасливое то время, когда вы въ Филидиныхъ очахъ —

*Марронъ.* Ну, что? — Что? — Къ чему это здѣсь? —

*Лукидъ.* Когда въ очахъ ея зрѣли вы небо — И когда отъ половины взора чувствовали восхищающее біеніе сѣрдца; когда отъ тихаго прикосновенія къ мягкой и прелестной рукѣ ея распаивала вся душа ваша отъ удовольствія.

*Марронъ:* Скажи ты мнѣ, къ чему это все?

*Лукидъ.* Былъ ли кто благополучнѣе васъ тогда! не желали ли вы часто возвращенія

сего щастія. Но вы думали, что оно можетъ бытьъ еще больше. Вы не хотѣли довольствоваться половиною; получили вы — все, чего вы ни желали, и всѣ небеса и блаженство исчезли, о Марронъ! Марронъ! признайтесь, что половина больше цѣлаго. Тогда и я признаюсь, что и мнѣ иногда хотѣлось остаться при половинѣ. Что теперя скажете?

*Марронъ.* То, что ты негодный и жестокий человекъ.

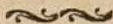
*Лукичъ.* Успокойтесь теперя; мнѣ кажется, что довольно для васъ и одного доказательства; однако я въ духѣ поучать; а съ учителями обыкновенно таково бываетъ какъ съ пѣвчими; они не охотно перестаютъ не допѣвъ своей пѣсни, хотябы слушатели и не хотѣли. При томъ отступление отъ прежнихъ представлений не бесполезно. Я не отпущу васъ отъ себя печальнымъ. Посмотримъ же теперя мудрость реченія того въ вещахъ до славы надлежащихъ. Ежели кто разумомъ или заслугами, или благопріятностію щастія начнетъ изъ мрака возноситься — Радость и бодрость блестятъ на лицѣ его, почтеніе и услужность окужаютъ его со всѣхъ сторонъ; добрыя дѣши согласуются съ нимъ; высокія дѣши считаютъ за долгъ себѣ его подкрѣплять; друзья его приближаются къ нему; враги отступаютъ. То, что онъ учинилъ, благосклоннѣе пріемлется, при раз-

су-



сужденіи о томъ, что еще можетъ онъ учинить. Можно его еще хвалишь не умаляя себя; еще можно говорить о его достоинствахъ, дабы удобнѣе и о своихъ упомянуть. Но пусть удвоенною силою вознесется онъ выше; прежде сего говорили о немъ коегдѣ; нынѣ слышится хвала его по всѣмъ мѣстамъ; множество удивляется; замысленики избираютъ его своимъ начальникомъ и покровителемъ; онъ все въ силахъ произвестъ, и каждый мыслящій о себѣ больше, нежели что онъ есть — и кто инако думаетъ? — есть врагъ ему, есть обиженный имъ судья его. Великость его есть обманъ: ибо она кружитъ всѣмъ головы. Заслуги его не дѣйствительны, ибо они не подобны заслугамъ другихъ. Первые враги его входятъ въ толпу, рассказываютъ грѣхи его молодости и преступленія слабыхъ часовъ его; друзья не видятъ въ немъ того, что прежде, они ему не доверяютъ, ибо онъ можетъ легко безъ нихъ обойтись. Приверженные еще къ нему отъ часу больше отъ него требуютъ, чѣмъ больше онъ для нихъ уже сдѣлалъ — Сохрани Боже cadaго желать быть первымъ въ народѣ! и не правда ли Марронъ, что половина и шутъ лучше цѣлаго; теперъ кажется довольно я доказалъ?

*Марронъ.* Я долженъ признаться, любезный Лукидъ, что я не много понялъ изъ всей послѣдней твоей рѣчи.



УТРЕННІЙ  
СВѢТЪ,  
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

*Мѣсяцъ Октябрь*





---

# О Г Л А В Л Е Н І Е.

	спран.
I. Письма г. Юнга, письмо I. о невѣр- ствѣи. - - - - -	93
II. Письмо II. о упѣхахъ. - - - - -	115
III. ——— III. о упѣхахъ, - - - - -	125
IV. ——— IV. о упѣхахъ, въ отвѣтъ на нѣкоторое письмо, полученное со- чинителемъ. - - - - -	137
V. Разсужденіе о сравненіи дарованій Гре- ковъ и Римлянъ, говоренное на Ла- шинскомъ языкѣ Іоганномъ Авгу- стомъ Ернестіемъ въ Лейбцигской Университетской библіотекѣ, въ присутствіи Саксонскихъ Герцоговъ Фридриха Христіана и Ксаверія. -	158
VI. Разговоръ Монтескія съ Честерфиль- домъ. - - - - -	177
VII. Разговоръ съ самимъ собою Вольно- думца ночью. - - - - -	179

---







# У Т Р Е Н Н І Й С В Ъ Т Ъ.



I.

П І С Ъ М А Г. Ю Н Г А.

П И С Ъ М О I.

*О непврстпїи.*

Устрашенный успѣхами, которые чиняпся спрастію кѣ забавамъ вѣ любезномъ опечествѣ нашемъ, принуждаешь ты меня, дражайшій другъ, писать о семъ. И собственная склонность моя, и исполненіе должностей моихъ, побуждаютъ меня тебѣ повиноваться: я также вижу, какъ и ты, колико язва сія распространяется, и ежели не будутъ спараться о истребленіи оныя, то зло сіе учинится неисцѣлимымъ.

Но трудъ сей на меня шобою возлагаемый, и другій еще меня воспріяти принуждаетъ. Не менѣ сего успѣховъ чи-



нипѢ и невѢрствіе, не менѢе и оно сердца добродѢтельныя устрашаетъ. Распутная жизнь и невѢрствіе путешествуютъ всегда вкупѢ: се суть два порока, купно возрастающіе, и купно исчезающіе, и которые всегда единую участь раздѣляютъ. СомнѢніе учинило Евву дерзостною, и побудило ее коснуться плода запрещеннаго: но въ нынѢшнія времена чада ея начинаютъ вкушати плоды сіи; а потомъ уже ничему не вѢрятъ. Распутство и невѢрствіе, попеременно едино другаго производятъ; онѢ единѢ другимъ раждаются, такъ се му и быши долженствуетъ. И въ самомъ дѢлѢ разсудокъ есть основаніе вѢры: разсудокъ теряетъ силу свою, поелику владычество чувствѢвъ распространяется, и слѢдственно склонность къ чувственнымъ забавамъ естественнымъ наклоненіемъ ведетъ насъ къ невѢрствію. Съ другой стороны человекъ, представшій вѢришь будущей жизни, долженъ къ настоящей жизни чувствовать приспращіе, и всѢ забавы, предлагаемыя оною, съ жадностію глотати: и слѢдственно невѢрствіе всякое обузданіе распутствія уничтожаетъ, и передаетъ его своевольствію. Распутствіе спѢшитъ къ запрещенному плоду, и дерзкою рукою его срываетъ: невѢрствіе же его ободряетъ вѢщаетъ ему тако: *везь сомнѢнія не умрешь ты смертію.*

Сіи двѣ національныя болѣзни цѣлаго  
человѣка между собою раздѣляютъ. Еди-  
ная изъ нихъ старается овладѣть тѣломъ,  
а другая душою; и когда уже оба сіи не-  
пріятели единѣ разѣ человекомъ овладѣ-  
ютъ, тогда гибель его неизбѣжима и со-  
вершенна. Постараемся же открыть очи не-  
вѣрнаго, и въ сердцѣ распушнаго возбуди-  
ти раскаяніе.

Душа есть благороднѣйшая часть са-  
михъ насъ; болѣзни оныя пребуютъ пер-  
ваго старанія нашего: и такъ вопер-  
выхъ буду я говорить о невѣрствіи. Я  
почту себя удовольствованнымъ, ежели  
разсудокъ не найдетъ ничего основательнаго  
противу меня сказать: что касается до  
остроумія: то, чтобы возложить на него  
молчаніе, симъ я никогда себя не ласкаю.  
Колико видимъ мы людей посвящающихъ  
все искусство и всѣ способы дарованія сво-  
его на защищеніе пороковъ и глупыхъ  
заблужденій! люди сіи вооружаются раз-  
умомъ, чтобы воевать и уничтожить пре-  
мудрость, подобно какъ необузданною  
страстію къ забавамъ, уничтожаютъ они  
щастіе свое: они имѣютъ искусство бла-  
го превращати во зло, и посвяти раздѣле-  
ніе и раздоръ между вещьми по естеству  
своему соединенными, и сотворенными для  
взаимныя помощи. Не имѣемъ ли мы са-  
моновѣйшаго и сильнѣйшаго примѣра дер-  
зости, съ которою разумъ нашъ воюетъ



на премудрость и опасныхъ хитростей, употребляемыхъ онымъ для ослѣпленія слабыхъ и малоразумныхъ челоуѣковъ? Священное писаніе, гдѣ сказано, *егда похощаху сыноупе Божіи къ дщереупе челоуѣчскимъ, и раждаху себѣ: тии вяху исполини, иже отъ шѣка челоуѣцы именити*, побудило смѣяться писателя, (а) о которомъ я говорю хочу: но я употреблю слова сіи въ смыслъ гораздо важнѣйшемъ, нежели писатель сей, и коего истинна будетъ всякому чувствительна: слова сіи значатъ, что всякой разъ, когда великія дарованія соединены бывають съ низкими и поврежденными сердцами какъ во мнѣніяхъ, такъ и въ поступкахъ нашихъ, производятъ ужасныя заблужденія. Да и въ самомъ дѣлѣ, есть ли что нибудь сего ужаснѣе, какъ видѣть невѣрствіе, толико силъ собирающее, (даже въ ту минуту, когда уже всѣ силы природы истощившія ослабѣвають,) чтобы презирали страхи, окружающіе ложе умирающаго, и свѣту гордымъ образомъ, примѣръ дерзости и безбожія оставить! Не самое ли то сіе значитъ, что простирали войну даже до престола всемогущаго Существа, которому оно противится, и въ самую минуту опчаянія своего сохраняли щеславную надежду, изъ гроба своего разрушили основаніе такого закона,

ко-

---

(а) Милордъ Волингброкъ.

которой и самъ Іуліанъ, съ высоты престола своего, испребити опчаялся?

Было время, гдѣ невѣрствіе извинялося: тогда истинна находилася подъ покровомъ; ложь заимствовала черпы ея и видимою сходностію прельститъ могла: мнѣнія умножались и перемѣнились до безконечности. Находяся въ движеніи и волненіяхъ неизвѣстности сея, человѣческой разумъ не вѣдалъ на чемъ ему утвердиться: весьма слабъ, чптобы вытерпѣть долгое время шруды обезпокоивающаго сомнѣнія; наконецъ клонился онъ къ единой изъ двухъ споронъ сихъ, и при рѣшеніи своемъ едва ли могъ избѣгнуть, чптобы не впасть въ заблужденіе. Язычники, оставленные Богомъ, потеряли путь свой, и уже при слабомъ сіяніи естественнаго свѣта не могли паки обрѣсти онаго.

Но ежели мы заблуждаемся при полномъ сіяніи дневнаго свѣта, то чему же припишемъ причину сего? Конечно не невѣжеству, но упрямству: мы имѣемъ путеvodителя; но не хопимъ ему слѣдовать. Нещастный разумъ, коему удивляющся, а я о немъ сожалѣю, вмѣсто того, чптобы превосходныя дарованія свои употребить на открытіе очей слѣпопостствующихъ; и тѣхъ онъ старается ослѣпить, кои суть зрящи: душа его обогатилася знаніями, дабы съ блескомъ погубити себя: освѣщаемъ разумомъ своимъ; ископалъ онъ сію





про́пассть, вѣ которую своевольно самѣ погрузился.

Кое же естъ любимое ученіе вѣка нашего, сего вѣка весьма просвѣщеннаго, чшобы имѣти нужду вѣ наставленіяхъ, и весьма гордаго, чшобы принимати оныя даже и отъ самихъ небесъ? Ученіе сіе естъ слѣдующее., Всѣ понятія должностей про-, шиву Бога и прошиву челоуѣка начерта-, ны природою вѣ умахъ нашихъ, или весь-, ма легко разсужденіемъ нашимъ усма-, триваются: единыя сіи всеобщую обязан-, ность на всѣхъ челоуѣковъ налагаютъ: а , сіе - то и составляетъ законъ естествен-, ный. Всѣ прочія учрежденія утверди-, тельныя, всѣ особенные образы вѣры, , сущъ дѣла рукъ челоуѣческихъ, и токмо , изъ полишки, изъ корысполубія, или изъ , честполубія начало свое воспріяли: учре-, жденія сіи сущъ ходячая монета, сдѣлан-, ная для употребленія народа; владыки , онаго поступили весьма разумно, нало-, живъ такія узы, дабы посредствомъ оныхъ , по собственному соизволенію своему рас-, проспранять могущество свое, и не обрѣ-, таши нигдѣ равныхъ себѣ, кои бы пре-, пятствовали вѣ похищеніяхъ ихъ на пра-, во естественное. Естлибѣ народъ имѣлъ , одинакія правила и одинакія мнѣнія съ , большею частію владыкъ своихъ, тогда , бы жизнь ихъ не могла бытъ вѣ безопасно-, снн. Что касается до Бога, продолжаютъ , онѣ,

онѣ, по законѣ естественный повелѣваетъ  
 намѣ почитать его и мыслями и словами  
 нашими: но ежели мы стараемся заклю-  
 чить въ предѣлахъ такое существо, ко-  
 торое присутствіемъ своимъ все простран-  
 ство наполняетъ, тогда поступаемъ  
 пропивно величеству его. Можетъ ли все-  
 видящее и всевѣдущее Существо имѣть  
 нужду въ словесныхъ моленіяхъ и во  
 внѣшнемъ богослуженіи? Симъ-то обра-  
 зомъ невѣрные сіи хотятъ почитать Бога  
 Философическою и изящнѣйшею вѣрою, обна-  
 женною отъ всякія внѣшнія пышности, по-  
 лико же невидимою какъ и самъ Богъ, и по-  
 лико же для грубаго множества непоня-  
 ную, какъ и самъ Онъ. Но вѣра сія скоро  
 исчезнетъ и совѣмъ истребится, ежели раз-  
 умъ оныя, подобно разуму человека, не  
 будетъ имѣть видимыя одежды плѣсныя.  
 Философы сіи отъбемлютъ у Бога досподо-  
 лжное Ему почтеніе подъ видомъ исправ-  
 ленія онаго.

Единыя правила естества, присовокуп-  
 ляютъ они, всѣ такія дѣянія намѣ запре-  
 щаютъ, которыя или на имѣніе, или на жизнь  
 подобныхъ намъ стремятся: воровство  
 и убійство, суть пресупленія пропиву  
 общества, которыхъ мы никогда чинить  
 не долженствуемъ, и коихъ ничто изви-  
 нить не можетъ; но что касается до прі-  
 ятныхъ чувствованій, которыя мы себѣ  
 доставить можемъ; что касается до  
 Ж 4 „уцѣхъ,



„ утѣхѣ, коими наслаждаются чувства на-  
 „ ши; то для чего намъ лишать себя о-  
 „ ныхѣ! для чего пребывать намъ изну-  
 „ ренными голодомѣ, имѣя подѣ нашими  
 „ руками преизящнѣйшія ѣспвы, небесами  
 „ намѣ предлагаемыя? Мы не должны  
 „ взирати на Бога, яко на мучителя. Какое  
 „ же имѣлъ Онѣ намѣреніе, влагая въ насѣ  
 „ желанія, ежели удовольствованіе оныхѣ  
 „ почитаетѣ преступленіемѣ; на что-  
 „ же далѣ Онѣ намѣ всѣ сіи склонности,  
 „ влекущія насѣ къ утѣхамѣ, ежели не  
 „ позволяетѣ наслаждаться ими? Нѣтъ: ко-  
 „ нечно не можетѣ быть преступленія, слѣдо-  
 „ вать склонностямѣ нашимѣ природою и Бо-  
 „ гомѣ намѣ даннымѣ, сопротивляясь онымѣ,  
 „ непослушными себя противу Творца на-  
 „ шего являемѣ. „

Такимѣ образомѣ безбожные сіи невѣр-  
 ствія учили, изѣ почтенія ко всевышне-  
 му Существу нарушаютѣ ученіе его, отвер-  
 заютѣ врата всѣмѣ порокамѣ, освобождаютѣ  
 ужасное распутствіе, и безстройному во-  
 ображенію нашему позволяютѣ, умножатѣ  
 беспорядки онаго, и всѣ гнусности его без-  
 престанно въ новомѣ видѣ. Весьма искусно  
 предлагати. Мерзостные боги распутствія  
 и сластолюбія, изѣ рукѣ ихѣ на жертвен-  
 ники наши поставляются, куда тысячи  
 Христіанѣ ежедневно спекаются, дабы и ща-  
 стіе, и здравіе, и честь свою принести имѣ  
 въ жертву. Можно сказать, что онѣ впо-

рично сокрушаютъ скрижали данныя Богомъ Моисею, да еще въ ужаснѣйшемъ смыслѣ, нежели оныя сокрушены были Моисеемъ, когда сошелъ онъ съ горы Синайскія. Гордость разума человѣческаго есть златый пелецъ, изваянный безбожниками сими, которой они людямъ непросвѣщеннымъ для поклоненія предлагаютъ: восхищаяся надъ мѣру рѣшеніями слѣпаго разума сего, попираютъ они почтенную власть Всевышняго, оный священный законъ, созданный руками Его, во едино время со вселенною. Безумцы! стрѣлами пущенными на вѣтеръ, воображеніемъ ихъ, и ужасными мыслями въ единую минуту безумствіемъ ихъ рожденными надѣются поколебать и опровергнуть швореніе толикихъ вѣковъ! они предпринимаютъ исправить и привести въ совершенство швореніе самого Бога. Но перстъ божественный законъ, на камнѣ начертанный, довольно силенъ, чтобы паки впечатлѣть священные характеры оныя въ зашвердѣлыхъ сердцахъ гордыхъ возмущителей сихъ. Можетъ быть, что и самые опважнѣйшіе изъ невѣрующихъ нѣкогда удивлялись будутъ, что паки вѣроваши начнутъ.

Но таинства, вопіютъ онъ, таинства! какой это человѣкъ, коего разсудокъ возмощъ поняг и таинства сіи? Любезные мои невѣрующие! самой потъ, которой мыслишь, что онъ можетъ вѣрить Создателю, не причиняя разуму



своему безчестіа, Socinius, Социніусъ былъ полико же понокъ и щекопливъ, какъ и вы: пронуть великодушною жалостію о священномъ писаніи, которое уже пятнадцать столѣтій въ свѣтѣ семъ худо понимаемо было; освободилъ его отъ всѣхъ бесполезныхъ таинствъ, которыя вамъ не нравятся. Онъ очистилъ вѣру, и учинилъ оную по вкусу разума человѣческаго: ибо для чего, говорилъ онъ подобно вамъ, „ шаковымъ невѣрояшнымъ ученіемъ устрашаши честныхъ Магомешанъ, коихъ бы, „ отнявъ сіи преграды ихъ удерживающія, „ весьма легко можно было превратить въ „ Христіанъ? Изъ христіанства должно „ учинить вѣру народную, и очистить ее „ отъ всего, что токмо отвратительнаго въ ней находится „. Очень хорошо: но вѣра сія не будетъ уже болѣе вѣра Христіанская. . . . . Колико такихъ вещей, кои находятся въ глазахъ вашихъ, „ которыя осязаеши вы руками, и которыя однакоже для разума вашего суть непонятны! потерпите, чтобы между множествомъ симъ непонятныхъ чудесъ Богомъ вокругъ васъ насѣянныхъ, хотя едино пребыло тѣмъ, чѣмъ оно быти долженствуетъ.

Надлежитъ однакоже признасться, что и предпріявшіе защищати вѣру нѣсколько погрѣшали. Неосторожная ревность ихъ снабдила невѣрующихъ оружіемъ: иногда старались они изъяснить таинства, не



помышляя о томъ, что изъясненное таинство, есть таинство уничтоженное. Ибо, что иное разумѣемъ мы чрезъ таинство, еслили не такую вещь, которая превосходитъ понятіе наше? Но должно ли оно быть менѣе вѣроятно для того, что мы не знаемъ онаго? Ежедневно видимъ мы, что истинна пребываетъ въ пространнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а ложь въ самыхъ вѣроятныхъ.

Есть таинства для разума, а другія для зрѣнія нашего. Два рода предметовъ, суть оку нашему невидимы: тѣ, кои находятся въ темнотѣ, и тѣ, кои сіяютъ въ чрезвычайномъ свѣтѣ. Въ первомъ случаѣ происходитъ сіе отъ недостатка свѣта, въ пространствѣ между окомъ и предметомъ находящагося; въ другомъ же отъ слабости органовъ, которые не могутъ перенести столько сильнаго стремленія, ослѣпляющаго ихъ сіянія. Равнымъ образомъ и разумъ нашъ, есть вещи, которыя бы могъ онъ знать, однакоже не вѣдаетъ ихъ; ибо не имѣлъ способоу научиться имъ; другія же для него суть непонятны, по тому что превосходятъ настоящіе предѣлы понятія его. Точно то же и въ вѣрѣ къ таинствамъ, которыя и по откровеніи точно таковыми же остались, да и навсегда человеку таковыми пребудутъ, доколѣ не выйдетъ онъ изъ смертной жизни сей, и не освободится безсильнаго и сла-





слабаго состоянія, которое всегда бываетъ съ онымъ совокупно.

И такъ напрягать силы свои, чтобы учинить основательныя изъясненія таинствъ нашихъ, есть предпріятіе, не только дерзкое и тщетное, но самой истиннѣ вредительное, и которое обезображиваетъ божество, желая учинить его видимымъ: оно равняется тому, ежелибъ кто лаская себя удобнѣе смотрѣть на солнце ожидалъ, чтобы оно покрылося густымъ мракомъ.

Богъ не далъ намъ могущества, невидимое существо Его вещественными образами начертывать. Кисть живописца, или орудія каменосѣца, могутъ его токмо обезобразить, а не учинить образа ему подобнаго. Равнымъ образомъ и тѣ изображенія унижаютъ непонятное существо Его, которыя воображеніе наше начертати щася, дабы учинить его чувствительнымъ разуму нашему. Я не хочу здѣсь порочить набожность тѣхъ, которые по своему усердію на предпріятіе сіе поступили; напротивъ я почиаю намѣреніе ихъ, а хую токмо единыя слѣдствія онаго. Не надлежитъ собственныя разсужденія свои преподавать яко основаніе вѣры, которая токмо на святыхъ свидѣтельствахъ утверждается долженствуетъ. Исповѣданіе, основанное на единомъ разумѣ, не есть уже болѣе вѣра: естли я откровеннымъ истиннамъ вѣрю, слѣдуя токмо разуму моему;

вѣ

въ такомъ случаѣ вѣрую я единому себѣ, а не Богу. Тогда я мнѣнія мои налагаю на себя яко владыка, а не примаю оныхъ яко рабъ униженный.

Колико заблужденій, колико чудесныхъ мнѣній раждаетъ гордый разумъ человѣческій, противу Бога возставшій! кто можетъ исчислить безчисленное множество бѣдственныхъ слѣдствій, происпекающихъ изъ невѣрствія? Кто дерзнетъ не приписать ему всѣхъ преступленій, причиняющихъ безчестіе столѣтію нашему; всѣхъ пороковъ, въ государствахъ поврежденіе распространяющихъ, и всѣхъ общественныхъ и частныхъ бѣдствій, заставляющихъ общество воздыхати? Колико безчестныхъ тайностей въ нѣдрахъ семействъ сокровенныхъ! колико постыдныхъ условій, которыя несправедливость предъ лицомъ всего общества явно заключати дерзаетъ! колико судей безстыдныхъ, преступленію правосудіе предающихъ, и престающихъ наглымъ образомъ такіе законы, кои сами они другихъ наблюдать принуждаютъ, оправдывая настоящее поврежденіе сіе примѣромъ поврежденія временъ прошедшихъ! не подобно ли сіе баснословнымъ Гигантамъ, поставляющимъ единую гору на другую, дабы удобнѣе учинить нападеніе на небо: ужё ли вы думаете, что небо взирая на дерзость нашу, не будетъ отвѣтствовать громовыми ударами?



Мы слышали уже увѣщанія его, не гнѣвомъ, но кротостію исполненныя: но уже ли мните вы, что оно всегда терпѣть будетъ гордый и лежкомысленный вѣкъ нашъ, который вѣситъ Всевѣчнаго на вѣсахъ разума человѣческаго, и забавляясь разсуждаетъ о Владыкѣ вселенныя? Сей вѣкъ, гдѣ кромѣ восклицаній сласполобія и пронцающаго вопля нещасныхъ ничего болѣе не слышно; гдѣ и долги и издержки суть чрезмѣрны; гдѣ богатство нѣсколькихъ частныхъ хищниковъ бѣдности государства насмѣхается; гдѣ умножившіяся секты испребляютъ вѣру; гдѣ плодороднѣйшія изъ всѣхъ временъ пороки производятъ, и повсюду новыя опрасли свои распроспраняютъ; однимъ словомъ, сей вѣкъ, въ которомъ мы видимъ множество золъ и пороковъ, единъ другому проотивныхъ, соединенныхъ между собою.

Я не выѣзжаю изъ деревни, въ которой привязанъ состояніемъ моимъ, и мало знаю оное обширнѣйшее и болѣе поврежденное пребываніе распушства, коего воздухомъ ты питаешься. Но и здѣсь, въ сей тишинѣ сельской, ничего я болѣе не вижу, какъ преступленія, повсюду взоры мои огорчающія. Есть ли такая деревня, гдѣ не воздержность не причиняла бы самоубійства, и не отсылала бы дерзостныхъ злодѣевъ сихъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ и здравіи скончати жизнь ихъ подъ мечемъ законовъ?

По-



Повсюду, любезный другъ, повсюду пороки и невѣрствіе, единъ другаго рождающъ и подкрѣпляютъ: нѣтъ почти такіа хижины, гдѣбъ не нашлося человѣка, повредившаго вѣру свою, подобно какъ не сыщется большаго дому, въ которомъ бы не было когонибудь отъ оныа оппавшаго.

Я знаю, что ты скажешь, что набожность должна втайнѣ въздыхать о неистовствахъ таковыхъ, и что ихъ должно истребляти молитвами и опровергати добродѣтелями нашими, а не рѣчами. Вѣдаю, что ежели христіанство въ единыхъ токмо писаніяхъ пребываетъ, а не находится во нравахъ нашихъ, тогда Христіанинъ и невѣрующій могутъ прекратить ссоры ихъ: Тиллотсонъ и Болингброкъ будутъ внутренно одинаго мнѣнія: споры ихъ будутъ происходить о единыхъ словахъ; что же касается до самаго существа споримыа вещи, то въ ономъ будутъ они только согласны, что вѣчность можетъ соединить ихъ въ едино жилище и обѣимъ одинакіа нещастія опредѣлити.

Однако же должность наша требуетъ и того, чтобы мы и говорили, и писали противъ непріятелей вѣры нашея, доколѣ дыханіе въ насъ пребудетъ. Мнѣ кажется, что действы имѣютъ сіе преимущество, употребляти такіа доказательства, которыа ужè болѣе тысячи разъ опровергнуты были. Се суть аки безпрестанно сами



себя повторяющія. А сіе - то и доказываетъ , что намѣреніе ихъ не то , чтобы искасть истинну , но распространяши ядъ заблужденій своихъ : старыхъ , или новыхъ , все сіе для нихъ равно. Они паки потъ ядъ употребляютъ , копорой ужè болѣе пвисящи разъ ими употреблемъ былъ : ужè ли для древности своей потеряетъ онъ всю жестокость свою , ужè ли менѣе дѣйствія имѣть онъ будетъ ?

Впрочемъ же новыя писатели имѣютъ и чипателей новыхъ. Новое сочиненіе можетъ впасть въ руки чистыя , и осквернить такія сердца , коихъ невинность избѣжала отъ сочиненій прежде бывшихъ : сей новой приѣмъ еще болѣе тѣхъ вредитъ будетъ , копорыя ужè и первымъ повреждены : естъ различные способы отпралять и приготолять пипіе ядовитое : кто не принялъ его подъ однимъ видомъ , потъ выпьетъ его подъ другимъ.

Не обманывай себя въ истинномъ намѣреніи , вооружающемъ невѣрующихъ пропиву вѣры. Возраженія ихъ не происходятъ отъ разума убѣжденнаго. Се - сущь лицемеры новаго рода , старающіеся сокрыть истинныя намѣренія свои , и копорыя желая сохраниши почтеніе общества , весьма искусно привлекаютъ вниманіе его совѣмъ на другій предметъ , дабы симъ образомъ воспрепятствовать ему видѣть то , что они сокрыть отъ него великую нужду

имѣютъ. Таинства, на которыхъ они воеваши кажутся, не суть истинные непріатели ихъ; онѣ не желаютъ испребитъ ихъ; ибо чрезъ сіе потеряютъ любезное оружіе свое, и порокъ, которымъ онѣ прикрываются. Нравоученіе священнаго писанія, вотъ истинный ихъ непріатель, котораго онѣ во внушенности душъ своихъ ненавидятъ. Сіи-то ученія, толико ихъ обезпокоивающія, хотятъ онѣ заимать, или уничтожить: се свѣтъ оныхъ, который досаденъ, и толико вредителенъ имъ. Всякой любящій нравоученіе сіе, не закоснѣетъ примириться съ таинствами. Но сердце ихъ отъ добродѣтели отвращившееся, яко самовластный владыка, повелѣваетъ разуму ему повинующемуся подкрѣпляти не справедливую ссору свою и единого себя за обиженного выдавати. Колико сожалѣю я о состояніи ихъ! онѣ суть деисты токмо въ рѣчахъ своихъ, а въ совѣсти Христіане, но въ сердцѣ своемъ суть Язычники: какое жалостное и ужасное смѣшеніе!

Отъ чего же происходитъ, что люди разумные получаютъ толикое отвращеніе отъ священнаго писанія, отъ сего монумента премудрости, которой по мѣрѣ прониціанія чипашелей возбуждаетъ удивленіе ихъ?

Уже ли отъ невѣжества сіе можетъ быть, естли сердце болѣе испорчено, нежели просвѣщенъ разумъ ихъ? Естли такія





мѣста въ священномъ писаніи, которыя токмо для благодѣльныхъ людей понятны суть. *Возрадуйся въ печали твоей*, есть одно изъ правилъ сихъ толико непонятныхъ для человѣка порочнаго, которой ни побужденія, ни силы не имѣетъ сохранить спокойствіе, и радоваться въ несчастіи своемъ. Конечно такъ, испорченные нравы непремѣнно влекутъ насъ къ невѣрствію. Напротивъ того добродѣтельная жизнь есть ключъ, и изъясненіе священнаго писанія. Кого не угрызаетъ совѣсть его, тому все въ писаніи семъ ясно. Равнымъ образомъ и сіе другое мѣсто священнаго писанія для порочнаго человѣка будетъ непонятно; *тайны Господа, свидомы токмо боящимся Его*. Не зная опытами истинну сію, ни малѣйшаго понятія объ оной имѣть онъ не можетъ; но благодѣтельный человѣкъ и понимаетъ и чувствуетъ оную. Священное писаніе уподобляется оному огненному столпу, которой предсѣдовалъ народу Божию, проходящему чрезъ пустыню: столпъ сей освѣщалъ Израелитянъ, а на Египтянъ ихъ пресѣдующихъ испускалъ мрачныя пары, которые ихъ ослѣпляли.

Ужѣ ли отъ тщеславія и сіе побужденіе имѣетъ впечатеніе свое на невѣрующихъ! Довольно краснорѣчія, но мало мудрости, такъ Салустъ описываетъ Капитулину. Характеръ сей приличествуетъ большей части великихъ умовъ сихъ. *Естьлибы*



бы не далъ имъ Богъ сего краснорѣчія и дарованія, которыя льстятъ ихъ надеждою блестятъ въ ученомъ свѣтѣ: то бы они легче избѣгнули сѣпей весьма ихъ прельщающихъ, и отъ которыхъ бы нѣсколько болѣе благоразумія, ихъ удалило: находяся подъ покровомъ разума ограниченнаго, сердце ихъ не было бы столько дерзко, а не подвергаяся опасностямъ пребыло бы невинно и добродѣтельно. Толико то опасно управляти перомъ безсмертнымъ!

Въ сердцѣ ихъ находится нѣкоторое чувство зависти, которое также въ поступкахъ ихъ участвуетъ. Какъ! зависть! но какимъ образомъ полагаши въ нихъ зависть ко Христіанамъ, на которыхъ они по видимому токмо съ жалостію взираютъ, и великодушно о заблужденіи ихъ сожалѣютъ? Человѣкъ не довольствуется желать покойнаго и тихаго счастья: желаніе сіе бываетъ сопряжено съ честолюбіемъ и завистію; съ трудомъ переноситъ онъ, что другой его счастливѣе; ибо сіе превосходство счастья предполагаетъ и превосходство мудрости и достоинствъ. Человѣкъ распутную жизнь провождающій, знаетъ, что добродѣтельный Христіанинъ его счастливѣе, ежели вѣра наша справедлива. И для того желаетъ онъ, чтобы она была не справедлива: онъ старается обрѣсти ее таковою; а Богъ опредѣляя его наказати, подаетъ ему успѣхъ въ стараніяхъ его.



его. Небо попускаетъ его вѣрять наконецъ и собственной лжи своей. Но не думай, чтобы миръ и спокойное убѣжденіе были всегда сопутственники безбожныхъ вѣры сія. Угрызающія сомнѣнія и ужасное предчувствіе отъ времени до времени колеблютъ усрашенную совѣсть ихъ. Тягость ужасныхъ угрызений, угнѣтающая оную, конечно бы ихъ низвергнула и погрузила въ пучину опчаянія, естълибы они въ такомъ случаѣ не призывали на помощь шумящую и шепчущую радость, которая паки не много ихъ воздымаетъ, и подаетъ силу плавати сверхъ угрызения и бездѣльства ихъ.

Вотъ пороки, которые раждаютъ невѣрствіе въ людяхъ письменныхъ. Другіе пороки производятъ его въ сердцахъ не свѣдущихъ и малоученыхъ простолюдиновъ: въ нихъ мысли не суть соперники чувствъ: грубыми и малосмысленными душами ихъ управляютъ единыя чувства; они совершаютъ ихъ чинить скотами, и оное слабое чувствованіе истинны, которое они имѣли; и оную слабую искру свѣта освѣщавшую разсужденіе ихъ совѣмъ истребляютъ.

По крайней мѣрѣ вѣра наша одолжена невѣрствію шѣмъ, что оно подало случай показать ей все превосходство и всю изящность свою. Послѣ таковыхъ сраженій истинна является гораздо яснѣе. Непрїятели  
оныя

онѣ служатъ ей гораздо лучше, нежели любящіе ее. Они оказываютъ ей явны услуги, за которыя она ни малѣйшею благодарностію не обязана! чѣмъ жесточе нападенія, и чѣмъ страшнѣе сила ихъ, тѣмъ блестящѣе торжество ея. Не должна ли она ощущать наивеличайшаго удовольствія, видя себя не уязвленною поелико умножающимися стрѣлами, пущенными на нее сильною рукою разума, и зря всѣ стрѣлы сіи испущенные, падающія вокругъ нее? Христіанство, подобно хорошему сдѣланному своду, сжимается и чинится тверже, подъ тягостію его угнѣтающею.

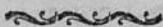
Однакоже не надлежитъ отчаяваться ни въ милосердіи небесъ, ни въ торжествѣ истинны. Невѣрующій сего дня, заутра можетъ учиниться щастливымъ ея невольникомъ и превратиться въ Христіанина. Съ какимъ восторгомъ цѣлуешь онъ тогда новыя свои цѣпи! Если слѣпорожденный, неслыхавшій никогда о солнцѣ и ношныхъ свѣпилахъ, вдругъ получитъ свѣтъ въ отверстыя очи свои: то удивленіе его не можетъ быть болѣе, какъ удивленіе чело- вѣка, въ разсужденіи вѣры пороками своими ослѣпленнаго, которой въ самую ту минуту, когда Богъ возвращаетъ зрѣніе его, зрѣтъ и объемлетъ оную непрерывную цѣпь чудесъ и истинны, которая проспирается отъ рожденія свѣта до самыхъ временъ нашихъ. Но до сего часа нещаст-



ный сей шествуетъ среди глубочайшаго мрака, безпрестанно заблуждается и обманывается; опасность почитаетъ онъ безопасностію, стыдъ славою, а несчастіе веселіемъ: и подобно слѣпцу Содомскому, безпокоится, суежится, и ошупью ищетъ врата, отверзающія путь къ щастію, но никогда ихъ найти не можеть.

Можетъ быть письмо сіе обвинять будущъ чрезмѣрною жестокостію. Но можно ли высѣчь искру огненную изъ кремня, не чиня крѣпкихъ ударовъ огнемъ? Подобно какъ вся природа наполнена огнемъ стихійнымъ, пребывающимъ въ нѣдрахъ вещества, которой токмо въ нѣкопрыхъ частяхъ шара нашего воспламеняется, такъ равнымъ образомъ есть и искры милости небесныя, которой невидимы, и безъ всякаго дѣйствія въ сердцахъ пороками ихъ незапушившихъ пребываютъ. Слабый выговоръ не въ состояніи будетъ возжечь ихъ. Сердцамъ ожесточеннымъ надлежитъ нанести наикрѣпчайшіе удары; колико же ихъ въ вѣкѣ нашемъ, въ семъ вѣкѣ, гдѣ невѣрствіе владычествуетъ!

Невѣрствіе и вѣра составляютъ ночь и день свѣта нравственнаго. Едина скрываетъ зрѣніе небесъ отъ мыслей нашихъ, а другая открываетъ его.



## II.

## ПИСЬМО II.

## О утѣхахъ.

Безпрестанная твои прозвѣбы и первое мое письмо обязуютъ меня писать о утѣхахъ. Но помышлялъ ли ты, сколь малая польза отъ трудовъ моихъ ожидашь я долженъ? Люди, коихъ пороки презираютъ взоры публики, могутъ ли изъ писанія моего научиться стыдиться въ сокрытій уединенія, или предъ собственною своею совѣстію? Развратность, заражающая любезное наше отечество, весьма чрезвычайна, однакожъ не нова. Изъ давнихъ временъ пишутъ уже о сей матеріи; вся она истощена какъ и всѣ прочія относящіяся ко нравоученію, и какъ бы кто ни старался избѣгнуть имени перепищика, однакожъ не возможно, чтобы не сказать уже сказаннаго. Но желанія твои суть мнѣ повелѣнія; а самое послушаніе мое послужитъ мнѣ во оправданіе.

Никто не будетъ спорить, чтобы любовь къ утѣхамъ не была корнемъ, отъ котораго рождаются всѣ пороки. Грабежъ, смертоубивство, клятвопреступленіе, суть произведенія оныя, но! дай Боже, чтобы произведенія сіи были самыя бѣдственнѣйшія! до какихъ глупостей не доводитъ насъ спросить къ утѣхамъ? Какое самовла-





спіе не употребляетъ она пропіву насъ? Сколь долго освѣщаетъ день, споль долго пускаетъ она смертоносныя свои стрѣлы на родъ человѣческій: преставшу дню, еще продолжаетъ она во мракѣ распросстраняти ядъ свой. Ношное свѣпило при пихомѣ своемѣ печеніи бываетъ свидѣтелемъ наибесмыднѣйшаго распустствія; а пробуждающаяся Аврора застаетъ насъ еще въ безпорядкѣ и въ пѣнствѣ неистовства. Я хотѣлъ было сказать, что бесмыдство глупостей нашихъ удивляетъ природу: но по чпо надувать слова мои и бѣдственную сію истинну описывать съ излишествомъ. Развратность наша ни примѣровъ, ни границъ не имѣетъ. Не одни черпоги знатныхъ и богатыхъ оскверняются; и самая хижина бѣдныхъ посрамлена онымъ; нищій, опѣ подаянія пропитаніе свое имѣющій, подъ рубищемъ своея бѣдности приноситъ ему жертву.

Справедливо сравниваютъ бытіе государства съ бытіемъ человѣка. То и другое имѣютъ свое рожденіе, успѣхи, здравіе, болѣзни, разстройку, и смерть. Иногда человѣки умираютъ, ударяемы скоропостижною апоплексією. Равнымъ образомъ и области разрушаются скорыми завоеваніями, обое въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ. Человѣкъ носитъ въ груди своей сокровенное начало смертности: а паденіе нѣкоторыхъ областей, происходитъ отъ

пороковъ, совокупленныхъ съ первоначальнымъ учрежденіемъ оныхъ. Однакожъ по большей части паденіе обоихъ сихъ причиняется своевольными и пріобрѣщенными болѣзнями. Но какая же національная болѣзнь можетъ быть смертоноснѣе, какъ ядъ сластолюбія, которой насъ заражаетъ? Сколько областей погибло отъ яда сего!

Естьли одинаковыя причины должны производить всегда одинаковыя дѣйствія, естьли уже постигнувшая насъ заразительная болѣзнь изнурила сердце и нѣжныя частицы наши, то не можемъ ли мы ясно чинить угрожающій жребій насъ въ нещастіи славнаго Тира, которой въ единое время и сокровищами и пороками въ нѣдрахъ своихъ избыпочествовалъ? Не можемъ ли мы сему граду толико великолѣпному, толико гордому, и въ нравахъ своихъ поврежденному, которой море называетъ владѣніемъ своимъ, и коего пороки болѣе волнующіеся, нежели воды онаго не признаютъ предѣловъ сдерживающихъ ихъ яко сихъ послѣднихъ, не можемъ ли мы, говорю я, обратишь на него ужасныя слова Пророка. „ Не сей ли есть оный гордый и процвѣтающій градъ, коего древность сокрывалась въ отдаленнѣйшихъ сполѣтіяхъ, коего купцы были подобны Царямъ, который со всѣхъ рѣкъ собиралъ сокровища свои, и коего поржище



„ составляло магазейны всего свѣта? Не  
 „ сей ли Царь градовъ всѣхъ, которъ со  
 „ престола могущества своего, на кото-  
 „ ромъ онъ находился, простирая стра-  
 „ шныя свои длани, еще издали потря-  
 „ салъ земными царствами? Упалъ онъ  
 „ среди гордости своей: единое уже без-  
 „ образное собраніе развалинъ днесъ онъ намъ  
 „ являетъ: небо изліяло на него гнѣвъ свой,  
 „ и въ единую минуту все сіяніе славы его  
 „ погасило. „ Если жребій царствъ нахо-  
 „ дится во власти существа безпристра-  
 „ стнаго и правосуднаго, то какъ же мо-  
 „ жемъ мы пребывать въ безопасности;  
 „ если же не чувствуемъ никакія боязни,  
 „ да устрашаетъ насъ самое спокойствіе сіе:  
 „ оно вѣщаетъ намъ, что мы угрожаемся  
 „ опасностію: небо ослѣпляетъ народы, ко-  
 „ торыхъ погубитъ оно намѣрено. Она  
 „ блестящая вѣщность чрезвычайныхъ роско-  
 „ ши и всеобщаго веселія, суть въ единое  
 „ время и знаки и причины паденія оныхъ.  
 „ Не единъ *Вавилонъ* испребился среди  
 „ радости пиршествъ. Болѣе нежели одинъ  
 „ народъ погрузился въ гибельную пропасль  
 „ въ самую ту минуту, когда онъ мнилъ  
 „ быши себя на верьху благополучія; величай-  
 „ шая слава предшествовала минутъ паде-  
 „ нія его, подобно какъ сгарающій огонь, вы-  
 „ брасываетъ величайшее пламя въ то вре-  
 „ мя, когда огонь погасаетъ.

Утѣхи суть нѣкоторымъ образомъ вреднѣе, нежели открытые пороки. Сіи послѣднія возмущаютъ сами собою, и причиняютъ отвращеніе. Они ужасаютъ совѣсть, которая, взирая на нихъ, содрогается. Она почитаетъ ихъ своими злодѣями, и для того остерегается ихъ. Но утѣхи предлагаютъ намъ первоначально единныя прелести невинныя, и пользуясь обманчивою внѣшностію оныхъ, вливаютъ въ душу нашу сладкій ядъ, который ее упоетъ и чинитъ подобною скопской: совѣсть закрываетъ очи свои, и засыпаетъ въ объятіяхъ сластолюбія. Она привыкаетъ къ пороку, которой скрывается отъ нея подъ личиною. Тогда только познаетъ она неприятеля своего, какъ уже побѣждена имъ бываетъ: въ сіе время должно ему повиноваться; но при томъ и самой съ собою помириться. Дабы усмирить свою совѣсть, и отогнать раскаяніе, человекъ ищетъ извиненія, и нечувствительно предается сомнѣніямъ о существованіи должностей своихъ и о истиннѣ вѣры: и такъ вопреку собственныя воли своея, (да позволятъ мнѣ выраженіе сіе) и защищая тѣло свое, человекъ чинится не вѣрнымъ.

Знатное рожденіе, воспитаніе, и богатства суть благи достойныя желанія; но не обузданная любовь къ утѣхамъ, упопребляя во зло невинныя дарованія сіи, унижаетъ ихъ и повреждаетъ: безчинство дѣла-



лаешъ благородство подлѣе нежели самое низкое рожденіе, знаніе бѣдственнѣе нежели невѣжество, а богатство вѣщимъ несчастіемъ, нежели бѣдность и нужды онаго.

Распутствіе избираешъ Ироевъ своихъ покровителей между знатными и богатыми. Се суть *Курци* новаго рода: онѣ бросающся въ пучину не для избавленія отечества своего, но чобы упадая и согражданъ своихъ купно съ собою низвергнувъ.

Пороки людей чиновныхъ не остающся при нихъ единыхъ. Они спремются изъ предѣловъ бытія ихъ; ядъ примѣра ихъ низходитъ яко язва, и упадаешъ на нижнія состоянія общества, которыя, побѣждены сіяніемъ и властію первыхъ, порпящся столько же изъ послушанія, какъ и по собственной своей склонности. Провинціальныя грады и деревни собираютъ пороки, посѣянные Дворомъ и столицею. Знатные люди, когда онѣ бывають порочны, суть сильнѣйшія орудія зла: подобно разорванной бомбѣ, сокрушають онѣ все, что вокругъ ихъ ни находится. Кто можетъ исчислить зловредныя дѣйствія сладострастія?

Изъ нѣдръ сластолюбія воздымаются пары, помрачающіе зрѣніе разума: нечистыя пары, окружающіе душу, повреждають и вкусъ и способности оныя. Мы не чувствительно забываемъ, что добродѣтель есть здравіе душевное, что всѣ оныя глупыя

пыя забавы, которыя ищемъ мы въ насъ, суть лекарства сердецъ немощствующихъ; что собранія, балы и шумныя веселія свѣта сего представляющъ намъ по-лико же больницъ, въ которыхъ сохраняются утѣшительныя и облеглающія лекарства, развѣ токмо для больныхъ душъ полезныя, но въ коихъ душа здравая никакія нужды не имѣетъ; вкусъ, который находятъ въ нихъ человеки чувственные и испорченныя, есть знакъ, что органы душъ ихъ вредомъ, что злодѣйство произвело во всемъ сложеніи ихъ, совершенно разстроены.

Признаюсь, что въ толико пространномъ полѣ распушества и безсилія могутъ сыскапьяся и такія забавы ложныя, или радости принужденныя, которыя возбуждаютъ въ насъ къ себѣ почтеніе, и изда-лека имѣютъ блескъ и видъ важный; но они уважаютъ, сколь скоро ими наслаждапьяся. Ты не найдешь сладости и твердости какъ токмо въ пѣхъ утѣхахъ, которыя распушъ на добродѣтели подъ покровомъ вѣры. Всѣ прочія не суть естественныя произведенія сердца человеческого: ихъ можно уподобить дикимъ плодамъ, не вкуснымъ; произведеннымъ искусствомъ и деньгами, которымъ испорченное воображеніе придаетъ вкусъ самопроизвольной, но которыя однакожъ не имѣя ни соковъ, ни зрѣлости, составляютъ пишу тяжелую





и сырую, которая отягощаетъ и убиваетъ чувства наши.

Тщешно мучится человекъ изобрѣсти поддѣланныя ушѣхи, инаковы, нежели шѣ, коихъ сѣмена посѣялъ самъ Творецъ нашъ; столько же справедливо можетъ онъ требовать шворить молнію и громъ, какъ и собственною своею силою произвестъ истинную ушѣху, опмѣнную отъ произведенныхъ природою. Мы можемъ успѣть въ произведеніи радости ложныя и суешныя, которая не испекаетъ изъ сердца, а есть единое волненіе крови и жизненныхъ соковъ, и которая разливается съ шумомъ, гдѣ сердце наше ни мало не чувствуетъ: но никогда не возможно намъ произвестъ оною тихое и сладостное веселіе, въ которомъ участвуетъ душа наша, и которая едина въ состояніи человека учинить щасливымъ. Что касается до меня, я не нахожу во всей природѣ печальнѣйшаго предмета, какъ глупая радость безумца, не чувствующаго ни опасности своей, ни болѣзни, и которой веселится поспѣшая бѣдствію своему.

Сія бѣшенная любовь къ ушѣхамъ приводитъ насъ къ чуднымъ противорѣчіямъ. Мы желаемъ безпрестанно наслаждаться, и безпрестанно веселиться. Мы не хотимъ вѣрять, что весьма великія проважденія времени столько же насъ отягощаютъ, какъ и самые долговременные труды. Че-  
ло-



ловѣкъ, который съ ряду шесть дней носитъ бремя прудовъ, по крайней мѣрѣ слагаетъ его въ седьмой, и хотя единъ день въ недѣлѣ покоится. Но невольникъ утѣхъ не знаетъ отдохновенія, и не полагаетъ между глупостями своими разстановки. Запыхался, опягчаемъ прудами и безсонницею, удручаемъ отвращеніемъ и скукою, но при всемъ томъ желаетъ еще забавляться. О! коль мучительна спрасть сія: умъ, разумокъ, премудрость, совѣсть, щастіе, честь, семейство, себя самаго: однимъ словомъ, все должно принести ей въ жертву; денно и ношно надлежитъ на жертвенникахъ ея содержать огонь не угасаемый. Да что же препятствуетъ намъ распоргнуть узы сіи, и освободиться изъ ужаснаго сего невольничества? Ахъ! надлежитъ усыпить сокровенныя наши мученія: весьма огорченная совѣсть никогда не прельщаетъ: горе намъ, когда осторожный сей и всегда въ дѣйствіи находящійся непріятель обрѣтаетъ насъ наединѣ: надлежитъ намъ убѣгать самихъ себя; бросаться въ шумныя толпы общества: по крайней мѣрѣ въ толпахъ сихъ забываемся, возвышаемся, и другъ друга носимъ, подобно какъ несчастные мореходцы во время кораблекрушеній сцѣпляются, сжимаютъ крѣпко единъ другаго.

Но сколь же мало тѣ знаютъ свѣтъ, въ которомъ мы живемъ, которые та-  
кимъ



кимъ образомъ изъ чаши сластолюбія стараются напиться забвенія злодѣйствъ и угрызенія совѣсти! Ахъ, сколь пріятнѣйшимъ они его представляютъ, нежели тѣ, которые лучше на него взирають умбюють! Кто смѣется при погребеніи друга своего, или возлѣ его гробницы, тотъ не болѣе чинитъ неблагоприсойности, и поступаетъ проотивно природѣ, какъ тотъ, который въ свѣтѣ семъ являетъ безпрестанно торжествующую радость. Какой человекъ, ежели токмо сердце его не сотворено изъ кремня, возможетъ исчислить безчисленные спраданія души и тѣла, видѣть ужасъ умноженныхъ путей, кончающихся при гробѣ, и страшный входъ отверзающій оный, не почувствуя себя пронзенна глубокою и не утѣшною печалію, и не испустя тяжкаго и болѣзненнаго вздоха, о жребіи рода человѣческаго? Нѣтъ, единая токмо надежда будущія жизни возможетъ прекратитъ теченіе слезъ его.

Сии легкомысленные человѣки кажутся думать, что міръ сей есть единая игрушка творенія нашего; однакожъ нѣтъ въ ономъ ни единаго несѣкомаго, которое бы не открывало намъ безконечныя его премудрости и нѣкоторыхъ намѣреній какъ въ назначеніи, такъ и въ сложеніи тѣла своего. — „Ахъ! друзья мой, какъ можемъ мы забавляться и смѣяться, когда все насъ окружающее имбепѣ видѣ важный. Богъ, котораго упружда-

„ждаемъ мы терпѣніе, есть важенъ. Иисусъ  
 „Христосъ, пролившій за насъ кровь свою,  
 „есть важенъ: Духъ Святой, борющійся  
 „безпрестанно съ упрямствомъ сердецъ  
 „нашихъ, есть важенъ. Священное писаніе  
 „исполнено вещами наиважнѣйшими; святыя  
 „таинства предлагають очамъ нашимъ пред-  
 „меты самыя важнѣйшіе: все, что есть  
 „въ небѣ, и въ адѣ, все исполнено важно-  
 „сти . . . . Какъ же можемъ мы забавля-  
 „ться и смѣяться? Ты подумаешь, мо-  
 „жетъ быть, что краснорѣчивое сіе описа-  
 „ніе происходитъ отъ меня, и что оно  
 „есть единое восклицаніе священника: нѣтъ,  
 „ты обманываешься; вѣдай, что сочинитель  
 „онаго былъ знатнѣйшій придворный, како-  
 „вымъ токмо Англія хвалиться можетъ.



### ПИСЬМО III.

#### О утѣхахъ.

**Я** уже сказалъ въ послѣднемъ письмѣ мо-  
 емъ, что сластолюбцы имѣютъ нѣкій  
 родъ веселія, подобно какъ и добродѣтель-  
 ные люди свой родъ веселія имѣютъ. Но  
 сколь же онѣ между собою различны! одно  
 изъ нихъ оставляетъ всегда нѣкоторую не-  
 чистоту въ душѣ нашей. Разсмотри вну-  
 тренность сердца твоего, ты увидишь,  
 что чувствованія веселія, раждающіяся въ  
 Часть VII. И немъ



немъ земными благами, исполнены волненія и безпокойства, яко оныя жидкія вещества, коихъ всѣ частицы мушяпся и мѣшаюпся въ безпорядкѣ, доколѣ происходитъ брожденіе въ веществѣ ономъ, и оно совершенно не закиснетъ. Веселіе сластолюбца есть спрасъ принимаемая слово сіе во всей оного силѣ: душа его толико же страдаетъ, какъ и наслаждается. Но веселіе человѣка добродѣтельнаго есть сладостное спокойствіе происходящее отъ чувствованія добродѣтели, и сохраняемое восхипительною надеждою блаженнаго безсмертія. Веселіе сіе есть радость небесная, спокойная, сладостная, яко прохладная пишина хорошаго лѣшняго вѣчера. Она есть нѣкій родъ божественнаго вдохновенія, сладостное и сильное впечатеніе, возносящее насъ превыше слабости человѣческой, и которое услаждаетъ чувствіе болѣзней нашихъ. Весьма справедливо священное писаніе называетъ его миръ Божій.

Я думаю, да и многіе прежде меня еще такъ мыслили, что, не взирая на премѣны, происходящія въ существахъ разумныхъ, въ различныя времени бытія ихъ какъ въ сей, такъ и въ будущей жизнихъ, высочайшее щастіе ихъ или нещастіе, принадлежатъ къ единому и самому тому же роду, хотя въ различныхъ случаяхъ и примѣчается между нами безконечное разстояніе. Я думаю, что небо или адъ

человѣка, не ожидаютъ его смерти для начатія дѣйствія своего: повсюду бывають они, гдѣ находятся пороки и добродѣтель. Я не признаю въ родѣ человѣческомъ кромѣ единого вѣчнаго раздѣленія, два суть отдѣленія какъ въ семѣ, такъ и будущемъ свѣтѣ; добродѣтельные люди суть щастливы, а порочные нещастливы.

Когда добродѣтельный человѣкъ идетъ покоиться, безъ страха восходитъ онъ на одръ свой, и предается сну, не опасаяся, чтобы страхи ношныя нарушили пріятность онаго. Поутру, когда онъ пробуждается, первая мысль его восходитъ на небо, и такимъ образомъ освящаетъ онъ начатый день; онъ востаетъ покоенъ и веселъ, увѣренъ во щастіи своемъ, и провоздастъ мирное печеніе дня сего съ бодростію и веселіемъ. Чего будетъ онъ спрашиваться отъ бурей жизни сея? Душа его покоится на не поколебимой груди Всевѣчнаго; а естли и увеличится буря сія: то ничего худаго приключится ему не можетъ, развѣ то, что волны, поглощающія прочихъ человѣковъ, принесутъ его скорѣе на брегъ, гдѣ вѣчное спокойствіе его ожидаетъ.

Для человѣка добродѣтельнаго случайныя утѣхи, доставленныя сею жизнію, суть истинное излишество, ни мало не усугубляющее блаженство его. Онъ дѣйствуютъ, такъ сказать, шокмо почти на





нечувствительныя крайности существа его. Чувствительность его пребываетъ въ единомъ сердцѣ; тамъ-то находится средоточіе истиннаго блаженства. Наижесточайшія нещастія причиняютъ ему токмо легкіе удары, которые ни мало блаженства его нарушить не могутъ. Сія сладостная веселость пребываетъ съ нимъ по самую смерть его: но что касается до человѣка порочнаго, которой признаетъ единя токмо утѣхи земныя, то и самый лучшій изъ дней его покрывается мрачными облаками. Наималѣйшее прошивное приключеніе рушитъ и уничтожаетъ ничего незначущее благополучіе его.

Заклучивъ всѣ страхи и надежды наши въ узкіе предѣлы жизни сея, не сами ли мы спроси наши прошиву себя вооружаемъ? И не чинятся ли тѣ въ разсужденіи насъ полубогами, которыхъ щастіе надъ нами возвысило, и кои сучь раздаятели всѣхъ благъ, въ коихъ полагаемъ мы благополучіе наше? Мы препешемъ предъ ними, измѣняемся въ лицѣ, сколь скоро слышимъ ихъ угрожающихъ намъ отказомъ; все бытіе наше находится въ рукахъ ихъ; мы живемъ отъ ихъ благости: гнѣвъ ихъ насъ умерщвляетъ. Но сколь скоро мы во всей вселенной кромѣ единого Бога, инаго покровителя признавать не будемъ, и всѣ наши упованія ограничимъ его обѣщаніями, тогда не будемъ мы имѣть владыкъ

дыкѢ въ другихѢ человѢкахѢ, и самимѢ ЦарямѢ учинимся равными. ИмѢя безпрестанно въ глазахѢ нашихѢ несчастныя приключенія, представляемыя въ драммѢ жизни сея, восчувствуемѢ равенство наше со всѢми гордыми комедіантами, которые на позорищѢ семѢ играютѢ роли владыкѢ: не удивятѢ ужѢ насѢ лица ихѢ, принятыя шокмо на нѢсколько часовѢ. Мы ожидаемѢ ихѢ въ ту мину, въ которую должны ступить они, сложивѢ шапальное свое украшеніе, облещися въ пламенную ризу горячки, и съ позорища онаго прейти на одрѢ спраданія и ужаса.

ВотѢ неминуемый конецѢ, подлежащій всѢмѢ щастливцамѢ и весельчакамѢ, которые ругаются нами, или насѢ утѢсняютѢ. Не дерзаютѢ ли они и честными человѢками называться? Но въ чемѢ же состоитѢ честь сія, которою они толико украшаются? Они полагаютѢ оную въ презрѢніи малыхѢ пороковѢ, чтобы чинить величайшія преступленія. Честь ихѢ состоитѢ въ томѢ, чтобы почитать себя оскорбленными отѢ единого слова, или взора, наказывать самыя мысли свои, и чтобы насыпить свое мщеніе, наисвященнѢйшіе законы вѢры, правосудія и человѢчества, безѢ всякаго угрызенія совѢсти повергати къ ногамѢ своимѢ. Есть надежное средство познавать и судить внутренность сердецѢ человѢковѢ сихѢ, испор-



ченнаго земнымъ величествомъ, и любовію къ симъ ничего не значущимъ благамъ, по есть: разсмотрѣнь, какая была бы ихъ молитва возсылаемая къ Богу, естлибы они когда нибудь молились. Молитва бо есть изъявленіе истинныхъ желаній сердца нашего существу гораздо насъ сильнѣйшему.

Одинъ изъ учениковъ *Іюлія Римлянина* написалъ полико совершенную копию одной изъ картинъ его, что и самъ учитель божился, что это былъ подлинникъ. Изображеніе душъ ихъ, которое намѣренъ я здѣсь представить, будетъ столь имъ сходно, что они подумаютъ, будто сами говорятъ моими устами: да не вознегодуютъ ушеса добродѣтельные отъ мыслей происходящихъ въ сердца безбожника.

Молитва человека распутнаго.

О Ты, коего всемогущество есть не что иное, какъ способность, пекущаяся безпрестанно о доставленіи Тебѣ новыхъ утѣхъ; въ семъ только достоинствѣ, и яко всеобщій источникъ всѣхъ веселій, признаю я Тебя Богомъ, и возсылаю Тебѣ моленіе мое. Утѣхи суть единый конецъ набоженства моего: да послужишь молитва сія ко усугубленію моего веселія. Не чувствую я честолюбія: владѣй спокойно небеснымъ Твоимъ жилищемъ; не прошу я у Тебя онаго, по крайней мѣрѣ въ сіе время: даждь мнѣ небо мое на сей землѣ: тогда всѣ мои желанія исполнятся.

Удѣли мнѣ участокъ моего благополучія по сию страну гроба, и наслади меня здѣсь Магомешовымъ раемъ. Покрой глубокимъ мракомъ мысли мои и злодѣйства, да сіяетъ поверхность чести и добродѣтели; да обманываетъ она и ослѣпляетъ очи человѣковъ, да ни едино существо, кромѣ Тебя единого, не взираетъ во внутренность моего сѣрдца. Да царствуетъ долговременно одно шокмо сластолюбіе надо всѣми чувствами моими: запрети вѣрѣ приближаться душѣ моей, а угрызенію совѣсти нарушати мое блаженство. Да прельщаютъ меня всякія злодѣянія, даждь шокмо силу предалися чрезвычайностямъ оныхъ безъ всякія воздержности. Удали отъ меня всѣ болѣзни, могущія воспрепятствовать утѣхамъ моимъ, или уменьшить сладость оныхъ. Да продолжаю я быти тѣмъ, что я есмь, по есть, скопомъ во всю жизнь мою; а по смерти моей да учинюся вѣ едино мгновеніе Ангеломъ, естли шокмо справедливо то, что существуютъ Ангели.

Симъ мерзкимъ и злодѣйскимъ желаніямъ противоположимъ моленіе сѣрдца прозвеннаго раскаяніемъ, и добродѣтели возвращеннаго

Чувствованія человѣка, удалившагося отъ пороковъ, и отъ міра сего.

Никогда, нѣтъ, никогда не престану я благословити Бога Благодѣтеля, вдохнувшего мнѣ намѣреніе удалиться вѣ убѣжи-



ще сіе. О сколь необходимо было мнѣ убѣ-  
жище сіе! О сколь щастливымъ я чувствую  
себя въ ономъ! наконецъ обрѣлъ я мѣсто  
пишины и мира, гдѣ могу слышати гласъ  
небесъ, который безпрестанно говоритъ сер-  
дцу человека, и естли онъ желаетъ слыша-  
ти его во внутренности души своей: то за-  
всегда отъ него сіе зависитъ. Здѣсь-то могу  
я бесѣдовать съ совѣстію моею, которая  
гласомъ исполненнымъ безпокойства и спра-  
ха, толико разъ просила меня нѣсколько  
часовъ съ нею побесѣдовать, въ чемъ одна-  
кожъ я всегда ей отказывалъ. Скучный и  
шумный свѣтъ не прерветъ уже здѣсь  
нашихъ разговоровъ, и не принудитъ от-  
лагать ихъ день за день, не взирая на со-  
пропивленіе и прозбы повуждающія въ-  
чности.

Сколь долго свѣтъ сей шумитъ въ  
ушахъ нашихъ, и сколь долго зрѣніе по-  
мрачается волнами праха, воздымающими-  
ся отъ шумнаго его волненія, столь долго  
не возможемъ мы слышати слабаго стена-  
нія совѣсти, ни читати наставленія разума,  
которыя въ душѣ тихой и чистой столь  
явственными буквами начертаны. Днесь,  
когда уже могу я и различать и читать  
оныя, ужасаюсь я отъ того, что въ про-  
шедшія времена величайшею радостію ме-  
ня восхищало, и спыжуся чѣмъ прежде  
гордился. О утѣхи, утѣхи, сколь смер-  
тоносны вы для разсужденія!

Теперь, когда не много разверзлося мрачное облако покрывающее меня ношю, воспользуйся, о душе моя! симъ лучемъ ясности; воззри вокругъ себя, скажи мнѣ гдѣ я, и что я. Вокругъ меня безконечное пространство; предо мною вѣчность! упѣхи мои, суть пустая тѣнь; а жизнь, яко пары легкіе! не ужѣ ли тѣнь или парѣ займутъ пространство всея души моя? Пребудутъ ли онѣ единственною цѣлюю склонностей моихъ и мыслей? Реку ли я Ангелу, котораго для охраненія меня небеса мнѣ опредѣлили, чтобы ожидалъ онѣ меня, доколѣ пожелаю я за нимъ слѣдовать: скажу ли Отцу Ангеловъ, ожидать меня до будущаго дня? Что будетъ со мною, о душе моя! естли сего дня воззоветъ Онѣ меня въ послѣдній разъ, что естли оный предыдущій день, сохранитъ онѣ тѣшину вѣчную, и оставитъ меня саму мнѣ: о душе моя! какую надежду имѣть я тогда буду! какой будетъ жребій мой!

О коль несчастна минута, въ которую Творецъ нашъ разгнѣванъ сопротивленіемъ чловѣка, отыменъ отъ него съ презрѣніемъ свою руку, и предастъ его самому себѣ! несчастный мыслитъ, что онѣ избавился изъ узъ своихъ; не чувствуя болѣе ни безпокойства; ни принужденія, предается онѣ своему безумію, и радуется о вольности своей. Безумецъ не чувствуетъ опасности бѣдственныхъ сія независимости:





не чувствуетъ онъ, что, сколь скоро оставитъ его рука Божія, поддерживающая его надъ пропастію, столь скоро упадетъ онъ въ оную!

Изъ глубины сея по пропастни взываю я къ Тебѣ, о Боже мой всесильный: услыши гласъ мой, уничтожь прелести, прилѣпляющія мя къ ничего незначущимъ и грѣшнымъ веселіямъ, даждь мнѣ силу воспариши ко свѣту, и достигнути блага Тобою мнѣ назначеннаго! милосердіе Твое объемлетъ все твореніе: — Но увы! нѣсмь уже болѣе твореніе Твое: какъ возможно познать во мнѣ чловѣка, Тобою сотвореннаго? Гдѣ оное сердце, Тобою мнѣ данное? Днесь во мнѣ находящееся, служитъ мерзкимъ убѣжищемъ всѣмъ порокамъ. Нѣтъ, сіе испорченное сердце не произошло изъ рукъ Твоихъ.

Нешастный! я почиталъ нечувствительное мое сердце спокойною совѣстію; великое число преступниковъ служило мнѣ оправданіемъ въ преступленіяхъ моихъ; я думалъ, что испорченныя обыкновенія свѣта исключали законы Твои, для того что Ты щедръ, былъ не благодаренъ: я обижалъ Тебя, получая благодаренія Твои, которыми Ты осыпалъ меня: возставалъ проптиву Тебя при малѣйшихъ болѣзняхъ, смѣялся угрозамъ Твоимъ, а гнѣвомъ Твоимъ забавлялся.



Я учился несправедливости, яко нау-  
къ: поспавлялъ въ славу, естли могъ пер-  
венствовать въ преступленіяхъ: стыдился  
должностей моихъ: претепалъ отъ воз-  
ровъ подлаго смертнаго; а предъ Твоими  
являлъ чело безстыдное: время данное мнѣ  
Тобою для раскаянія провелъ я въ глупо-  
спяхъ. Я грѣшилъ свыше силъ моихъ:  
преступленія мои многочисленнѣе сущь, не-  
жели мои дѣянія. Колико злодѣйствъ хо-  
шѣлъ учинить, но благость Твоя отня-  
ла силу и случай исполнишь ихъ! я испре-  
билъ память Твою изъ моего сѣрдца: по-  
пралъ ногами моими святыя Твои законы.  
Великій Боже! Ты вѣдаешь, все Тебѣ извѣ-  
стно . . . . . а я еще живу! Ты видѣлъ  
все, и пребылъ спокоенъ: не терпѣливая  
рука Твоя простиралась ужѣ для нанесе-  
нія мнѣ удара, но Ты паки удержалъ оную.

О! сколь долговременно и преудиви-  
тельно терпѣніе Твое! я предводитель-  
ствовалъ Твоими непріятелями: нападалъ  
на Тебя покрытъ злодѣями: яко дождь  
лестѣли мстительныя стрѣлы Твои на со-  
грѣшниковъ моихъ, но я пребылъ пощаженъ  
Тобою. Товарищей моихъ зрѣлъ я вокругъ  
меня упадающихъ; я видѣлъ ужасное ихъ  
паденіе, и въ ту же минуту спѣшилъ ис-  
пребить память ихъ, погружался въ сла-  
сполюбіи. Я порицалъ поведеніе ихъ, но  
не претпавалъ шествовати по стезямъ ихъ:  
болѣзновалъ о бѣдствіи ихъ, но ускорялъ



собственнымъ своимъ. Ты меня щадилъ, и для того почиталъ я себя безсмертнымъ. . . . О раскаяніе! учинися равнымъ злодѣяніямъ моимъ.

Раскаяніе коснулося души моей. . . . Но сколь еще оно слабо: сколь скупы ко слезамъ очи мои! о сколь жестоко сердце мое! Ахъ! почто достигъ въ жизни моей сего времени, гдѣ сердце охладѣло, и гдѣ иссохлъ источникъ слезъ моихъ! гдѣ она чувствительность, гдѣ она нѣжность юнаго моего сердца? Увы! оставляютъ онѣ насъ при концѣ лѣтъ нашихъ. Великій Боже! рази, раздробляй жестокое сердце сіе, уничтожь его. О! Боже великій, умилосердися надо мною: избавь меня отъ собственныхъ яроспи моя: естъли я виновенъ, Ты знаешь прощати: не всегда ли Ты яко Опець мнѣ являешься? Не чадо ли я Твое? Не есмь ли дѣло рукъ Твоихъ? Не презри его: не истреби его; мщеніе Тебѣ пропивно: не истребленіе, но избавленіе бываетъ Тебѣ угодно.

Но естъли простишь меня, по кого же Ты накажешь? Ахъ! не оскорбляйся, естъли слабый мой разумъ меня заблуждаетъ. Въ самомъ Твоемъ величествѣ полагаю я прибѣжище мое и упованіе. Что бо есмь я? Бренное смѣшеніе мерзости и слабости, солнечная пылинка, несѣкомое, которое живетъ единое утро, не видя никогда вѣчера, лехкій паръ, дуновеніе, пускающая

спая пѣнь сѣнящая между неизвѣстностію и страхомъ, и попомъ исчезающая.

Не ужѣ ли всемогущую сію десницу, которая единымъ прикосновеніемъ можетъ истребить всю вселенную, не ужѣ ли употребишь Ты оную противу существа по-лико брэннаго! Ахъ! великость Твоя защищаетъ меня противу Тебя. Естьли недостоинъ я милосердія Твоего, то и гнѣва Твоего недостоинъ. Не ужѣ ли позабудешь Ты, что я есмь единый прахъ? Во истинну вспомняешь Ты о славѣ своей. Не Ты ли Богъ всѣмъ прощающій, который созидаетъ для щастія, а наказуетъ для сохраненія? О Ты! который развишь дуновеніемъ Твоимъ: Ты, который шествуешь на буряхъ! о Ты! коего величественное чело воздымается прѣвыше небесъ, и коего стопы касаются бездны, услыши униженный гласъ мой, виждь сіе сердце раздираемое, зри прѣпещь и вопль раскаянія моего... О душе моя! Онъ услышалъ гласъ нашъ!



#### ПИСЬМО IV.

О у т ѣ х а х ъ.

*Въ отпѣтъ на нѣкоторое письмо, полученное сочинителемъ.*

Нещастіе, описуемое въ письмѣ швомъ, нарушаетъ мою радость, которую чувствовалъ я при полученіи онаго. Прибли-  
же.



женіе смерти самаго добродѣтельнаѣшаго  
человѣка всегда насѣ ужасаетъ, и обыкно-  
венно оставляетъ въ душѣ нашей нѣкопое  
движеніе страха. Весьма сожалѣтель-  
но мнѣ слышатъ отъ тебя, что спрѣла,  
упоенная ядомъ, которую оставили упѣ-  
хи въ груди твоего друга, терзаетъ его  
сѣ поликою жестокостію, и споль спре-  
мительно сокращаетъ дни его . . . . О Боже!  
сколь естественно намѣ воспоминаши о  
себѣ, и прилѣпляши къ небесамъ, сколь  
скоро міръ сей подѣ ногами нашими разру-  
шается! я не могу помыслишь о бѣдспвен-  
номъ положеніи друга твоего, ни о смерти  
молодаго человѣка, коего конецъ видѣлъ я  
собспвенными моими глазами, чптобы не  
почувствоватъ въ себѣ желанія распроспра-  
нитъ еще разсужденія мои о упѣхахъ, ко-  
порыя споль дѣроги роду человѣческому  
чиняпся.

Еспьли болѣзнь и слабости являющся  
намѣ каждый день на сосѣдахъ, или друзь-  
яхъ нашихъ: еспьли смерть посылая сихъ  
предшеспвенниковъ не преспаетъ насѣ увѣ-  
домляши, чпто она скоро будетъ у насѣ:  
еспьли когда ужѣ она придетъ, весь родъ  
человѣческій до сего времени въ разсужде-  
ніи мнѣнній его и корыстей полико раздѣ-  
ленный, соединяетъ весь вкупѣ, и одина-  
кое мнѣніе и одинакое желаніе являетъ:  
еспьли наслажденіе сластполюбіемъ ускоря-  
етъ пришеспвіемъ оныя, умножаетъ ужасъ



и слѣдствія оныя увеличиваютъ: естли  
 изо всѣхъ происшествій единая смерть  
 есть непремѣнна: то и добродѣтель изо  
 всѣхъ веселій, которыя токмо на сей зем-  
 лѣ вкушать мы можемъ, есть едина не-  
 премѣнна, едина изо всѣхъ благъ жизни  
 сея неистребима; а милосердіе высочай-  
 шаго Существа единая вещь важная для  
 человѣка: естли не многого спобитъ полу-  
 чить милосердіе сіе, естли по распоченіи  
 безумнымъ образомъ дней и трудовъ на-  
 шихъ нѣкоторыя оспатки оныхъ кста-  
 шѣ собранныя, и упохребленные ко  
 благу, достаточны для доставленія намъ  
 милосердія онаго: естли жребій опредѣлен-  
 ный смертію долженъ пребыть во вѣки:  
 естли жизнь сія въ сравненіи съ вѣчностію  
 есть токмо единая минута, а вѣчность  
 принадлежитъ намъ толико же непремѣнно  
 какъ и настоящій часъ: естли справедли-  
 во, что любящій съ чрезвычайностію  
 настоящую минуточку, или полагающійся съ  
 высокоуміемъ на предвѣдущее мгновение,  
 неопмѣнно не знаетъ бренности сея жи-  
 зни, или не вѣритъ бытію другія жизни:  
 естли всѣ сіи истинны свѣтлы толико  
 же какъ дневный свѣтъ: то коль же ща-  
 спливъ тошѣ, который, подобно токмо  
 другу, еще во время возвратился на путь  
 добродѣтели, а не подражалъ оному неща-  
 спливому человѣку, о которомъ я съ то-  
 бою говоритъ намъ брѣнъ. Сонъ сего юноши  
 про-





продолжался едва ли не во всю жизнь его; разсудокъ его началъ раждалися въ самый потмъ день, въ который скончалъ онъ житіе свое.

Человѣки не исправляются: сколь долго провидѣніе оставляетъ въ ихъ власти узду страстей ихъ, столь долго стремясь они слѣпо въ пороки, они сами ихъ ищутъ, не ожидая, чтобы пороки ихъ опомъ просили. Но когда Богъ повлечетъ ихъ на одръ смертный, и приведетъ въ сожалѣнія достойное состояніе несчастнаго своего друга, тогда тѣло, раздираемое ударами болѣзни, начнетъ изгонять изъ нѣдръ своихъ душу, которая сопротивляется, прилѣпляется еще къ оному, и ужасается оставить его для прешествія въ жилище гораздо сего страшнѣйшее; ахъ, какая тогда премѣна! мысль сія изображаетъ мнѣ послѣднія минуты молодого человѣка, котораго видѣлъ я умирающаго. Боже! какими перваніями означены онъ были! страхъ и ужасъ его смерти не должны ствуютъ никогда выходить изъ памяти желающихъ умереть въ тишинѣ и спокойствіи. Къ сему-то печальному позорищу призываю оныхъ срасполобивыхъ красавицъ, которыя проводятъ весь день въ обученіи себя произносити слова и располагать всѣ шаги свои въ каданцъ, и которыя изъясляютъ любовь свою къ танцамъ и музыкѣ болѣе, нежели по честной женѣ прилично. Я не могу имъ пред-

ложить ничего полезнѣйшаго; они возблагодаряютъ мнѣ, когда минуться веселія днесь ихъ упражняющія. Ибо оныя поржественныя погребенія установлены болѣе въ пользу живущихъ, нежели для тѣхъ, которые умираютъ. Что бо значатъ въ самомъ дѣлѣ тщетныя и суетныя чеспи, оказываемыя усопшимъ, ежели сравняемъ ихъ съ плодами, которые мы отъ нихъ получаемъ?

Ахъ, мой другъ, колико чувствитель-но было позорище сіе! поднесъ еще въ очахъ моихъ оно являеяся. Еще вижу я несчастнаго сего юношу, умирающаго предомною; сердце мое сохранило въ себѣ чувствованіе ударовъ, которые претерпѣвалъ онъ. Когда уже единое воспоминаніе зрѣлища сего производитъ во мнѣ шолкое впечатлѣніе, то разсуди же, что я долженъ былъ чувствовать находяся при ономъ! я не нахожу довольно словъ, чтобы описать его: время не можетъ изгладить карпины сея; безпрестанно являеяся оно мнѣ въ сновидѣніяхъ моихъ: я думаю, что оно и во гробъ замною послѣдуетъ.

Я намѣренъ представить тебѣ карпину сію шолкое ужасную. Сей молодой человекъ, рожденный въ знатности, получилъ величайшія дарованія и страсти чрезъ мѣру жестокія; онъ во всемъ былъ чрезвычайенъ, какъ въ порокахъ своихъ, такъ и въ прочемъ. Худые его поступки причинили смерть любви достойнѣйшей супругѣ его:



глупости его навлекли на единороднаго его сына всѣ дѣйствія и слѣдствія ненависти: онѣ лишили его наслѣдства, и вмѣсто всего имѣнія оставили ему горестное воспоминаніе, что родитель его былъ весьма богатъ. . . . .

Но позволъ мнѣ учинить еще нѣкоторыя примѣчанія, которыя почитаю я нужными. Нѣтъ, одрѣ, на которомъ умираетъ человекъ, погруженный въ порокахъ, не уступаетъ въ ужасѣ, какъ токмо страшнѣйшей пропасни, къ которой служилъ онѣ въ шествіемъ. Онѣ представляетъ ту часть ада, которую человекъ на землѣ сей видѣть можетъ: кто его видѣлъ, тотъ долженъ имѣть нѣчто болѣе нежели одну вѣру; ибо онѣ видѣлъ своими очами часть того, чему вѣрилъ. Не ужѣ ли мыслишь ты, что вокругъ умирающаго нѣтъ ни пламени пожирающаго, ни мстительныхъ Фурій? Ахъ! ты не знаешь еще, что устрашенное воображеніе изображаетъ намъ тогда въ очахъ нашихъ, ни того, что сердце грѣшника чувствовашъ можетъ. Боже! koliko ужасовъ! koliko страховъ собрано въ единое мгновеніе! человекъ, преданный двумъ величайшимъ злодѣямъ души и тѣла, грѣху и болѣзни, ослабленъ, изобличенъ, поверженъ опѣ ударовъ ими усугубляемыхъ, теряетъ постепенно свѣтъ небесный, безъ всякія надежды въ сердцѣ своемъ, чувствуетъ оную страшную пищу, оную пу-

сты.

стыню, которая вокругъ его чинится и распространяется, оставленъ сходитъ онъ во мрачность смерти, которая умножается, и ежеминутно пворится чернѣе!

Ахъ, ночь сія, скончавшая его всѣ дни: ахъ! koliko мало уподоблялась она онымъ ночамъ распутнымъ, освѣщаемымъ свѣпильниками ушѣхъ и безумствія! гдѣ оныя ношныя и блестящія собранія, коихъ онъ былъ душою? Какъ можно вообразить, чтобы она обезображенная, блѣдная, и почти не чувствительная куча грязи, за нѣсколько времени сидя на престолѣ распутствія, провозглашала законы сластолюбія, утверждала самовластно моды, и возбуждала радость и веселіе въ скопищѣ безумцовъ? Не ужѣ ли се тотъ юноша, который царствовалъ по срединѣ красавицъ, и которому всѣ совмѣстники его въ превосходствѣ злодѣяній завидовали? Зри его лежащаго, печальный предметъ ужаса и отвращенія! поверженна на узкомъ перешейкѣ, раздѣляющемъ время отъ вѣчности: ибо остается ему едино дыханіе жизни; изнуренна отъ ударовъ раскаянія, раздробляема страхомъ будущаго, удаленна отъ чловѣковъ, коихъ помощь не можетъ ужѣ его достигнуть, и влекома предъ разгнѣваннаго Бога, приуговоряющагося ко мщенію.

Каршины, богатства имъ распоченнаго, сына, который возвратившись съ похоронъ



своего родителя принужденъ будетъ питаться подаемъ, и супруги, кою причинилъ онъ смерть, мечтаясь вокругъ его ложа, изнуряющъ его и удручаютъ: оное время, которое испрашилъ онъ въглупоспяхъ, и осквернилъ своими злодѣянiями, присоединяется къ онимъ подъ видомъ инаго привидѣнiя, и смущаетъ теряющуюся мысль его. Совѣсть, пробужденная отъ долговременнаго сна, возстаетъ надъ его главою во образъ грозно виднаго исполина. Спрашный оный гласъ раздаётся въ его ушахъ: она вопіетъ ему, что нѣтъ ужъ ему ни времени, ни прощенiя: она изгоняетъ изъ души его всѣ вождѣлѣнiя, и всѣ мысли, копорыми занимался онъ во время житiя своего: не остается отъ нихъ ни слезей, ни памяти: всѣ исчезаютъ, даже и самая мысль о смерти . . . . забываетъ онъ, что умираетъ! шутъ не видится болѣе, какъ единъ несчастный остатокъ утопающаго человѣка, простертаго на пустомъ берегу вѣчности: остается ему испустить токмо едино дыханiе: онъ выпускаетъ его и . . . . упадетъ въ бездну!

Не можно ли одрѣ умирающаго распутника назвать естественнѣйшимъ и дѣйстви- тельнѣйшимъ способомъ, копорымъ можно прогонять ядъ, распространившійся примѣромъ заразительныя его жизни? Се есть скорпионъ раздавленный на язвѣ имъ учиненной для исцѣленiя оныя. Небо предста-  
вля-

вляеть намъ страшное позорище грѣшника, выходящаго изъ жизни сея врагами пресупленія, дабы исполнить насъ цѣлительнымъ страхомъ, побуждающимъ упорно всѣ возможныя старанія изыйти врагами добродѣтели. Кто взираеть на позорище сіе, и возвращается не бывъ онымъ пронутъ, тотъ есть человекъ опчаянный: равнымъ образомъ будетъ онъ смотрѣть на усопшаго, воспающаго изъ гроба, и не болѣе въроятія окажетъ онъ сему очевидному свидѣтелю будущаго. Во истинну сіе послѣднее явленіе воздымаетъ нѣкоторую часть завѣсы, находящейся между временемъ и вѣчностію; оно издалека являетъ намъ онаго страшнаго Бога, о коемъ мы до сего времени слышали токмо не совершенныя, темныя повѣствованія.

Одръ умирающаго есть первая школа премудрости: наставленія, получаемыя при ономъ, производятъ въ насъ гораздо сильнѣйшія впечатлѣнія, нежели поученія проповѣдника, проповѣдуемаго всегда приносимъ мы нѣкоторое предубѣжденіе. А сверхъ того страждущій сластолюбецъ и самымъ безмолвіемъ своимъ проповѣдуетъ гораздо краснорѣчивѣе, нежели самый славнѣйшій проповѣдникъ: естли же онъ говоритъ, то единое его слово въ состояніи научить и самихъ учителей рода человеческого. Въ волненіяхъ общества и въ безпокойствіяхъ сея жизни бесѣдуемъ мы





съ людьми, и мыслимъ такожде какъ и они: но находяся при одрѣ умирающаго, бесѣдуемъ мы съ Богомъ, и мыслимъ яко Богъ.

Особливо получаемъ мы шутъ да и наставленія весьма важныя. Впервыхъ видимъ несчастнаго, которой въ семъ обиталищѣ искусства, въ семъ краткомъ времени сраженія, вмѣсто того, чшобы запаснися оружіемъ, могущимъ его защищать, забавлялся собирая цвѣточки, и ловя, такъ сказать, изнѣженною рукою бабочки, и отдавая за пустыя утѣхи наслѣдіе вѣчное; но который, когда находится при смерти, начнетъ самъ съ собою разсуждати, находитъ, что онъ лишилъ себя всѣхъ благъ будущихъ, и доведенъ до такого состоянія, что принужденъ желать, чшобы истребленіе бытія его присовокуплено было ко всѣмъ прочимъ поперямъ имъ учиненнымъ.

Второе наставленіе, которое представляется шутъ глазамъ нашимъ, есть то, что мы видимъ истинну, Божественную истинну, торжествующую надо всѣми усиліями, которыя употреблялъ грѣшникъ во время житія своего, чшобы ее обругать, зашмить, или истребить, и выходящую не уязвленную, яко побѣдительницу и бессмертную. Хотябы пороки во все шестидесятилѣтнее время для угнѣтенія истинны воздымали горы на горы, однакожъ всегда приходитъ та минуша, въ которую оп-

воряетъ она себѣ путь, подобно огню, опверзающему нѣдры огнеметущія горы, и являющемуся толико же ясному, и толико же пожирающему, какъ самое сильнѣйшее и жесточайшее пламя. О другъ мой! я предлагаю тебѣ здѣсь ужаснѣйшій примѣръ: внимай, пренеци и пользуйся.

Плачевный и послѣдній вечеръ, предшествовавшій смерти сего молодого человека, былъ я съ нимъ вкупѣ. Я былъ при немъ единъ съ его докторомъ, и однимъ его искреннимъ другомъ, котораго онъ любилъ, и расточилъ имѣнїе его. Увидя меня къ нему входящаго, сказалъ онъ мнѣ:

„Докторъ и вы пришли уже весьма поздно, но . . . Я ни жизни, ни надежды уже больше не имѣю. Вы оба хотите творить чудеса: можете ли вы воскресить мертвого?“, Небо, сказалъ я ему, было милосердо: оно было весьма щепетливо. . . . Ахъ! „еслибъ оно не было толико милосердо, не былъ бы я сего дня толико грѣшенъ: что не чинило оно, чтобы меня избавить и учинить счастливымъ . . . Но я привудилъ Всемогущаго погубить меня.“ Но Богъ искупивши тебя, сказалъ я ему: „Поспой, поспой, в кричалъ онъ шутъ: ты вонзаешь кинжалъ въ грудь мою . . . Онъ то, онъ то есть та пучина, въ которой я претерпѣлъ кораблекрушеніе . . . Я оприцалъ имя его.“



Онъ не хотѣлъ ничего отъ насъ слышать, ни отъ меня, ни отъ доктора своего, и лежалъ въ глубочайшемъ молчаніи, которое прерывалось жесточайшими ударами болѣзни и угрызенія совѣсти, доколѣ не услышалъ бѣжущей часъ. Тогда вскричалъ онъ съ жестокостію.

„О время, о время, которое погубилъ я, или упохреблялъ во зло, весьма справедливо мщеніе твое: звонъ часовъ твоихъ пронзаетъ внутренность сердца моего... Вотъ какъ ты исчезаешь!.. О есть либѣ хотя единъ мѣсяцъ продлилась жизнь моя: единую недѣлю! не пребую я годовъ.... Увы! цѣлое столѣтіе недостало ко исполненію того, что мнѣ чинить еще остается.“

Я ему сказалъ, что для пріобрѣтенія небесъ никогда много учинить мы не можемъ: что небо есть жилище блаженства....

„Тѣмъ хуже, сказалъ онъ прерывая рѣчь мою: пропало уже небо для меня: днесъ почитаю я его ужаснѣйшею частію моего ада.“

Пропустя нѣкоторое время, предложилъ я ему, чтобы онъ молился.

„Молися, ты сіе учинить можешь, я никогда не молился. Я не могу молиться.... Да и тщетно молиться я буду.... Не чувствую ли я Бога, стоящаго уже оспрашивая меня: Онъ бесѣдуетъ съ моею совѣстію,“

„спію, мщеніе Его воспріяло уже нача́ло  
 „свое... Увы! я не вѣ состоянїи сопроши-  
 „влятися его ударамъ, и совѣсть моя  
 „купно съ нимъ ударяетъ: я самъ дер-  
 „жу ихъ спороу прошиву меня..”

Увидя своего друга чувствительнo про-  
 нушаго, и проливающего слезы (кто бо мо-  
 жетъ удержатъ ихъ? Для меня было сіе  
 не возможно) поглядѣлъ онъ на него съ нѣж-  
 носцію, и сказалъ:

„Береги слезы сіи для тебя. Я тебя  
 „разворилъ... Уже ли обо мнѣ ты пла-  
 „чешь? Жесткою, сколь много усугубляешь  
 „ты болѣзнь мою!.. При сихъ словахъ весь-  
 ма пронутый другъ его хотѣлъ вый-  
 ти....

„Нѣтъ, сказалъ онъ, останься: тебѣ  
 „остаеся еще надежда. Внимай словамъ  
 „моимъ: о! сколь глупы были рѣчи мои  
 „тебѣ говоренныя, и совѣщны мною тебѣ  
 „подаваемые! сколь велика была простота  
 „швоя, когда ты меня слушалъ и мнѣ вѣ-  
 „рилъ! взирай теперь на сіе состоянїе  
 „мое: оно изобличаетъ насъ обоихъ, и до-  
 „вольно выводитъ тебя изъ заблужденїа:  
 „пѣло сіе есть единая слабость и болѣзнь;  
 „но мученїа, которыя претерпѣваетъ ду-  
 „ша моя, кажется, сообщаютъ ему и жизнь  
 „и движенїе: никогда еще она не чувствова-  
 „ла толико разсужденїа и горести; нико-  
 „гда не была она такъ сильна и жива: ахъ!  
 „сіе бышіе, которое трепещетъ подъ зу-



„бомъ смерти: ахъ! безъ всякаго сомнѣнiя  
 „естъ оно безсмертно... Нѣтъ, я несомнѣ-  
 „ваюсь болѣе, что есть Богъ: единъ бо Богъ  
 „въ соспоянiи произвестъ то, что я те-  
 „перь претерпѣваю!„

Я хотѣлъ было сего невольнаго и  
 страждущаго исповѣдника поздравить со  
 свидѣтельствѣмъ, которое отдавалъ онъ  
 первымъ двумъ пунктамъ его вѣры, и ко-  
 торые страждущая природа испоргнула  
 изъ устъ его; но онъ прервалъ рѣчь мою  
 со скоростiю:

„Ахъ! сдѣлай милость, сказалъ онъ,  
 „дозволь мнѣ продолжать: уже не долго  
 „остаётся говорить мнѣ... Мой другъ,  
 „дражайшiй мой другъ, но которому учи-  
 „нилъ я толико зла! душа моя, подобно  
 „какъ и тѣло мое разрушается. Она про-  
 „изводитъ уже токмо мысли не совершен-  
 „ныя и прерывающiяся: раскаянiе о про-  
 „шедшемъ гонитъ мысль мою въ будущее;  
 „а ужасъ будущаго паки къ прошедшему ее  
 „отгоняетъ. Куда я ни обращаюсь, ни-  
 „гдѣ ни малѣйшаго луча надежды не вижу.  
 „Ахъ! еслибы ты чувствовалъ половину  
 „токмо тоя ужасныя тягости, которая  
 „меня угнѣщаетъ, ты бы увидѣлъ, что  
 „щасливъ есть мученикъ посреди пламени  
 „его пожирающаго... Они суть не вѣчны.„

Колико были мы пронуты! но скорѣ  
 еще болѣе жалость наша умножилась; о

когда со смущенными очами и лицомъ оппачаннымъ возопилъ онъ!

„Бѣдственныя мои прѣвила заразили сердце друга моего; глупости мои учили сына моего нищимъ; жестокости мои умерщвили мою жену. . . . Уже ли, оставшееся мнѣ есть другій адъ? . . . О! Ты Боже! исполненный милосердія, котораго огорчилъ я хулами моими, адъ есть мое убѣжище, естли возможенъ сокрышь меня отъ ока твоего.

Вскорѣ попомъ разумъ его началъ умяться поспепенно: въ ужасъ воображенія его произносилъ онъ пакія мерзости, которыя долженствуютъ погребены быть въ вѣчномъ забвеніи, и прежде еще восхожденія солнца, которое, по мнѣнію моему, малое число таковыхъ гршниковъ видало, оной человекъ толико веселый, знашый въ разсужденіи рожденія своего и прочихъ дарованій щастія и природы, однимъ словомъ несчастный Алшамонъ испустилъ духъ свой.

Естли таковы суть человекъ, которыхъ въ свѣтѣ семъ называютъ веселыми, то что же есть человекъ несчастный! koliko скоропостижно и совершенно исчезающъ оныя щастливья существа, которыхъ благополучію завидуютъ! увы! коль кратки дни веселія ихъ! они блестятъ, и ослѣпляющъ единую минуту: . . . Но гдѣ будутъ онъ по прошествіи единаго мгно-





мгновенія? Забвеніе покрываетъ память ихъ: ахъ! дай Боже, чтобы единое сіе было! нѣтъ, безчестіе извлекаетъ ихъ изъ ноши забвенія, оно вписываетъ бѣдственныя поржества ихъ въ безчестныя свои повѣствованія. Болѣзни твои, несчастный Алпамонъ, пребываютъ еще въ сердцѣ друга твоего: ибо Алпамонъ имѣлъ друга. Онъ могъ имѣть ихъ еще болѣе. Скоро протекшее его утро могло бы учиниться ему зарею дня вѣчнаго. Онъ могъ бы помѣстить славное свое имя въ книгѣ вѣчности. Добродѣтель его могла бы оставить по себѣ сладостное благовоніе, которое бы обонялъ оставленный другъ его, и которое для потомства его было бы весьма полезно.

Какими высочайшими достоинствами одаренъ онъ былъ! колико имѣлъ онъ преимуществъ, чтобы учиниться наидобродѣтельнѣйшимъ изъ человѣковъ! но при всѣхъ Ангельскихъ дарованіяхъ человѣкъ бываетъ иногда подлымъ шокмо злодѣемъ. Естьли онъ обманывается въ главной вещи, то хотябы во всемъ прочемъ и разсуждалъ онъ справедливо, то однакожъ первое заблужденіе простираетъ впечатеніе свое на всѣ прочія дѣйствія его, и въ глупости ихъ превращаетъ.

Вотъ, какъ самыя величайшія дарованія неба чинятся бѣдственными, сколь скоро человѣкъ употребляетъ ихъ во зло. Дай Бо-



Боже, чтобы перзаніе безпамятства было для него удовлетвореніемъ прошедшаго, а не ужаснымъ предсказаніемъ и горестнымъ опытомъ будущаго! чтобы избавить отъ таковыхъ бѣдствій товарищей его, которые во время жизни его ему удивлялися, и которые столь щасливы, что и по смерти его еще жизнию наслаждаются: позволъ мнѣ съ ними побесѣдовать, когда прогающій предметъ сей находится еще предъ очами ихъ, или живо въ памяти ихъ на чертанѣ.

О! вы, которые безпрестанно гоняетесь за ушѣхами, и при первомъ видѣ мимолетящія мечты ея испускаете крики радости, чтобы утвердить оную, жертвуете ей своимъ щастіемъ, славою, а часто и жизнию, не получая однакожъ никогда кромѣ тѣни оныя, укротите хотя на минушу желаніе влекущее васъ за нею: удержитесь, слыша гласъ, ударяющій въ ушеса ваши: се есть гласъ друга: если вы умѣете любить себя, тогда вы его услышите. Я намѣренъ обратиться къ вамъ нѣсколько словъ моихъ: дай Боже, чтобы не такъ скоро изъ памяти вашей онѣ испребились! по крайней мѣрѣ возвращатся онѣ въ мысль вашу, и произведутъ въ сердцахъ вашихъ впечатлѣніе, сколь скоро окончается ваша гоньба за веселостями, которая днесь васъ упражняетъ, и суетныя забавы, которыя вы преслѣдуете, исчезнутъ.

Же-



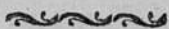
Желаете ли вы еще одолжить друга вашего, которой уже болѣе не существуетъ? Воспомявая о достоинствахъ его, чрезъ которыя учинился онъ вамъ полико драгоценнымъ; воспомяните и о погрѣшностяхъ его; тогда не запамятуете вы собственныхъ вашихъ: въ несчастіяхъ его увидите вы предсказанія того, которое вамъ угрожаетъ: пучина, гдѣ претерпѣлъ онъ кораблекрушеніе, предлагаетъ вамъ доску, на которой вы избавитесь можете: бѣдствіе его означаетъ вамъ мѣсто пропасти сея: смерть его есть ночный Фонарь, зажженный для провѣденія стезей вашихъ въ опасномъ мореплаваніи жизни сія.

„Подобно какъ и вы, во время своей  
 „ жизни, почиталъ онъ себя въ мірѣ семъ  
 „ безсмертнымъ. Вы видите, какъ онъ об-  
 „ манулся: скрылся онъ отъ вашего взора:  
 „ кто можетъ сказать, въ какихъ мѣстахъ  
 „ днесь онъ находится? Если вы про-  
 „ должите сѣдвать по пучи, на которомъ  
 „ онъ поперялся, кто знаетъ, какій конецъ  
 „ возымѣетъ глупость ваша? Въ самую  
 „ минуту глубочайшія безопасности пора-  
 „ женъ, произенъ смертельнымъ ударомъ  
 „ съ высоты намѣреній своихъ и надежды,  
 „ низпалъ онъ въ бездну, коея глубину ни  
 „ какій человекъ не возможетъ измѣрять.  
 „ Посредѣ восхищеній радостей вашихъ не  
 „ будьте безопасны. Колчанъ смерти не ис-  
 „ тощилъ еще стрѣлъ своихъ; не презирай-  
 „ те

„ не жестокосердаго спрѣлка, никогда  
 „ еще мѣпы своя не пропустившаго.

„ Но вы не внимаете словамъ моимъ:  
 „ изреды прелестныхъ вашихъ бесѣдокъ,  
 „ гдѣ возлежа на ложахъ успанныхъ цвѣ-  
 „ шами покоитесь въ нѣжномъ уныніи  
 „ опъ трудовъ нанесенныхъ упѣхами; не  
 „ открываете вы никакихъ угрожающихъ  
 „ проспектовъ; ничто васъ не смущаетъ,  
 „ исчезъ уже изъ глазъ вашихъ забвенный  
 „ гробъ вашего друга..... Ахъ! не вѣдаете  
 „ вы, что смерть сокрывается охотно въ  
 „ розовыхъ купинахъ, коихъ сладостное  
 „ благовоніе вы обоняете.

„ Размыслите, друзья мои: вы сохра-  
 „ няете еще имя Христіанина; безъ всяка-  
 „ го сомнѣнія слышали вы о священномъ пи-  
 „ саніи: говоря языкомъ онаго, скажу я вамъ.  
 „ Вы борцы, а не двигнулись еще съ мѣ-  
 „ ста своего; вы воины, но и оружія своего  
 „ еще не приугоповили; собиратели виногра-  
 „ да, но усыпляете себя пїянствомъ; спра-  
 „ жи, но весь день за прапезою провождаете!  
 „ нѣтъ ни единого человѣка, копорой бы во  
 „ время жизни своя не былъ пробужденъ  
 „ опъ сна пороковъ хопя на едину минуту,  
 „ или прешпомъ совѣсти своя, или ужа-  
 „ сомъ какого днѣбудь происшесствїя, и ко-  
 „ порой бы, возврапя разсужденіе свое, не  
 „ могъ освободитися опъ долговременнаго  
 „ сновидѣнія. Чѣмъ долговременнѣе былъ  
 „ сонъ сей, тѣмъ вящше удивленіе и ужасъ



„ пробужденіе отъ онаго причиняетъ: но  
 „ естли человѣкъ всю жизнь свою прово-  
 „ дитъ во снѣ, и не прежде какъ ужè коле-  
 „ блющаяся глава его ударяется во врата  
 „ смерти, о! коль ужасно бываетъ тогда  
 „ пробужденіе сіе! о! koliko спреха и пре-  
 „ пета оно исполнено!

„ Во истинну чрезвычайно глубокой сонѣ  
 „ швой быти долженствуетъ, естли слухъ  
 „ швой не поражается звономъ похороннаго  
 „ колокола, звонящаго при погребеніи швоего  
 „ друга. Но положимъ что умершій другъ бу-  
 „ детъ для тебя другомъ уничтоженнымъ,  
 „ по не ужè ли смерть его не имѣетъ ни-  
 „ чего для тебя важнаго? Вѣдай, что  
 „ ежели она тебя не исправляетъ, то чи-  
 „ нитъ еще величайшимъ преступникомъ.

„ Какъ! ты никогда не ощущалъ въ серд-  
 „ цѣ швоемъ внутренняго движенія, произ-  
 „ веденнаго весьма сильнымъ и скоропости-  
 „ жнымъ чувствованіемъ? Что касается до  
 „ меня, естли когда обрѣтаюсь я при  
 „ гробѣ не знакомаго, то зрю всю гордость  
 „ жизни его погребенную въ землѣ, и слы-  
 „ шу во глубинѣ души моей тихій и пре-  
 „ ужасный гласъ, произносимый умершимъ  
 „ прахомъ, праху еще живущему: Ахъ! нѣтъ  
 „ тогда въ сердцѣ моемъ никакого шум-  
 „ наго движенія, котороебъ не утихло: нѣтъ  
 „ такія здравыя мысли, котораябъ не вдох-  
 „ нулася въ разумъ мой: какое же должно  
 „ быть впечатлѣніе, учиненное смертію дру-

„га подобнаго вашему, умирающаго въ  
 „вашихъ глазахъ, подающаго вамъ совѣты  
 „и преперпѣвающаго величайшія перзанія  
 „въ сердцѣ своемъ? Послѣднія его стenanія  
 „долженствовали бы гремѣть въ ушахъ  
 „вашихъ яко громъ, а въ сердцахъ вашихъ  
 „произвести такое волненіе, котороебъ ихъ  
 „исправило.

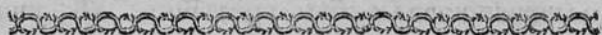
„Откройте очи ваши, возрите на опас-  
 „ность вамъ угрожающую, хватайтесь за  
 „доску, которую я вамъ предлагаю. Вспо-  
 „мните, что мы живемъ въ свѣтѣ без-  
 „спрестанно переменѣющемся; да пребы-  
 „ваетъ страхъ будущаго дня навсегда  
 „предъ вашими очами. Проницательнѣйшее  
 „око не возможетъ предвидѣть далѣе ми-  
 „нуты. Должно стараться, чтобы не прейти  
 „предѣловъ, гдѣ оканчивается милосердіе.  
 „Простите вы, которыхъ совѣты мои ис-  
 „правили, или осудили. Дай Боже, чтобы вы  
 „явили ревность вашу болѣе для оказанія  
 „раскаянія вашего, нежели остроумія, болѣе  
 „для исправленія вашего поведенія, нежели  
 „для опроверженія совѣтовъ моихъ! „

Нѣтъ, государь мой, я не опчаяваюсь  
 подобно вамъ, о исцѣленіи нашего вѣка:  
 пороки онаго могутъ быть испреблены.  
 Я болѣе уповаю на силу лекарствъ. Еще  
 есть возможность, чтобы добродѣтель  
 согражданъ моихъ произошла, такъ ска-  
 зать, изъ пепла оныя, и явилася паки въ  
 первомъ сіяніи своемъ, подобно какъ во





время царствованія Гордіана. Консулъ Аві-  
ола вышелъ не вредимъ изъ пламя горя-  
щаго.



## V.

*Разсужденіе о срапненіи дарованій Грековъ и  
Римлянъ, топоренное на Латинскомъ язы-  
кѣ Юганномъ Августомъ Ернестіемъ въ  
Лейбцигской Униперситетской библіотекѣ,  
въ присутствіи Саксонскихъ -Герцоговъ  
Фридриха Христіана и Ксаперія.*

## СВѢТЛѢЙШІЕ КНЯЗЬЯ!

**В**сѣ знающіе люди въ оубнкѣ дарованій,  
единогласно опдають преимущество  
Грекамъ и Римлянамъ, копорыхъ для по-  
го и поставляютъ какбы мѣрою самаго  
превосходнаго человѣческаго дарованія. Въ  
уптвержденіе сего великимъ доказатель-  
ствомъ служитъ намъ то, что всякъ, же-  
лавши прославиться душевнымъ своимъ да-  
рованіемъ, напрягалъ къ тому всѣ свои  
силы, чшобъ уподобиться имъ своимъ по-  
дражаніемъ. Да и нынѣ почитается шотъ  
ближе къ совершенству, кто менѣе отъ  
нихъ разнствуешъ.

Но ежели сами Греки и Римляне меж-  
ду собою вступають въ споръ о преимуще-  
ствѣ душевныхъ дарованій, то можетъ  
быть сомнительнымъ покажется, чью спо-  
ро-



рону взять должно разумному судьбѣ. Было нѣкопорогъ время, опѣ начала, по естѣ, города Рима, почти до седьмаго вѣка, вѣ которое Римляне охотно успупали Грекамъ славу душевныхъ ихъ дарованій, которой они желательными казаться не хотѣли: чему причиною было не что иное, какъ то, что Римлянами тогда обладала единая любовь къ военнымъ дѣламъ и опечеству.

Греки напропивъ того во всякое время, коего токмо Исторія касаться можетъ, весьма жадны были къ сей славѣ, и рачительны ко всему тому, чѣмъ оная пріобрѣтается. Сему примѣру служить можетъ прославляемый Ахиллесъ Гомеромъ, который Фениксомъ, блюстителемъ его юности, во всемъ толико былъ наставленъ, что онъ сдѣлался напоследокъ и важнымъ Риторомъ и мужественнымъ воиномъ. По чему Греки при особенномъ имъ вспомоществованіи самой природы наконецъ достигли до того, что приписывалось имъ изобрѣтеніе и приведеніе вѣ совершенство всѣхъ свободныхъ наукъ. Но послѣ, какъ Греція съ прочими народами свѣта всего пришла подѣ власть и покровительство Римлянъ, то помалу и вѣ самыхъ Римлянахъ родилось равнымъ образомъ желаніе такой славы, что они по мѣрѣ своей силы и храбрости захопѣли Грековъ превзойти также и разумомъ, и не могли того



перпѣть, чтобѣ они въ сей славѣ брали у нихъ преимущество. Ибо и между частными людьми обыкновенно завидуютъ уму, и всякъ удобнѣ снесетъ, ежели назовешь кого особенно перпѣливымъ въ трудахъ, не устращивымъ въ опасности, твердымъ въ печаляхъ, умѣреннымъ въ сладострасствіяхъ, благороднымъ своею природою, или богатымъ передъ другими, нежели какъ выхваляли кого, что онъ разумнѣе прочихъ. Досаденъ уже и тотъ, кто величается выше сказанными выгодами: но ежели кто похвалится своимъ умомъ, тотъ себя уже совсѣмъ не стерпитъ. Почему сею ревностію могли быть пронуты и Римляне, которые также и славою ума захопѣли превзойти Грековъ, и понеже удобно тому въ Римѣ, чего желаемъ, помалу въ самомъ дѣлѣ начали думать, что они и душевными своими дарованіями не уступали Грекамъ; особенно жъ когда и между ими самими не мало появилось такихъ, которые словесными науками, какъ-то: краснорѣчіемъ и стихотворствомъ и всякимъ родомъ велерѣчія и письма пріобрѣли себѣ великую славу. Сего ихъ мнѣнія защитниками нашли многихъ и между новѣйшими писателями, которые утверждали, что нѣкоторыхъ Римлянъ безъ сомнѣнія предпочестъ должно самимъ превосходнымъ Греческимъ писателямъ. Напротивъ сихъ другіе воспла-

ли,



ли, которые всею силою старались за-  
щипить и утвердить въ семъ родѣ пре-  
имущество Грековъ.

Да мнѣ и не удивительно, что въ семъ  
спорѣ не всѣ одинакого судятъ; чему при-  
чиною то, что чѣмъ понѣ войдешь въ  
сіе дѣло, тѣмъ труднѣе покажется рѣше-  
ніе онаго. Ибо оно обращается въ сравне-  
ніи такихъ вещей, которыхъ великость  
никакою чувствуемою и извѣсною мѣрою  
опредѣлена бытъ не можетъ: почему Ди-  
алектики весьма справедливо утверждаютъ,  
что разобраніе такого рода обоюдное и са-  
мое трудное. Что до меня касается, то  
я въ разбираниіи сего спора, и въ объясне-  
ніи моего мнѣнія объ ономъ, во первыхъ  
сравню всѣхъ Грековъ и Римлянъ между  
собою, и разсмотрю, кому изъ нихъ отдасть  
преимущество; потомъ сличу нѣкоторыхъ  
знаменѣйшихъ писателей обоего народа. Впро-  
чемъ все сіе прѣніе заключено будетъ въ  
границахъ тѣхъ наукъ, которыя обыкно-  
веніе нашего вѣка называло словесными, и  
которымъ въ сей Академіи обучаю я пу-  
блично, то есть: въ границахъ Стихотвор-  
ства, Краснорѣчія и Исторіи. Филосо-  
фіи жъ и Математики, которыя Цицеронъ  
по справедливости называетъ также словес-  
ными науками, въ семъ сосязаніи касать-  
ся не будутъ для того наипаче, что въ  
оныхъ Греки, по общему мнѣнію, безъ вся-



каго сомнѣнія несравненно превзошли РимлянѢ.

Но въ первой той части сравненія, въ которой всѢ Греки сличаются со всѢми Римлянами, великое по истиннѢ предубѣжденіе дѣлаютъ намъ сами Римляне. Ибо всякѢ изъ нихъ, кто токмо по дарованіямъ и словеснымъ наукамъ славенъ, и о семъ вопросѢ справедливѢ судить можетъ: всякѢ, говорю, такой изъ нихъ самихъ ГрековѢ предпочитаетъ Римлянамъ. Въ доказательство сему привести можемъ Луція Красса, первѣйшаго прежде Цицерона Рипора, который и самаго сего Цицерона, не токмо признается, что онѢ всѢмъ своимъ велеученіемъ обязанъ Грекамъ; но тако увѣщаетъ юношей, чтобъ они краснорѣчіе свое заимствовали у однихъ токмо ГрековѢ, и сей-то КрассѢ тотъ, который во время своего цензорства указомъ выгналъ изъ Рима всѢхъ РипоровѢ Лапинскихъ за то, что они учили больше безстыдству, нежели краснорѣчію. Самъ же ЦицеронѢ у кого учился краснорѣчію? Кому болѣе подражалъ, какъ не Грекамъ? Которыхъ онѢ называетъ наставниками Краснорѣчія. Что сказать о стихотворствѢ? Горацій, который одинѢ изъ всѢхъ РимлянѢ почитается лучшимъ учителемъ и пончайшимъ судьей о стихахъ, любителямъ стихотворческой хвалы не представляетъ ли въ примѣръ единыхъ ГрековѢ? Сей самый Горицій,



коротко знакомъ будучи съ Виргиліемъ , и припомъ любя его много и почитая , не представляешъ ли къ подражанію одинаго Гомера образомъ Эпическаго стихотворства ? Чтобъ сказать о Квинтилианѣ , который судитъ , что Гомера никто превзойти не можетъ ни въ какомъ родѣ письма , и который хотя почитаетъ Виргилія первымъ изъ Римскихъ стихотворцевъ , однакожъ вторымъ по Гомерѣ.

Но ежели всѣ Греки съ Римлянами спорить спанутъ о числѣ писателей , то кто не видитъ , сколько въ томъ не выиграютъ первые ? Римляне довольно краснорѣчиваго писателя въ Философіи имѣютъ одного токмо Цицерона , да и сего не равнаго Платону и Ксенофонту , но у Грековъ они почти безчисленны. Риторовъ правда весьма многихъ произвелъ Римъ , однакожъ очень мало таковыхъ , которыебъ могли сравняться съ Греческими ? Да ежели нѣкоторые изъ Римскихъ Риторовъ и заслужили себѣ хвалу , то они достигли того не иначе какъ чрезъ подражаніе Грекамъ. Что до хорошихъ стихотворцевъ касается , то ихъ почти во всякомъ родѣ Грековъ было значное количество. У Римлянъ же , кромѣ прославившихся въ Елегическомъ и Комическомъ стихотворствѣ , едва найдешь по одному. Лирическихъ хорошихъ стихотворцевъ Греція имѣла въ Пиндарѣ , Альпеѣ , Санфѣ , Симонидѣ и въ другихъ : но





Римъ представляешъ такимъ одного Горація. Что сказать о Испорикахъ, изъ которыхъ Греки показываютъ многихъ превосходныхъ много, какъ то: Геродота, Туцидида, Ксенофонта, Филистіа, Теопомпа, Полибіа, Плутарха, Діодора, Діонисіа, Аріана и другихъ. Римлянежъ по мнѣнію Квинтилиана, кромѣ своего Саллюстіа, Ливія и Тацита, не имѣютъ такого, кого бы могли сравнить съ Греческими Испориками.

Но какимъ то почѣсть должно, что сего рода слава заключается въ одномъ сполѣтїи: Грекижъ своею ученостію прославлялись чрезъ многія лѣта. Ибо Гомеръ жилъ прежде основанія самаго города Рима, а Златоустъ не изъ послѣднихъ ораторъ, жилъ въ концѣ четвертаго вѣка послѣ Рождества Христова; слѣдовательно между имъ и Гомеромъ прошло болѣе двенадцати вѣковъ.

Безъ сомнѣніяжъ то служилъ великимъ доказательствомъ преимущества Грековъ, что во всѣхъ частяхъ прїятныхъ наукъ, и во всякомъ родѣ письма Лапины ничего не имѣютъ такого, чего бы по собственному ихъ признанію не заняли отъ Грековъ. Хотя Цицеронъ въ первой книгѣ Тускуланскихъ своихъ запросовъ не усомнѣлся приписать Римлянамъ, что они все сами собою изобрѣли разумнѣе Грековъ, занятоежъ отъ нихъ сдѣлали лучшимъ. Если сіе разумѣется о военномъ, чѣмъ благо-

благонравнѣе, тѣмъ не токмо терпѣливѣе сноситъ, но еще и желаетъ того, чтобъ превзошелъ его ученикъ, и славу онаго считаетъ почти своею собственною: ученикъ же, ежели хочетъ оказаться благодарнымъ, не долженъ считать себя въ униженіе, когда больше поставленъ будетъ учитель.

И такъ во первыхъ пусть начнутъ прѣніе начальники Епическаго стихопворства Гомеръ и Виргилій, весьма сходная пара. Но о чемъ будетъ споръ между ими?

Естьли сіе разумѣется о военномъ искусствѣ, о законахъ и гражданскомъ правленіи, то въ томъ и не спорю: но чтобъ похвалить самое сказать и о словесныхъ наукахъ, которыхъ основаніемъ полагается разумъ и природныя къ тому дарованія, но никакъ согласиться не можно. Можетъ быть Римляне малое что нибудь въ семь родѣ и лучшимъ сдѣлали: однакожъ слава изобрѣшенія безъ сомнѣнія остается Грекамъ, которое тѣмъ больше, чѣмъ удобнѣе къ изобрѣшеннымъ вещамъ, и почти уже къ совершенству приведеннымъ присокупить что нибудь, нежели найти ихъ въ первой разѣ.

Естьли всѣ Греки со всѣмижъ Римлянами въ общемъ спорѣ будутъ о преимуществѣ разума, то кажется безъ сомнѣнія одержать побѣду Греки. Но какъ и въ побѣжденномъ войскѣ могутъ быть такіе, съ которыми и изъ самыхъ побѣ-



дипелей мужествомъ нравиться не можешъ, пакъ хотя равнымъ образомъ всѣ Греки обще превосходящъ всѣхъ Римлянъ; однакожъ нѣкоторые изъ Римлянъ могутъ превзойти и самыхъ первыхъ Греческихъ писателей. Чего ради сравнимъ теперь между собою нѣкоторыхъ изъ самыхъ знаменѣйшихъ писателей Греческихъ и Римскихъ: пусть споритъ напередъ о преимуществѣ Гомеръ съ Виргиліемъ; потомъ Пиндаръ съ Горациемъ; послѣ того Димосѣенъ съ Цицерономъ; на послѣдокъ пусть Ливій вызоветъ на поединокъ Туцидида. Всѣ они столь великіе люди, что побѣду своимъ соперникамъ могутъ сдѣлать сомнительною: всѣ они достойны побѣды: по окончаніи прѣнія, да и побѣжденные останутся столь же покойны, какъ и сами побѣдители. По объявленію Платона, Сократово особенное желаніе было то, чпобъ въ состязаніяхъ остаться побѣжденнымъ, а не побѣдителемъ, (достойная Философа скромность, которую по моему мнѣнію давно ужѣ считать должно померянными вещами), дабы побѣжденному будучи основательными причинами симъ образомъ освободиться отъ свойственныхъ всякому ложныхъ мнѣній. Къ состязанію избранные нами писатели хотя не Философы, а писатели такого рода, въ которомъ особенно пріобрѣтается великодушно слава: однакожъ и они да уступятъ побѣду

ду своихъ соперниковъ. Ибо, естли Греки побѣдятъ Римлянъ, то учители одолѣютъ своихъ учениковъ; естлижъ Римляне одержатъ побѣду надъ Греками, то ученики превзойдутъ своихъ учителей. Но какъ родители никому не благопріятствуютъ больше своихъ дѣтей, и легче всего сносятъ преимущественную ихъ дѣтей славу; дѣтижъ напропивъ того никому споль охотно не уступаютъ, какъ своимъ родителямъ: такъ равнымъ образомъ всякой учитель чѣмъ благодѣтеленъ, тѣмъ не токмо терпѣливѣе сноситъ, но и желаетъ того, чтобъ превзошелъ его ученикъ, и славу онаго считаетъ почти своею собственною: ученикъ же, естли захочетъ оказаться благодарнымъ, не долженъ считать себѣ въ униженіе, когда больше его поставленъ будетъ учитель. И такъ во первыхъ пусть начнутъ прѣвнѣе начальники Епическаго стихотворства Гомеръ и Виргилій, весьма сходная пара. Но о чемъ будетъ споръ между ими? Сперва о замыслахъ, какіе видны въ изобрѣшеніи и съ пріятностію сходномъ въ сложеніи басни предметъ ихъ стихотворенія, которыя содержатъ силу стиховъ въ вымышленіи постороннихъ околичностей, и въ томъ удачномъ включеніи ихъ въ главную басню, что оныя частями ея кажутся. Потомъ такъ называемыхъ узловъ или запусываній дѣлъ и въ вѣроятномъ ихъ рѣшеніи, также во всякомъ родѣ



дѣ остроумныхъ рѣчей, въ снисканіи подобій; а наконецъ въ въброяшномъ и съ удивленіемъ нѣкоторымъ и пріятностію соединенномъ правленіи происшествій одинакаго рода, или на примѣрѣ въ убивствахъ во время сраженій; въ чемъ во всемъ, какъ мнѣ кажется, особенно показывается сила замысловъ, управляемая многимъ упражненіемъ. Чтожъ скажетъ Гомеръ въ сей часпи спора? То, что онъ всему вышесказанному далъ первый и совершенный примѣрѣ, что все сіе занялъ отъ него Virgilій; что на примѣрѣ изъ Ахиллеса и Улисса составилъ онъ своего Енея; а изъ Гектора сдѣлалъ Турна; и что почти всѣ великія мысли и сравненія взялъ у него, и что тожъ самое дѣлали прочіе стихотворцы: почему и названъ онъ источникомъ разума и замысловъ, въ чемъ во всемъ признается самъ Virgilій, охотно уступая преимущество Гомеру. Ибо онъ по свидѣтельствѣ Горация былъ пречестный человекъ, котораго чистосердечіе не производилъ свѣтъ: свержъ того будучи крошокъ, о своей Энейдѣ столь мало думалъ, что оную, что не совершенную хотѣлъ сжечь при своей смерти, и въ семъ-то одномъ не былъ онъ прямой стихотворецъ; ежели то правда, что нѣтъ ни одного стихотворца, по мнѣнію Цицеронову, столь худаго, который бы не почиталъ себя самымъ лучшимъ. Ежелижъ сравнишь обоихъ сихъ раченіе, съ какимъ

они описывали обычаи, мѣста, оружіе, и другія вещи, по можешъ бытъ оба найдутся равными, съ пою покмо разностию, что и самаго сего раченія примѣромъ и образцемъ служилъ Virgilію Гомеръ. Ежелижъ сличитъ между собою изобиліе, красоту, и пріятность ихъ слога, то явно, что Гомеръ въ томъ превзойдетъ, котораго лучшіе изъ древнихъ суды Цицеронъ и Фабій представляютъ источникомъ и высочайшимъ примѣромъ всякаго краснорѣчія. Однимъ только Virgilію превосходитъ Гомера, то есть, нѣкою вѣжливостию и пріятностию въ повѣствованіи и описаніи нѣкоторыхъ вещей, за что и предпочитается онъ Гомеру отъ Скилигера опца Періалпы и Мопты, яко не довольно искусныхъ, или совсѣмъ не знающихъ Греческаго языка. Но еспьлибъ онъ въ томъ и превосходилъ, то сего приписывать не должно самому Virgilію, но временамъ, въ которыя онъ жилъ. Чего ради, ежели помянутой вѣжливости и нѣптъ у Гомера, то не надо ее считать значнымъ недостаткомъ, такъ какъ еспьли она и еспъ у Virgilія, то не должно ставить ее столь великою, чтобъ предпочитавъ за то Virgilія Гомеру. Ибо Гомеръ жилъ во времена древней простиоты отъ великолѣпія и щегольства Virgilіева вѣка весьма опдаленной. Сверхъ того Гомеръ былъ такой человекъ, который обходя

Асій





Асійскія области, искалъ себѣ славы своими стихами, и можетъ быть еще и собиралъ деньги, кои болѣе всего умножаютъ жаръ стихотворства. Виргилій же напрошивъ того жилъ во первыхъ въ томъ городѣ, отъ коего самая вѣжливость (urbanitas) получила свое названіе; во вторыхъ былъ знакомъ Меценату, знаменѣйшему изъ Римскихъ вельможъ, и наконецъ обращался при дворѣ Августа Кесаря, который былъ тогда столицею великолѣпія и единственнымъ училищемъ прямой красоты во всей Римской Имперіи, такъ какъ дворъ отца вашего Свѣтлѣйше Князя, въ Нѣмецкой Имперіи. Слѣдовательно Виргилій сею преимущественною своею предъ Гомеромъ красотою въ нѣкоторыхъ случаяхъ и большимъ сходствомъ съ нашими обычаями и мнѣніями обязанъ не самому себѣ, но упомянутымъ здѣсь обстоятельствомъ его жизни.

Пусть вступитъ теперь другая пара стихотворцевъ Пиндаръ и Горацій, но споръ ихъ будетъ не равный: ибо Горацій вводитъ съ собою въ оный великаго себѣ помощника, то есть, предварительное къ себѣ у всѣхъ благопріятствіе, которое производитъ во первыхъ отъ того, что онъ многимъ извѣстнѣе и знаменѣе Пиндара, коего прямую доброту не многіе знаютъ какъ по тому что онъ Грекъ, такъ и по тому, что его слога не можно разумѣть безъ превеликаго знанія Греческаго языка; полагаются жъ на



на мнѣнія пѣхъ, кои о его добротѣ судятъ изъ Лапинскихъ или природныхъ переводовъ сего стихотворца, есть ни что иное, какъ судить о солнцѣ по изображенію его на каршинѣ. Во вторыхъ сличенія Горація съ Пиндаромъ, не равнаго по тому, что первый изъ сихъ писалъ свои оды о разныхъ матеріяхъ, въ которыхъ весьма много находится такого, что удобно плѣняетъ наши сердца: содержаніе жъ стиховъ послѣдняго такое, которое насъ не можетъ нынѣ привлекать къ себѣ много, да и по токмо одно, то есть, одержавшіе верьхъ въ торжественныхъ играхъ. Впрочемъ, если Горацій безъ вышесказаннаго благопріятствія появился одинъ, то Пиндаръ произойдетъ его двумя вещами, то есть: высокостію духа и изобиліемъ слова, что особенно господствуетъ въ Лирическомъ Стихотворствѣ. Въ первой изъ сихъ, то есть, въ высокостіи духа и замысловъ, самъ Горацій уступаетъ Пиндару, сравнивая онаго съ парящимъ въ облакахъ лебедемъ, а себя со пчелою не изъ притворнаго какого учтивства, но побуждаемою самою истинною, и такимъ образомъ судили всѣ Римляне, которые обоихъ ихъ могли знать. Чтожъ касается до изобилія рѣчи, то оную доказываетъ самое единство описываемой имъ матеріи. Велико дѣло есть не однажды украсить вещь словами и остроумными рѣчьми тогда, когда свойственно ей



ей украшеніе: но по несравненно больше и труднѣе, чтобъ одну и ту же самую вещь многократно, и какъ Пиндаръ учинилъ болѣе сорокъ разъ, такъ украсить, чтобъ опѣ знающихъ судей всегда бытъ одобрену. Цицероново изобиліе слова я самъ обыкновенно доказываю изъ 13 книги его писемъ, въ которой 89 писемъ того же содержанія, но съ прекрасною и не подражаемою разностию. Ежели Философы безпредѣльную силу Божіяго ума и могущества учатъ познавать также изъ того, что во всѣхъ одинакаго рода вещахъ усматриваемъ великую разность, что нѣтъ ниже двухъ токмо человекъ, которые бѣ лицомъ одинъ на другаго походилъ совершенно: по для чего жъ бы не такимъ же образомъ познавать намъ и богатство слова? Если бы дозволяло время сравнить между собою мѣста, въ которыхъ Горацій подражалъ Пиндару, что учинилъ нѣкто Французскій писатель Блондель, то оказалось бы, что Горацій болѣею частію и тогда гораздо ниже Пиндара.

Пусть вступитъ теперь третія пара Димосѣенъ и Цицеронъ, величайшіе изъ всѣхъ извѣстныхъ ораторы, послушаемъ сравнивающаго ихъ между собою Квинтиліана, который и въ состояніи былъ сравнивать ихъ между собою, и по моему мнѣнію учинилъ по весьма справедливо, безъ всякаго одного передъ другимъ благопріят-

япствія ; Димосѣеновы говоря и Цицеро-  
новы дарованія многія, думаю, между собою  
сходны, какъ-то разсужденіе, порядокъ  
раздѣленія, пріуготовленій, образъ дока-  
зательствъ, и наконецъ все, что отно-  
сится можетъ къ изобрѣпенію. Но въ  
слогѣ есть различіе: Димосѣенъ короче, а  
Цицеронъ обильнѣе; тотъ заключаетъ пве-  
рже, а сей возражаетъ обширнѣе; въ томъ  
больше оспроты, а въ семъ важности; у  
того ничего убавить, а къ сему ничего приба-  
вить не можно: въ томъ больше искусства,  
а въ семъ природнаго дарованія. Оспро-  
тою же въ шушкахъ и искусствомъ скла-  
няятъ къ сожалѣнію, Цицеронъ сими двумя  
дарованіями безъ сомнѣнія превосходитъ  
Димосѣена. Нѣтъ у него эпилоговъ, мо-  
жетъ быть по тому, что они были не на  
вкусъ народа: но разныя свойства Латин-  
скаго слова намъ не дозволили, и намъ упо-  
треблять того, что хорошимъ почитаютъ  
Аптики. Въ письмахъ же хотя мы ихъ  
имѣемъ и того и другаго, нѣтъ никакого  
спору. Но Димосѣену должно отдать пре-  
имущество въ томъ, что онъ былъ пре-  
жде, а большею частію сколь ни великъ  
Цицеронъ, сдѣлалъ его такимъ. Ибо мнѣ  
кажется, что Маркъ Туллій всего себя пре-  
давъ подражанію Грековъ, выразилъ силу  
Димосѣену, изобиліе Платоново и прія-  
тностъ Исократову всѣмъ оное, что въ  
каждомъ изъ нихъ изящно, снискалъ онъ не



однимъ шокмо раченіемъ, но многія, или паче сказать, по щаспливой плодовитости всѣ такія дарованія безсмертнаго своего ума произвелъ самъ изъ себя.

Превосходитъ же Цицеронъ еще и шѣмъ, что онъ и въ нравоучительномъ родѣ писанія подалъ совершеннѣйшій примѣръ, въ которомъ Димосѣенъ не писалъ ни спрочки. Почему я иногда весьма приклоненъ къ тому, чшобъ преимущество отдашь Цицерону. Но отъ сего удерживаетъ меня во пе выхъ и самъ Цицеронъ, который говоря о себѣ и о Димосѣенѣ, самъ его поставляетъ вышшимъ себя. Во вшорыхъ, что въ рѣчахъ Димосѣеновыхъ всякаго рода высокаго, средняго и низкаго находятся совершенные образцы: изъ чего вѣрояшнымъ кажется то, что Димосѣенъ, ежелибъ принялся за учительной родѣ писанія, оказалъ бы себя превосходнымъ и въ ономъ, особливожъ когда имѣлъ Платона учителемъ. Чшожъ намъ ошалося дѣлать въ такомъ случаѣ? Кого объявимъ изъ нихъ побѣдителемъ? Въ такихъ обстоятельствахъ ошается самое лучшее средство подражать стихотворцамъ, которые, когда не знаютъ окончанія брани, рѣшеніе сраженія оставляютъ ночи, и считаютъ его равнымъ боемъ.

Ошалося намъ теперь разобрать споръ о преимуществѣ Туцидида съ Ливіемъ, который будетъ не продолжителемъ. Ибо одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не пло-

дитъ

випѣ на словахъ, а другой кратку быль понудилъ наспящее время. Объявляетъ же Туцидидъ вѣрность свою и раченіе какъ въ собираніи дѣлъ, изъ копорыхъ онъ составилъ свою исторію, такъ и въ самомъ описаніи. Помомъ представляетъ свое благо-разуміе въ гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ, долговременнымъ упражненіемъ снисканное; ибо онъ былъ одинъ изъ начальниковъ республики Аѣинской, и предводитель войска въ Пелопонезскую войну; послѣ показываетъ онъ слогъ свой красивый, но краткій, политики и войны достойный, копорый печется о вещахъ, нежели о славахъ; наконецъ Туцидидъ представляетъ, что онъ собою первый подалъ примѣръ, какимъ образомъ Прагматическую Исторію, чему всѣ послѣ его Историки подражать хотѣли. Всѣ сіи преимущества въ Туцидидѣ признаетъ Ливій: но приметомъ онъ сказываетъ, что вѣрность его въ повѣствованіи и прилѣжаніе въ предлаганіи причинъ, вписываемыхъ имъ дѣяній, и во всемъ прочемъ, что свойственно Прагматической Исторіи, не меньше Туцидидовыхъ, родъ же писанія безъ сомнѣнія лучше. Да и по-длинно вѣрность въ Туцидидѣ явнѣе; ибо онъ объемлетъ кратчайшее время, протекшее токмо въ его жизнь: Ливіевужъ вѣрность узнать труднѣе, по тому что онъ предлагаетъ Исторію шоль многихъ вѣковъ; однакожъ при всемъ томъ они не





меньше извѣстны искусствомъ въ дѣлахъ. Туцидидъ несравненно больше Ливія: но Ливій знаніе того искусства въ гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ снискалъ своимъ спараніемъ, взявъ оное изъ Историковъ, какъ то изъ Полибія, и другихъ тому подобныхъ. Въ писаніижъ Исторіи за равное почитается, какбы то ни было, только чтобъ узнать подлинныя причины дѣяній. Впрочемъ въ Туцидидѣ весьма великой порокъ есть тотъ, что онъ не только въ повѣствованіи, но такоужъ и особенно въ политическихъ рѣчахъ надъ мѣру столь коротокъ и высокъ, что и сами ученые люди съ трудомъ постигаютъ его мысль, что онъ изъ всѣхъ Греческихъ прозаическихъ писателей, сколько я ихъ знаю, самой не вяшней. Въ повѣствованіижъ и народной рѣчи главною доброю почитается ясность соразмѣрная съ равною оной пріятностію; слогъ его украшенъ оспрыми и замысловатыми рѣчами, однакожъ не заглушенъ ими: въ политическихъ же его рѣчахъ во всѣхъ оказывается не вѣроятное краснорѣчіе; словомъ сказать, все въ немъ весьма согласно и пристойно описываемымъ лицамъ и дѣяніямъ. Почему, какъ мнѣ кажется, Ливій превосходитъ Туцидида ежели не всѣмъ, то конечно пріятностію и пользою.

По окончаніи сего прѣнія, тѣ, кои предъ Вами, Свѣтлѣйшіе Князья, спорили о премь:

имуществомъ, приносятъ Вашей Свѣтлости величайшее благодареніе за терпѣливое и благосклонное ихъ выслушаніе, утверждая припомъ свято, что щасливо случившійся споръ ихъ въ Вашемъ присутствіи считаютъ они пріятнѣе и важнѣе всякой побѣды. Яжъ съ моей стороны всеусердно желаю, да добродѣтелей Вашихъ и дѣлъ, какія нѣкогда окажете въ мирное или бранное время, будутъ таковы провозвѣстники, каковы тѣ, коихъ по приказанію Вашему сравнивалъ я между собою.

\*\*\*\*\*

## VI.

### РАЗГОВОРЪ

*Монтескія съ Честерфильдомъ.*

*Монтескю* и *Лордъ Честерфильдъ* были въ одно время въ Венеціи, и часто спорили о превосходствѣ своего народа: одинъ превозносилъ веселость и быстроту своихъ, другой хладный разумъ своихъ согражданъ. Въ одинъ день вошелъ не знакомый чело-вѣкъ въ горницу къ *Монтескю*, который собиралъ уже тогда примѣчанія для безсмертныя своей книги. Я другъ вашего народа, сказалъ не знакомецъ, для того что я долго жилъ во Франціи, и со мною тамъ столь хорошо поступали, что я понынѣ охотно всякому Французу служу. И въ семъ состоитъ намѣреніе моего посѣщенія. Вы, продолжалъ онъ, опаснымъ весьма любопытствомъ побуждаемы, а сего ни-



гдѢ меньше не терпятъ, какъ въ Венеціи. Вы обо всемъ, что гдѢ происходитъ, спрашиваете. Вы желаете извѣдать тайности, и мнѢ извѣстно, что у васъ много есть записаннаго — можетъ быть для употребленія иностраннаго какого нибудь Двора; ибо такъ разсуждаетъ о вашей поступкѣ тайный совѣтъ, который нынѣ поутру опредѣлилъ васъ на сихъ дняхъ взять подъ караулъ. Остерегитесь. Не знакомый удался. Монтескю пораженъ симъ извѣстіемъ, бросилъ всѣ свои бумаги въ огонь, побѣжалъ къ Честерфильду, чтобы рассказать ему сіе приключеніе. — Я думаю, сказалъ сей, подумавъ нѣсколько, что сіе приключеніе рѣшитъ насъ споръ; ибо равнодушный Англичанинъ разсмотрѣлъ бы дѣло обстоятельнѣе.

*Монтескю.* И тѣмъ безразсудно подвергнулъ бы себя опасности.

*Честерфильдъ.* Опасность сія мнѣ не такъ близкою кажется. Ибо подумайте сами, вѣроятно ли, чтобы имѣющій довѣренность отъ тайнаго совѣта, столь легко рассказалъ не знакомому его опредѣленіе, и чтобы изъ благодарности къ Французской учтивости отважился онъ въ Италіи потерять голову

*Монтескю.* Какое же было бы намѣреніе сего человѣка?

*Честерфильдъ.* Обмануть васъ, можетъ быть; можетъ быть былъ это какой нибудь побродяга, искалъ случая васъ обокрасть. —

*Монъ.*

*Монтескю.* Ну, такъ ему сіе не удалось.

*Честерфильдъ.* Однако вы сожгли свои бумаги: это сдѣлали вы очень поспѣшно. Имѣя же Аглинское хладнокровіе, лучше приняли бы все сіе за одну шутку.

*Монтескю.* За шутку?

*Честерфильдъ.* Всеконечно, любезный Баронъ: ибо мнѣ стоить шутка сія двухъ цехиновъ.

Не знакомый былъ мой поршней, и онъ съ лишкомъ исправно сыгралъ лице свое.

\*\*\*\*\*

## VII.

### РАЗГОВОРЪ

*Съ самимъ собою Вольнодумца ночью.*

**Б**езпреспанная брань спраспей, и воспаніе давно побѣжденныхъ желаній — Боже! когда будетъ миръ въ душѣ моей.

Разумъ же мой, какой медлишельный противуборникъ! нужно ли когда употребить его, по сколь долго принужденъ бываю призывать его отъ любомудрія своего. Не требую я больше ничего, кромѣ зримаго очами; но они не дѣйствительны для удаленныхъ предметовъ.

Не отступаешь отъ меня привидѣніе умерщвленной моей непорочности. Не знаю, обитала ли она въ какомъ тѣлѣ? Отъ начала ли творенія пребываетъ она единымъ привидѣніемъ, или по едино дѣйствіе восстающихъ паровъ отъ вечерняго пиршества, въ безднѣ мозга моего бродящихъ?



Охотно желаю о всемъ сомнѣваться ; испытаніе да запутываетъ умы Философовъ .

Да будетъ истинною то , чего оспроуміе желаетъ ; ему единого облака довольно для разліянія разноцвѣтныхъ лучей своихъ .

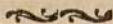
— Но добродѣтель ; ужасно помыслишь , безпрестанное прехожденіе отъ добра ко злему , и отъ зла къ добру . Спрашно въ одинъ день быть при раза святымъ , и прижды злодѣемъ .

Почто осужденъ я вѣдать согласіе характера , и чувствовать каждое разногласіе , ежели жизнь моя есть смѣсь разныхъ звуковъ , раздирающихъ дѣшу . Проклятое оспрозрабнѣніе во внутренность самого себя , гдѣ безпрестанно вижу то , чего бы видѣть не хотѣлось .

Завидно мнѣ состояніе раба моего , и желудка его ; онъ безпечно храпитъ , и жизнь свою такъ проводитъ ; и еще улаждается во снѣ , мечтая себя быть добродѣтельнымъ .

Когда же буду я спокоенъ ! — Придетъ ли когда день мздовоздаянія и наказаній за дѣла настоящаго времени ? А ежели придетъ , что противоположитъ тогда вѣрный Судія дѣламъ моимъ на вѣсахъ справедливости ? Спремленіе мое къ добру , или вѣчную нравственную красоту ? Истинную , или мою добродѣтель ?

— Ахъ скучная ночь ! коль долго медлитъ прійти утро !





УТРЕННІЙ  
СВѢТЪ,  
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

*Мѣсяцъ Ноябрь.*





---

# О Г Л А В Л Е Н І Е.

## ПАСКАЛЕВЫ МНѢНІЯ.

	спран.
ГЛАВА О щастіи и нещастіи -	181
— О гордости и честолюбіи -	196
— О зависти - - - -	205
— О сапирѣ и поношеніи -	209
— Худые насмѣшники - -	213
— Любовь и дружба - - -	216
— О благоразуміи - - - -	225
— О игрѣ - - - - -	227
— О тяжбѣ - - - - -	230
— Благодѣнія, благодарность и не- благодарность - - - -	239
— Особливыя мнѣнія - - -	247
Объявленіе отъ Издашелей Жур- нала Ушренняго Свѣща -	264

---

OTAKA RAILWAY

MARKETABLE SHARES

No.	Name	Shares
1	Mr. A. B. C.	100
2	Mr. D. E. F.	200
3	Mr. G. H. I.	300
4	Mr. J. K. L.	400
5	Mr. M. N. O.	500
6	Mr. P. Q. R.	600
7	Mr. S. T. U.	700
8	Mr. V. W. X.	800
9	Mr. Y. Z. A.	900
10	Mr. B. C. D.	1000



# У Т Р Е Н Н Ъ Й С В Ъ Т Ъ .



(Продолженіе Паскалевыхъ мнѣній).

Г Л А В А 13.

О

*Щастіи и несчастіи.*

**В**ласть, которую приписываютъ щастію, есть ничто, да и щастіе самое только одинъ вымыселъ.

Надобно быть безбожну, когда почитать, что есть судьба, щастіе, незапной случай, или припадокъ: то, что приключается людямъ сверхъ ихъ чаянія, дѣлается только неисповѣдимымъ промысломъ Божиимъ. Сколь много разоренныхъ государствъ, сколько упадковъ и несчастій, почтены были дѣйствіями разгнѣванной Фортуны, однакожъ въ томъ обманываются; Фортуна, выдуманное сіе божество, никакого участія въ томъ не имѣетъ. А мы должны признавать, что Богъ допускаетъ всѣ сіи перемѣны, чтобъ содержать людей въ страхъ.

Щастіе имѣло прежде сего храмы, а нынѣ имѣетъ оно подлинныхъ обожателей.



Мы уже подлинно не въ тѣхъ временахъ, въ копорыя посвящали публичныя мѣста къ обоженію Фортуны. Приносятъ ей жертву тайно. Тщеславіе спрости ей храмы, въ копорыхъ усердную хвалу ей возсылаютъ.

Щастіе производитъ больше лицемѣровъ, нежели оныхъ есть въ самой вѣрѣ. Ежели бы набожность съ помощію разума, науки, мужества и достойства, не была предводительницею къ достиженію милости, то бы мало было набожныхъ.

Говорятъ, что щастіе перемѣняетъ нравы; а мнѣ кажется, что оно болѣе ихъ открываетъ; пока надѣются получить какую нибудь прибыль, то думаютъ, что принимаютъ приличныя мѣры, и все то скрываютъ, дабы лучше обмануть тѣхъ, копорые захотятъ насъ произвести. Когдажъ они то получаютъ: то показываютъ себя таковыми, какъ они есть.

Крезусъ будучи въ проспомъ состояніи, никакого не имѣлъ порока; но только что изъ онаго вышелъ, то не осталось ни одного порока, котораго бы справедливымъ образомъ приписать ему было не можно. Чтожъ тому причиною? Не усматриваете ли вы сами, что ему уже нужды нѣтъ припворяться; щастіе его совершилось, на чтожъ ему инакимъ казаться?

Полагать надлежитъ, что Крезусъ, будучи въ возвышеніи своемъ гордъ, не милосердъ

сердѣ и скупѣ, имѣлъ уже оныя недостатки, но только что ихъ не оказывалъ и удерживалъ ихъ стремленіе: униженіе покрывало его гордость; припворная ласка таила въ немъ природную его жестокость, по потребности же чивости скупость его скрывали; а какъ шастіе пришло, то лукавство лицемеря сего открылось, и спалъ онъ въ настоящемъ своемъ видѣ.

Скажемъ всѣ, что многіе думали бы не имѣть переменны въ шастіи, естлибъ въ нравахъ ихъ переменѣ не происходило. Крѣпко утверждають, что въ знапности не надобна добродѣпель, а только въ бѣдномъ состояніи она пристойна. Заблужденіе сіе утверждають многіе пѣхъ, которые знапности достигли.

Какъ шастіе глупо въ своемъ выборѣ! одни оказавъ знапныя услуги, спраждушъ въ безызвѣспномъ состояніи, другіежъ за посредспвенной храбрости дѣло, или за одно дерзновеніе награждены бывають: такъ идутъ дѣла въ свѣтѣ. Привыкши къ такому переменамъ, удивляюсь, что они еще намъ спранными могутъ казаться.

Фортуна довольно была прокляпа людьми, когда они узнали глупость ея выбора. Скрываетъ она иногда между народомъ обладателя свѣща; многіе изъ пѣхъ, которыхъ мы видимъ, достигшихъ до блистающей знапности, были наши сверстники и наши подчиненные. Они достигли ша-





стія своего, не искавши, пропивъ воли ихъ дѣлаютъ знашными; а насъ сіе безпокоитъ.

Древніе люди справедливо клали зеркало у ногъ Фортуны; когда находятся въ знашномъ состояніи, тогда бѣгаютъ себя, боятся на себя сморѣть, и о себѣ не пекутся: многія бы причины уменьшили по воображеніе, которое мы о щастіи своемъ имѣемъ; убѣгаютъ встрѣчаться и съ тѣми, которые щастія лишились. Нещастія другихъ долженствовалибъ исцѣлять насъ отъ высокоумія; но увы! они только болѣе насъ надмеваютъ. Высокомѣрный представляетъ себѣ Фортуна такую постоянную богинею, которая никогда ему не измѣнитъ. Худые случаи думаетъ отъ себя быть опдаленными, а хорошихъ успѣховъ надѣется; можно ли льстить себя сполько? Надобно глаза только открыть, чтобъ увидѣть въ упадкѣ придворныхъ, въ ненависть пришедшихъ Министровъ, и униженныхъ знашныхъ, отъ собственнаго ихъ дерзновенія, или отъ своенравія Принцовъ. Сей щастливой ничего этого не видитъ; положилъ онъ зеркало у себя подъ ногами, или лучше сказать, онъ ослѣпился.

Саллюстій объявляетъ, что Фортуна владычествуетъ надъ всѣмъ, что она всѣ вещи дѣлаетъ славными, или ихъ помрачаетъ, болѣе отъ своенравія, нежели по справедливости: это истинна, что того  
уже

уже нѣтъ, что миновалось: Фортунажѣ не можетъ ни дать челоуѣку искусства, ниже отнять у него оное; по жѣ разумѣется о честности, и другихъ хорошихъ душевныхъ качествахъ. Я о щастіи говорю такъ, какъ о немъ разсуждаютъ въ свѣтѣ, утверждаясь на тѣхъ правилахъ, о которыхъ я упоминалъ, то есть: что челоуѣкъ достигши значности, оказываетъ себя разумнымъ съ тѣмъ, чтобъ до большей значности еще достигнуть? Для чего иной лишася хорошаго мѣста, показываетъ себя не въ состояніи поправиться отъ своего паденія? Отъ чего добродѣтельной сей простолоудинъ въ щастіи себя испортилъ; а сей дѣльной челоуѣкъ предъ симъ споль пронирыливой, теперь же до крайности дошедшій, спалъ безразсуденъ и безпопечителенъ; признаемъ же власть Фортуны какъ надъ великими чинами, такъ и надъ великими господами.

Я ничего не нахожу, чтобъ было болѣе подвластно щастію, какъ добродѣтель. Переменны, происходящія отъ ней, не въ томъ только состоятъ, чтобъ недостойнаго сдѣлать значнымъ, но еще и разумнаго и добродѣтельнаго челоуѣка жестокимъ и безбожнымъ; это обыкновенная щастія шутка.

Щастіе дѣлаетъ насъ не благодарными, безобразными и не милосердыми: рѣдко производитъ она значное дѣло, не производя жестокосердаго урода, и совершенно



усумнятся, чтобъ добродѣтель была въ ея власти?

Люди хотѣли бы, чтобъ щастіе желанія ихъ предупредило: умедленіе его ихъ оскорбляетъ. Въ одинъ день хотѣлибъ они достигнуть тѣ чести, до которыхъ чрезъ многолѣтныя труды доходятъ; желалибъ они получить богатства, какъ скоро ихъ захотѣли. Не такимъ порядкомъ идутъ дѣла въ свѣтѣ. Надобно время, чтобъ оными наслаждаться, владѣющъ оными только минушу, и скоро ихъ опять теряющъ. Вотъ если не извѣстны вамъ правила къ достиженію значности, и сколь долго она продолжиться можетъ.

Есть нѣкоторое особенное усердіе, которое удостоиваетъ насъ милости Фортуны. Она съ пренебреженіемъ смотритъ на тѣхъ, которые ослабѣваютъ, а пребудетъ щастельныхъ людей, которые бы богатства ея прилѣжно сыскивать старались; инакожъ она огорчившись дѣлается непріятельницею къ безпристрастному, довольно наказанному за его холодность, отказаніемъ успѣха во всѣхъ его предпріятіяхъ.

А хотя видимъ, что она награждаетъ благодѣянiami своими и не усердныхъ, которые того не заслужили: изъ того еще не можно ничего разсуждать о ея благосклонности: тогда прославляется она только своимъ великодушіемъ, награждая впередъ за будущія ихъ попеченія.

Всѣ безѣ извѣстія пекутся о своемѣ сча-  
стїи. Естьли безѣ труда онаго достига-  
ютѣ, то съ трудомѣ удерживать его мо-  
гутѣ. Одно стоить другаго.

По большей части не достаетѣ у лю-  
дей двухѣ вещей въ счастья. У однихѣ  
того, чтобѣ изрядно его прїобрѣсть; а  
у другихѣ, чтобѣ разумно имѣ пользова-  
ться.

Я не дивлюсь счастию богатыхѣ людей,  
а дивлюсь только тому, какѣ они его упо-  
требляютѣ. Хвала, которую имѣ возда-  
ютѣ, мнѣ не кажется, естьли мнѣ не ска-  
жутѣ, что они тѣмѣ пользуются съ осо-  
бливою умѣренностию.

Сколь много возвышенныхѣ людей, у  
которыхѣ не достаетѣ только одной вещи,  
и точно той, отѣ которой зависитѣ ихѣ  
благополучіе, то есть, умѣренности.

Бездѣлица споспѣшествуетѣ нашему воз-  
вышенію, малость же самая и гибель  
нашу совершаетѣ. Сдѣлавѣ нѣкоторое уго-  
жденіе значному господину, оказавѣ нѣ-  
которую прїлѣжность или радѣніе кѣ его  
услугѣ, а многіе и того не сдѣлавѣ про-  
изошли; толикоежѣ число людей и въ не-  
счастіе пришли отѣ недоспаточныхѣ по-  
ступокѣ, отѣ малой неосторожности, или  
отѣ нѣкоторой холодности въ почтенїи.

Засыпаятъ въ счастья, думая, что ни  
въ чемѣ нужды не будетѣ, и жить въ не-  
нарушимой тишинѣ, съ восхищеннымѣ серд-



цемъ въ изобиліи щастія: не сáмой ли истинной Квізизмъ.

Фортуна ничего не даетъ, но только на время ссужаетъ: она на другой день требуетъ у своихъ любимцовъ того, что казалось она на вѣкъ имъ отдавала.

Самыя темныя ночи послѣ ясныхъ дней бывають. Буря вдругъ сдѣлается при самой тишинѣ и ясности неба. Слабое изображеніе пышностей свѣта, благополучіе человѣческое по видимому не нарушимое, разрушается однакожъ въ кратчайшее время, нежели я о немъ выговорилъ.

Когда долговременная и пріятная жизнь, веселые годы, и благополучные вѣки въ книгѣ премудрости сравнены только съ тѣнью, которая уходитъ; съ вѣстникомъ, которой исчезаетъ; съ кораблемъ, которой быстрыя воды раздѣляетъ; съ пшцею, которая слѣдовъ не оставляетъ; съ стрѣлою, которая воздухъ тонко разсѣкаетъ: къ чему жъ примѣнимъ мы щастіе, которое такъ мало продолжается въ жизни нашей, или лучше скажу, которое не продолжается болѣе одной минушы? Я довольно по испытать могъ.

Когда мы упадаемъ, то обыкновенно сами бываемъ тому причиною; когдажъ восходимъ, то рѣдко, чтобъ мы благополучію сему собственною своею заслугою споспѣшествовали.

Напрасно въ своихъ безпорядкахъ на другихъ пеняютъ. Мы жалуемся на злость завидливыхъ, на легкомысліе принцовъ; представляемъ забытыя услуги, пренебреженныя знатныя дѣла, не справедливую немилость, и продолжительное несчастіе; но можемъ ли мы сказать, чтобъ мы того не заслужили? Заслуги наши столько ли знатны, чтобъ въ вѣкѣ за то награждаемы были? Услуги сіи, которыя мы столько превозносимъ, славныя сіи дѣла, кощерыми мы хвастаемъ, такъ ли порядочны были, чтобъ намъ ни чѣмъ себя упрекнутьъ было не можно? Терпимъ мы долгое время, но чтожъ сдѣлали мы, чтобъ не терпѣть болѣе? Наши безпрестанныя роптанія, злорѣчіе наше противъ Принцовыхъ поступокъ, покушенія наши къ гибели искреннихъ нашихъ пріятелей производятъ ли въ насъ раскаяніе?

Найдется ли хотя одинъ придворной, который бы чрезъ гордость въ благополучіи, и роптаніе въ несчастіи, чрезъ невѣрность своему Принцу, или своимъ пріятелямъ, не доводилъ самъ себя до переменъ своего щастія?

Съ какою жалостію могутъ описывать свое несчастіе, дабы другихъ тѣмъ побудить къ сожалѣнію! я всего лишился, говоритъ несчастной, и Фортуна навела мнѣ только жестокое опчаяніе. Когда такъ опчаяваются, то оное не отъ того, чтобъ





не было никакой надежды, но болѣе отъ того, что всего имѣнія поперяшь бояться.

И самые несчастнѣйшіе люди не могутъ сказать, чтобъ несчастіе ихъ подлинно было великое; ежели это такъ, то для чего говорить, что совсѣмъ пропали?

Лишась чести, имѣють богатство, богатство поперявъ, бываютъ здоровы, наконецъ и здоровье поперявъ, имѣють познаніе истинны. Чтожъ было бы, естьлибъ съ лишеніемъ чести и богатства, спрадая припомъ въ безчисленныхъ болѣзняхъ, и не познавать Бога? Вотъ, что я почитаю подлиннымъ несчастіемъ.

Нѣтъ посредственнаго паденія для высокихъ особъ. Если они упадаютъ: то упадаютъ уже спремительно; попрясенія ихъ жестоки, низверженіе ихъ дѣлаетъ великой громъ; мученіяжъ, которыя они претерпѣваютъ въ несчастіи, превосходятъ пріятности прежняго ихъ состоянія. Могущіе могутъ и казнь примутъ. Истинна сія пребываетъ какъ въ семъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ.

Конечно прошивъ меня ропшати будутъ, если я предприиму доказывать, сколь несчастенъ тотъ, кто никогда не счастливъ не былъ. Ничто такъ не справедливо, какъ это. Сенека прежде меня уже о томъ сказалъ, и никто мнѣнію его не прекословилъ. Ощущаютъ ли сладости благо-

Благополучія, которое шло ненарушимо? Не испытавъ суровостей нещастія, могутъ ли обладать собою въ благополучіи? Нѣтъ, конечно не могутъ.

Это не наслаждаться веселіемъ, когда въ немъ бышь непрерывно; не испытавъ огорчительныхъ минуць, въ половину только чувствуютъ сладость пріятнаго время.

Опытъ нещастій, случающихся въ свѣтѣ, пріучаетъ насъ терпѣливѣе сносить оныя. Щасливымъ людямъ, которые къ изобилію привыкли, наимаѣйшее нещастіе болѣе чувствительно, нежели другимъ саможесточайшія печали. Знаете ли для чего? Я васъ потчасъ увѣдомлю. Надобно тогда укрѣпить себя терпѣніемъ, оставить самолюбіе, и привести себя въ шу посредственность, которая до того была не извѣстна, ушѣвшись въ своихъ нещастіяхъ, и поставлять себѣ благополучіемъ то, что не сноснымъ казалось; все оное стоить не малаго терпѣнія.

Я жалѣю о тѣхъ, которымъ всегда щастіе служило. Въ семъ спокойномъ состояніи возбуждаются спраси, сласполюбіе беретъ власть, сердце становится домомъ гордости, умираютъ въ семъ жалкомъ уныніи, естли не бываютъ наказаны нещастіемъ.

Хорошіе успѣхи портятъ, мало людей достигаютъ чести не отступая отъ до-



добродѣтели. Мало жъ въ высокихъ чинахъ соблюдаютъ и ту доброжелательную склонность, которая была природна. Щастливой думаетъ, что онъ только для себя родился, и для себя одного дѣлается полезнымъ.

Достигая до той степени чести, въ которой находятся, съ пріятностію управляющъ свою должность: добродѣтель отъ щастія перемѣнилась. Болѣе становясь безбожными, нежели были добродѣтельны. Бываютъ горды чрезъ мѣру, скупы, или совсѣмъ роскошны, ужь не шакovy бываютъ, какъ были прежде, къ возвращенію жъ своей прежней добродѣтели, несчастіе необходимо пошребно.

Тѣ, которыхъ щастіе унижитъ, приходятъ иногда въ свои границы; тѣ жъ, коихъ оно ласкаетъ, скоро выходятъ изъ оныхъ, и не инако опять въ нихъ вступаютъ, какъ чрезъ приключившееся имъ вновь несчастіе.

Во всякомъ недостаткѣ есть нѣкоторое изобиліе. Чегобъ не доставало у шакого челоуѣка, которой ничего не имѣетъ? Всего. И это самое чинитъ его совершенно богатымъ, по тому что не имѣетъ онъ сокровищъ, копорыябъ его безпокоили, ни чиновъ, копорые имѣя, надлежитъ заботиться, ни веселостей, копорыхъ грѣховное наслажденіе сердечное мученіе емубъ наносило. Разсужденіе сіе не приходитъ на

на умѣ шѣмѣ, которые не за велико почитаютъ выгоду отъ спраспей извѣяпаго сѣрдца.

Вѣ изобиліи же богатствѣ есть не прерывныя бѣдствія, и ужасная пустаа удо-вольствія. Всего не достааетъ у такоаго челоѣка, коаорой все имѣетъ. Изобиліе умножаетъ только ненасытное его желаніе. Чѣмѣ болѣе онѣ имѣетъ, тѣмѣ болѣе желаетъ. Желанія его замѣшательство ему наводятъ, наслажденія его не насыщаютъ, завидуетъ тому, чего у него нѣтъ, а что есть, тѣмѣ не доволенъ. Не справедливо ли первое мое разсужденіе?

Тысяща челоѣкѣ лишались славы, и ежелибы щастіе опять къ нимѣ пришло, конечнобѣ ужѣ они его хранили, какѣ бы оно ихѣ ни изгоняло. Легко можно узнать по-тому причину. Хорошая жизнь вѣ разслабленіе иныхѣ приводитъ; другіежѣ упрямо слѣдуя своей судьбинѣ, утверждаютъ о себѣ по хорошее мнѣніе, коаорое обѣ нихѣ имѣютъ.

Нещастіе показываетъ намѣ вѣ по-чность челоѣка; открываетъ оно намѣ великость души его; напротивѣ же того щастіе показываетъ только, что онѣ благополученъ. Прежде упадка Саніонова, знали ли пвердость его духа и безпристра-стіе къ блистающимѣ вещамѣ? Почитали его богатымѣ, сильнымѣ, а не болѣе.



Надобно имѣть болѣе мужества къ перенесенію радости, происходящей отъ великаго щастія, нежели терпѣнія въ жестокомъ несчастіи. Здѣсь нѣтъ горести, которая бы не имѣла утѣшенія, и нѣтъ наслажденія, которое бы не подвержено было печали. Несчастной утѣшается, когда печаль его проходитъ, и даетъ наступать малой отрадѣ; потѣ же напропивъ того, которой думалъ, что щастіе будетъ нарушено, сердится и себя беспокоитъ, почитаетъ за крайнее непостоянство наима-лѣйшую онаго перемену.

Несчастіе разумнаго человѣка никогда не можетъ быть велико. Онъ при отчаяніи самъ въ себѣ находитъ утѣшеніе. Разсужденія и разговоры, которые онъ можетъ имѣть о своихъ несчастіяхъ, также примѣры злоключенія, которые онъ себѣ представляетъ, всѣ свѣтскія переменны, неудобность отвращать худые успѣхи, и невозможность удерживать великое щастіе; все сіе производитъ въ немъ неисчерпаемой ключъ утѣшенія, котораго нѣтъ у людей не столь разумныхъ. Тѣ, которые позво-рище свѣта пріятнымъ себѣ воображаютъ, увеличивая онаго тлѣнность, тщетно разсуждаютъ о пріятностяхъ его, и не могутъ умѣрить печали увеличенной словами.

Когда вы не щастливы, то о настоящихъ своихъ благополучіяхъ такъ худо



жудо себѣ представьте, чѣмъ вы увѣритесь могли, что и имѣючи оныя, вы бы только слабыя выгоды имѣли.

Видѣвъ себя въ изобиліи, ослѣпляюща въ собственныхъ своихъ надобностяхъ, дѣлаютъ себѣ пустыя воображенія, не радѣя о истинныхъ; упадши же видятъ, что не снабждали себя потребнымъ.

Кто безъ наглости жилъ въ щастіи, тотъ легче можетъ сносить нещастіе. Умѣютъ сносить нещастія, когда благополучіемъ своимъ наслаждались умѣли.

Сколь похвально разумно быть въ великомъ щастіи, столько достойно и мужество въ снесеніи нещастія.

Хорошіе успѣхи побуждаютъ тщеславныхъ предпринимать шѣжѣ мѣры, чрезъ копорыя они достигли до высокой степени. Но паденія не напоминаютъ имъ, что и съ ними нещастіе послѣдовать можетъ. Кто видитъ довѣренность Сеяна, богатства Крезусовы, благополучіе Югурты, старается быть столькожъ могущимъ, богатымъ и щастливымъ, не думая умѣрять себя въ возвышенномъ сословіи, копя знаютъ каковы были конецъ Сеяна, мученіе Крезусово, посрамленіе и пльнѣ прочихъ.

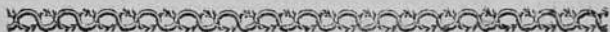
Нещастные посмѣяны бывають. Весь свѣтъ равно со мною знаетъ пому причину. Почитають только шѣхъ, копорые служатъ могутъ. Достоинствомъ на-





зываютъ, кто хипростію происходитъ, а нещастіе въ порокъ вмѣняютъ.

Я ничего теперъ не помню, какъ только что я раздавалъ, говорилъ Маркъ Антоный, дабы упѣшить себя въ нещастіи. По-забываютъ великодушными себя вести въ благополучіи; думаютъ не поколебимыми быть въ щастіи; не радѣютъ снискивать пріятелей, но сколько же сурово и наказаны они бываютъ за свое корыстолобіе, пришедъ въ нещастіе, всякая помочъ тогда потребна, но никто ужè къ тому не явится. Тѣ, копорымъ многія добродѣтели оказаны, чуть чувствуютъ паденіе своего благодѣтеля: чегожъ ожидать отъ тѣхъ, коихъ пренебрегали, или никакихъ услугъ имъ не оказали?



## Г Л А В А. 14.

О

### *Гордости и честолювіи.*

**Н**ичто не можетъ такъ быть не сносно, какъ гордость щастіемъ подкрѣпленнаго человѣка; благополучіе его восхищаетъ; онъ глупъ и презирающъ; доступъ къ нему труднѣе нежели къ Государю; милость, копорая отъ него зависитъ, снискивается чрезъ долгое время чрезъ безпрестанныя униженія и чрезъ многія прозьбы. Го-

Гордость знатныхъ людей сноснѣ бытъ можетъ; природа извиняетъ ихъ высокомеріе; какъ съ ними не имѣютъ тѣснаго обхожденія, то и не удивительно, что они рѣдко сообщество имѣютъ. Но оное не простиительно такому человѣку, которой къ недостаткамъ грубаго воспитанія приобщаетъ и тѣ, которыя въ знатности имѣютъ.

Негодуютъ на суровой пріемъ сего судьи, которой изъ купечества попалъ въ господство; жалуется на суровость сего Рентъ-мейстера, который только что служилъ началъ: такіе-то люди и не приступны.

Хвастунъ превозносится бездѣлкою. Вы по комнатамъ узнаете сына *Сантипатера*, которой съ пренебреженіемъ смотритъ на тѣхъ, которые хуже его камзолы на себѣ имѣютъ. Сумазбродной приходитъ въ церковь съ множествомъ молодыхъ боярынь. Не надобно стульевъ, кричитъ онъ, не подавайте никому, чтобъ изъ того ни послѣдовало, я такъ хочу! Ему стулъ приносятъ; онъ садится, и насмѣхается въ глаза ступъ стоящимъ. Другой же въ комедіи занимаетъ мѣсто на театрѣ, заплачя два ефимка, и съ пренебреженіемъ смотритъ на партеръ. Вотъ изрядные примѣры тщеславія!

Можно ли бытъ не справедливѣе сего вѣка, гдѣ ученой не опмѣненъ отъ про-



сполюдина, умной отъ дурака; о семъ-то объявляетъ упрежденный своимъ достоинствомъ авторъ. Прямо можно обличать нравы своего вѣка, не похлестывая несправедливости безприсрасптіемъ, которое извинительно быть не можетъ. Самые гордѣйшіе не похвалятъ въ другихъ надменность. Чѣмъ больше мы собою надуты, тѣмъ больше гордость другихъ намъ не сносна. Желая надъ всѣми превознесись, не сперпимы усильствія тѣхъ, кои сами надъ нами возмѣришься желаютъ.

Напрасно несчастные себя превозносятъ. Они съ досады говорятъ, будто они ни въ комъ нужды не имѣютъ. Въ несчастіи во всѣхъ есть нужда, въ однихъ для утѣшенія, а въ другихъ для дѣйствительнаго вспоможенія своимъ несчастіямъ.

Я лучше извиняю гордость несчастныхъ, нежели благополучныхъ людей. Это утѣшеніе, котораго не надобно лишать первыхъ: а въ другихъ это гордость, которую терпѣть не можно; я имѣю несчастіе, только кажется, что я оному не причиной, такъ первые разсуждаютъ. Можетъ быть, что то и правда. Я сдѣлался знашнымъ человекомъ, и я того достоинъ, объявляютъ послѣдніе: какая эта не справедливая надменность!

Намъ кажется, что мы довольно сильны, чтобъ прошивись главнымъ спрастямъ, которыя обладаютъ сердцами щасли-

спливыхъ. Не будемъ полагаться на наши разсужденія, мы горды, не хотя быть таковыми.

Все, что можетъ возбудить удивленіе, возбуждаетъ и желанія наши. Мы ищемъ великости, чтобъ имѣть участіе въ похвалахъ, которыя приписываются большимъ людямъ. Естьлибъ намъ въ томъ отказали, то бы честолюбіе наше миновалось посреди изобилія и веселостей.

Естьлибъ честолюбивой не имѣлъ удивляющихся ему, спрась его скоро бы просыла.

Человѣкъ, гордостію надменный, извиняетъ свое дерзновеніе, называя его благоприспосойностію.

Многіе Историки примѣчаютъ, что въ древнихъ триумфахъ два человѣка предшествовали побѣдителевой колесницѣ. Одинъ несъ мертвую голову, а другой нарисованнаго павлина, повторяя часто, *вспомни, что ты человекъ*, какъ будтобы они давали знать герою, чтобъ онъ былъ презрительнѣе мертвой головы, естьлибъ гордостію угождался павлину. Полезное разсужденіе въ день побѣды! Король, коимъ бы слушалъ, какъ славныя его дѣла воспѣваютъ, восхищался бы только суетою, напamятованіе о смерти весьма тогда нужно бываетъ.



ЕспьлибѢ дозволено было мнѢ сказать, что значатѢ сіи слова, *вспомни, что ты человекъ*, я бы сказалѢ то, что ласкательство никогдабѢ не осмѣлилось сказать: *вспомните, что вы человекъ*, то есть, вспомните, что слава, окружающая васѢ, вдругѢ исчезнетѢ; приписуемые вѢ честь вамѢ титулы, состоятѢ только изѢ тщеславія, сѢ ними вы умрете, такѢ какѢ и они сѢ вами исчезнутѢ; завтра можетѢ быть вы будете вѢ послушаніи у тѢхѢ, которыми вы повелѣвали. *Вспомните, что вы человекъ*, то есть, увѣрьтесь совершенно, что не можно полагаться на то, что сѢ такою ясностію вѢ глазахѢ вашихѢ блистаетѢ; храмы вамѢ посвященные; статуи вѢ память вамѢ поставленные не долго пробудутѢ, а вы и того меньше проживете. *Вспомните, что вы человекъ*, то есть: вспомните, что между вами и послѣднимѢ вашимѢ подданнымѢ состоитѢ весьма малая разность; смерть побѣдитѢ васѢ горделивѢе, нежели вы своихѢ непріятелей; она положитѢ васѢ вѢ гробницу со всею вашею силою и славою: вотѢ, что обѣяснить хотѣли языческимѢ побѣдителямѢ! Сія рѣчь, сказанная Христіянскому Государю, имѣетѢ большее знаменованіе. *Ему вспомнить, что онъ человекъ*, то есть, сказать ему, что онѢ памятовать долженѢ, что БогѢ спроситѢ отѢ него отчета, какѢ онѢ употреблялъ власть свою, богатства, чести,

сти, и что какъ бы онъ великъ ни былъ, а предъ Богомъ сколько великъ будетъ, сколько онъ себя могъ унизить.

Разсужденіе сіе справедливо, только не всѣмъ понравится, я то знаю.

Я не запрещаю большимъ людямъ любить славу, а хую только чрезмѣрное тщеславіе, которое побуждаетъ ихъ снискивать незаконную и развратную славу: *Я не съ тѣмъ въ Персію пріѣхалъ, чтобъ тамъ найти сокровища, говорилъ Александръ Парменіону, а пріѣхалъ только туда снискать славу; поэми псѣ богатства, а мнѣ остаѣ псю славу.* Слова сіи очень хороши въ языческомъ Государѣ, котораго скупость не могла истребиться, какъ тщеславіемъ. Пренебрегать богатство, есть свойство великаго духа; но уничтожая его, принимаютъ за то похвалу, и то за добродѣтель у древнихъ героевъ почиталось, что однакожъ хулы достойно. Тщеславнымъ почли бы нынѣ того Государя, которой бы такъ спалъ опъзываться: Дивилися сему въ Александрѣ, похваляли его храбрость, возвышали его безкорыстіе; да и льстецъ сказалъ бы поже.

Законъ подавая намъ точное понятіе о добродѣтели, открываетъ великіе недостатки Александровы. Примѣчается въ немъ не умѣренное желаніе казаться великимъ, и чтобъ его несравненно почитали,





пренебрегая всѣхъ другихъ вообще; въ христіанствѣ нѣтъ такихъ добродѣтелей.

Тщеславной приписываетъ себѣ щастливые успѣхи, а не удачливыя предпріятія повергаетъ на мнимую Фортуну.

Желать первыхъ мѣстъ, не разсуждая о пространствѣ своего достоинства, не разсмотрѣвъ своихъ качествъ, не признавъ свою неспособность, вотъ свойства честолюбиваго человѣка!

Часто принуждены бываютъ остаться въ посредственномъ состояніи, допуская своему тщеславію бесполезно вознестися.

Одинъ Римской губернапоръ изъ Либіи послалъ депутата къ Маріусу съ запрещеніемъ не вѣѣзжать въ провинцію. Маріусъ отвѣтствовалъ ему: *скажи Секстиліусу, что ты идѣлъ Маріуса, сидящаго въ развалинахъ Карѣагена.* Какъ сіе позорище ужаснымъ должно показаться честолюбію! Что могло поразить гордость опважнаго человѣка? Видѣть щастливаго Маріуса игрушкою щастія: ктожъ послѣ того можетъ положиться на непоколебимость своего щастія? Онъ показывалъ себя примѣромъ превратнаго щастія; въ сихъ развалинахъ велерѣчиво онъ говорилъ о гордыхъ: гдѣжъ тѣ, кои пользовались его наставленіями? Маріусъ, сидящій въ развалинахъ Карѣагена, гордой побѣдитель, доведши до нещастія побѣжденных, обладатель свѣта безъ силы, наисильнѣйшій

шій городъ засыпанъ въ своихъ развалинахъ! не справедливо думаютъ не поколебимыми быть въ щастіи! въ хорошихъ успѣхахъ на другихъ не смотрятъ, а только по себѣ разсуждаютъ, это еще за всеобщее почестъ не можно, что дѣлали Кесарь, Александръ, и Помпей, а только слава ихъ не поколебима остается.

Александръ, шествуя въ Персію, обходитъ весь свѣтъ: тщеславіе показываетъ ему число непріятелей его очень мало, обширность моря очень узку, и свѣтъ весьма стѣсненной въ своихъ границахъ. Помпей идетъ въ Гишпанію воевать съ Серторіусомъ, обращаетъ въ бѣгъ морскихъ разбойниковъ, проходитъ Африку, вступаетъ въ Арменію, гонитъ Митридата въ Азію, и нѣтъ мѣста, кудабъ тщеславіе его не заводило.

Мы такъ заражены ложными сими примѣрами добродѣтели, что молодымъ людямъ оныя въ примѣръ поставляемъ. Предложимъ имъ униженіе побѣдоносца Давида, благочестіе въ благополучіяхъ Іосіи, и сожалѣніе Манассіи послѣ своей гордости, разумную храбрость Маккавея, благодарность знатныхъ побѣдителей, которыхъ святое писаніе похваляетъ: вопѣстези, по которымъ они слѣдовать должны!



Одинъ прослупокъ въ большее безславіе приводитъ гордыхъ, нежели тысяща оказанныхъ добродѣтелей.

Тщеславные рѣдко смотрятъ на нещастіе другихъ; отъ того, что они льстятъ себя, думая, что все отъ нихъ зависитъ? Или отъ того, что думаютъ отвратить отъ себя все нещастіе, однакожъ они тѣмъ только дерзновеннѣе становятся?

Ктобъ не сказалъ, что смерть Аннибала не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ Сципіоновомъ разсудкѣ? Однакожъ онъ отъ того не менѣе сталъ дерзновенъ. Сципіонъ умеръ, Помпей увидѣлъ его славу поверженную въ гробницу; однакожъ онъ не менѣе восхищался бытъ великимъ? И Помпей умеръ въ свое время; Кесарь видѣлъ тѣло свое волнами носимое, и море какъ будтобы съ пренебреженіемъ выкинуло его на берегъ: какой бы онъ примѣръ могъ взять отъ сего нещастія? Кесарь ненасытный поюже славою, прекратилъ мучительно дни свои отъ рукъ измѣнниковъ. Тѣжъ, кои послѣ его управляли республикою, исправили свое тщеславіе?

Посредственные люди, видя опасностьъ высокихъ чиновъ, въ разсужденіи безпокойства ихъ не желаютъ; а большіе, избѣгая оной же опасности, не научатся уничтожать высокіе степені.

Власть Принца достигаетъ до своего совершенства; онъ наслаждается всею славою,

вою, какую бы почтить можно, достоинство человека. Сей Принцъ съ тѣмъ ли оспаривается? Нѣтъ ли еще больше славы къ его пріобрѣтенію? Нѣтъ: ему только та слава остается, чѣмъ себя унижить, и сдѣлаться покорнымъ.



## Г Л А В А 15.

### О

### З а п и с к и.

**К**огда Христофоръ Колумбъ нашелъ Америку, тогда завистники говорили: это не мудро, чѣмъ побывать въ разныхъ мѣстахъ? И мы бы тоже сдѣлать могли. Нѣтъ, отвѣчалъ имъ Колумбъ: кто изъ васъ поставитъ можетъ яйцо на острой концѣ. Никто изъ нихъ не могъ того сдѣлать, а Колумбъ разбивши обѣ сполѣ оной концѣ у яйца, оное на сполѣ поставилъ. Тогда въпорично всѣ сказали, это бы и мы легко сдѣлать могли. Однакожъ, отвѣчалъ онъ, никто изъ васъ не догадался, такъ и мнѣ удалось прежде васъ найти Америку.

Зависть заславляетъ всѣхъ такъ злословить, какъ глупцы сіи ополчались помячать славу Колумба.

Человѣкъ выдумаетъ нѣкоторую тайну: это то искусство, говоритъ завидливой? и я бы это могъ сдѣлать. А только бы



сего несмысленнаго испытать одною бездѣлкою, конечно онъ въ томъ посрамился.

Стихотворецъ напишетъ хорошіе стихи, орапоръ скажетъ изрядную похвальную рѣчь; знающіе ихъ похвалятъ, хулишель же иначе о томъ разсуждашь станетъ: онъ скажетъ, что не мудро было этому соннетъ сдѣлать, а это сочиненіе краснорѣчія ничего чрезвычайнаго въ себѣ не заключаетъ; дай же этому мнимому остроумцу написать только цыдулку, увѣряю, что онъ въ замѣшательство отъ того прійдетъ.

Зависть насаждаетъ въ насъ такіе пороки, которые, можетъ быть, никогда въ насъ не бывали.

Достоинство не всегда заглаживать можетъ то, что въ предосужденіе наше сказано бываетъ, для того, что зависть помагаетъ вѣрить не только разсѣянному злорѣчію, но и всему тому, что выдумать можно. А одно главное достоинство и совершенная добродѣтель, которыя свободны могутъ быть отъ всякаго оклеветанія.

Какъ бы намъ ни хвалили того, кого мы ненавидимъ, зависть заставляетъ насъ вооружаться противу тѣхъ, которые его похвалятъ.

Зависть не щадитъ и самыхъ добродѣтельныхъ; естли ихъ не злословятъ, то по меньшей мѣрѣ ихъ не похваляютъ.



Въ разсмотрѣніи разумныхъ сочиненій лесть или зависть, владѣютъ разсудкомъ судящихъ, первая въ пользу знатныхъ, а другая въ поругательство маломощныхъ.

Зависть въ шопъ часъ вооружается, какъ скоро новая книга въ свѣтъ выйдеть. Съ какою нетерпѣливостію желаютъ ее видѣть? но прежде, нежели еще въ рукахъ ее имѣютъ, намѣряются ее крипиковать. А естли находятъ въ оной много весьма хорошаго и полезнаго, то съ досады выдумываютъ всякія средства къ предосудительнымъ толкамъ онаго. Предупрежденіе вмѣшиваясь въ сіе дѣло, снабждаетъ крипику оружіемъ: безъ всякаго разсмотрѣнія осуждаютъ невинную шу книгу. Сколькожъ, естлибы могли говорить книги, требовали бы милосердія за вредныя о нихъ разсужденія и шолки.

Можно сдѣлать такое, что крипика похваляетъ, зависть же ни чѣмъ не бываетъ довольна: справедливый крипикъ похваляетъ стихи, естли они хороши, завистливый же хулитъ въ запятыхъ и въ точкахъ. Крипикъ судитъ съ справедливостію о порокахъ и о добродѣтеляхъ, завистливый же и самую малѣйшую ошибку пославляетъ въ непростительный проступокъ; а естли не лзя ему хулить дѣйствіе, которое онъ видитъ, то осуждаетъ и опровергаетъ побудившія къ оному причины, коихъ никто не предусматриваетъ.





Хотя иногда и искренно признаёмся мы въ достоинствахъ другаго, однако признаніе сіе можетъ быть дѣйствиємъ зависти. Прискорбно бываетъ намъ видѣть, что другихъ лучше насъ почитаютъ. Сколько такихъ людей, которые честностію мудрыхъ и разумныхъ побуждаются къ такому сожалѣніямъ?

Кто на благополучіе другихъ можетъ взирать безъ зависти, тотъ щасливѣе и тѣхъ самихъ, которыхъ состоянію завидовать можно.

Не мало я тому удивляюсь, что зависть, будучи недоспашкомъ малыхъ умовъ, столь искусна.

Художникъ опорочиваетъ художника, купецъ обвиняетъ сосѣда своего обманомъ, ученый не любитъ того, чтобы его кто помрачалъ, разумный человѣкъ не терпитъ тѣхъ, которые къ удивленію и почтенію побуждаютъ, судья сомнѣвается въ честности и справедливости другихъ судей, придворный человѣкъ презираетъ тѣхъ, кои тѣ же преимущества, какъ и онъ, имѣютъ. Что же изъ сего заключить должно? То, что зависть всюду вкрадывается, и что число завистливыхъ безконечно.

## ГЛАВА 16.

О

*Сатиръ и поношеніи.*

**Н**икакъ не возможно оставитъ людей въ покоѣ, по тому что всегда есть какой нарушитель всеобщаго спокойствія, или какой непремиримый непріятель человѣческаго рода, который неусыпно старается о продолженіи войны, кою оному крипика объявила.

Сапира есть дѣло рукъ злости, или по крайней мѣрѣ разумная насмѣшка, которая должна отвращать, чтобы тому не вѣрили, что авторъ пишетъ въ своемъ восторгѣ.

Прежде, нежели все смѣшное и безобразное въ порокахъ разсмотримъ, которая матерія никогда неиспощима, пройдетъ множество вѣковъ, по тому что всякій вѣкъ имѣетъ свои недостатки.

Скорѣе можно окончатъ двадцать сатиръ, нежели найти матерію къ одному похвальному сочиненію, по тому что добродѣтели подають оной не столько, какъ пороки.

Есть такіе пороки, которые мода уменьшаетъ; однако Сапира ихъ не щадитъ: ибо она и самой моды не похваляетъ.

Быть Сапирикомъ, и быть Испорикомъ, суть двѣ вещи между собою не не со-



согласныя. Добродѣтели героевъ распознаютъ гораздо лучше, когда недоспашки другихъ людей различать умѣютъ.

Мы любимъ Сапиру, однако не должна она насъ язвить.

Хотя какое сочиненіе достигло совершенства, однако мы его отвергаемъ, естли изображенія, представляемыя въ ономъ о порокахъ, сходствуютъ нѣкоторымъ образомъ съ нами. Похваляемъ только ту Сапиру, которая насъ щадитъ, а строго поступаетъ съ другими.

То, что сдѣлано на женъ, нравится мужьямъ: что же написано на мужей, по пріятно женщинамъ.

Болтливаго комедіанта охотнѣе слушать, нежели мужа ученаго; ядовитыя Сапиры, пріятнѣе сладости евангельской: Сіе заворяетъ очи наши отъ слабостей ближняго, и обращаетъ насъ на недоспашки наши; та же ослѣпляетъ насъ и въ разсужденіи насъ самихъ, и даетъ намъ пронцапельный взоръ, дабы удобнѣе могли мы проникнуть въ несовершенство другихъ людей.

Молчите, когда ни о чемъ иномъ говорить не можете, какъ только о недоспашкахъ тѣхъ, коихъ глупые поступки насъ смущаютъ и искушаютъ.

Сапира выходитъ въ свѣтъ: авторъ оной такой человекъ, котораго Государь и придворные знаютъ. Вымышленныя

имена, подѣ которыми скрываетъ онѣ ка-кого смѣшнаго пиппа, младаго и гордящагося Музикуса, не знающаго невѣжу, подаюшѣ поводѣ къ великому множеству дерзновенныхъ разсужденій. Читатели, къ рѣшеніямъ жадные, увѣряюшѣ, что намѣреніе было говорить о такомъ то и о такомъ человѣкѣ. Сіи предчувствованія подтверждаюшся, разносятъся и размножаюшся: радуются, что сіи догадки пріемлются въ собраніяхъ свѣтскихъ людей. Переносятъ ихъ изъ бесѣды въ бесѣду, изъ мѣста въ мѣсто; всякой дѣлается почитателемъ искусной насмѣшки; проникаюшѣ въ оную, объявляютъ оную истинною, похваляютъ того, который хвастаетъ, что отъ оной ключъ имѣетъ: такимъ образомъ переходитъ наказанія достойное удивленіе, цѣлый городъ наполняется не чувствительно сими слухами. Кого же обвинять симъ безпорядкомъ? Читатель есть сообщникъ, еслии въ томъ есть погрѣшеніе Пиппово.

Тревожитъся сапирою, въ которой себя представлена быть чаешь, есть слабость. Кто вамъ сказалъ, что это Теофрастъ точно васъ изобразилъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ? Развѣ онъ васъ написалъ, вашу фамилію? Нѣтъ. О чемъ же вы жалуетесь? Я болѣе бы имѣлъ причины сердиться на сочинителя комедіи Бранько называемой, и жаловаться, что на всемъ театрѣ упоминаетъ во всѣхъ явленіяхъ



ніяхъ имя мое Б \* \* \* Изъ моей Фамиліи  
 есть Медики, Браньки, стряпчіе, солдаты,  
 не взирая на желаніе ихъ родителей; и я  
 прошиву воли моего отца хотѣлъ вступи-  
 тись въ другое состояніе, и оставить на-  
 уки: и такъ развѣ долженъ я думать, что  
 меня представляютъ?

Всѣ Крипики нынѣшняго времени имѣ-  
 ютъ тотъ порокъ, что они въ своихъ со-  
 чиненіяхъ употребляютъ нѣсколько собла-  
 знительное опмщеніе: по тому меньше  
 стараются они прекратить порокъ, но бо-  
 лѣе оскорбить порочнаго, прошивъ кошо-  
 раго съ удовольствіемъ производятъ свое  
 опмщеніе.

Къ чему оное служитъ? Когда должно  
 научаться, то надобно почитать сочинителя  
 въ разсужденіи его достоинства, поправлять  
 его не безчестя. Коснемся до его погрѣ-  
 шностей съ благоприспоспосію, которая  
 была бы ему не прошивна, и чтобъ онъ  
 благосклонно принялъ то, что его попра-  
 вляютъ. Вооружиться съ показаніемъ оп-  
 мѣнныхъ своихъ достоинствъ, объявлять  
 суровой и владычественной видъ, это по-  
 дать обществу причину себя хулить, не  
 пользуясь никакимъ преимуществомъ усер-  
 дія, которое почтется оскорбленіемъ.

Многіе за честь поставляютъ, что оху-  
 ждаютъ ихъ сочиненія. Я прошивнаго по-  
 му мнѣнія. Я не доволенъ, когда крипи-  
 ка прошивъ моего сочиненія выходитъ.

Маловажной критикѣ мнѣ страха не дѣлаетъ. Еслибы я разумѣлъ Греческой языкѣ, заставилъ бы я молчать многихъ хулителей.

Мнѣ бы не стали упрекать, что я въ описаніи моемъ безъ разбору давалъ такія имена, которыя не всякому свойственны были. Я болѣе тѣмъ утѣшаюсь, что я не искусенъ, нежели, чтобъ меня обвиняли, что я кого умышленно хотѣлъ злословить.

Люди, которые безъ разсужденія въ ученія дѣла вступаютъ, не осзаются въ одинакомъ положеніи. Они думаютъ ничего не сказали, когда согласуются съ общимъ мнѣніемъ. Желаютъ всегда противорѣчить, язвить, и въ томъ заключается все ихъ высокоуміе.

Желать всегда хулить, во чтобъ то ни стало, тѣмъ обманываясь подвергать себя еще злѣйшимъ хулителямъ. Самое худое достоинство по моему мнѣнію, чтобъ изслѣдывать всякаго поступокъ, а потомъ доказать себя знающимъ сапирикомъ.



## Г Л А В А 17.

### *Худые насмѣшники.*

**Х**удое свойство быть насмѣшникомъ, а надобно сколько возможно убѣгать отъ него. Забавлять шулкою, опважиться сдѣ-





ласть насмѣшку, но не составлять изъ того должности. Говоря такимъ образомъ, почтенъ будешь знающимъ человекомъ.

Человѣкъ, которой дѣлается шуткомъ, рано или поздно, придетъ въ презрѣніе. Не всегда захопяшъ хвалишь не кспати сказанное.

Шутить во вредъ другаго, довольно изъясняетъ безчестнаго человѣка.

Когда кто славится симъ даромъ, тотъ конечно не имѣетъ другихъ хорошихъ свойствъ.

Шутка не вездѣ годится: я сожалѣю о шуцахъ, которые въ обществѣ разумныхъ людей весьма холодную будущъ играють роль.

Также весьма глупо шутить надо всѣмъ и насмѣхаться не кспати. Пріятное обхождение пребудетъ важнаго препровожденія времени, и многія дѣла шушамъ не свойственны.

Худой насмѣшникъ искуснаго шута превосходитъ: но мы исцѣлимся отъ сего язвительнаго желанія: ибо тѣмъ подвергають себя смущенію, досадѣ и ненависти.

Разумная насмѣшка имѣетъ особливья свои правила.

Насмѣшники кажутся бышь довольными, когда имъ тѣмъ же платяшъ: я сомнѣваюсь въ ихъ искренности, никшо не захопѣшъ съ ними равняшся.

Естьли съ пренебреженія не захотятъ вывести наружу глупости дурака, тѣмъ снизхожденіемъ не менѣе ему досаждаютъ. Я не думаю, чтобъ тѣмъ оказана была ему великая милость. Самая язвительная насмѣшка не можетъ быть болѣе сей укоризны.

Никогда природнаго недоспадка хулить не надобно, чтобъ тѣмъ не произвестъ чувствительной насмѣшки. Говоря Еврипиду, что онъ не имѣетъ стройнаго тѣла, хорошихъ ногъ: сіе поношеніе побудитъ его назвать насъ безумными, и незнающими свѣтскаго обхожденія.

Я еще не знаю, дозволяется ли называть скулымъ и подлымъ того, кто бы таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ, но сами мы безпорочны ли, и не сыщется ли въ насъ еще большихъ недоспадковъ? Будемъ въ томъ осперегаться для собственной нашей пользы.

Способъ удерживать насмѣшки тотъ, чтобъ оныя предупреждать; надъ горбатымъ не станутъ насмѣхаться, ежели онъ самъ къ тому не подастъ поводу.

Я не прощаю ни того, кто удовольствіе имѣетъ насмѣхаться, ни того, кто сердится за насмѣшку. Оба не знаютъ честно обходиться: гнушно быть насмѣшникомъ, а грубо отвращать то съ гнѣвомъ.

Шутка дозволяется, толькобъ она была благопристойна и умѣренна: а еже-



либѣ меня вѣ помѣ послушали, то бы со-  
всѣмѣ упошребленіе оной испребить над-  
лежало.



## Г Л А В А 18.

### *Любовь и дружба.*

Любовь есть порокѣ молодыхъ людей,  
слабость старыхъ, глупость дѣвицѣ,  
забава малыхъ, препровожденіе большихъ,  
погибель глупыхъ, и преткновеніе разум-  
ныхъ. Чшо жѣ я чрезѣ сіе обѣяснить хочу?  
Чшо владычество любви есть всеобщее: она  
обладаетѣ всякимѣ возрастомѣ, поломѣ  
и соспояніемѣ.

Вѣспраспи молодаго челоуѣка великая  
пылкость, вѣстаромѣ глупость, скажемѣ  
однако жѣ, чшо любовь хорошая вещь.

Любовь производится теперь разнымѣ  
образомѣ. Кавалерѣ раззоряетѣ опѣшой  
дамы, которую онѣ обожаетѣ; дама ни-  
чего не щадитѣ для любовника, которой  
ее прельщаетѣ; или сѣ обѣихѣ сторонѣ  
снабдѣвають на издержки своей спраспи;  
Тиманшѣ и Меланія такимѣ образомѣ про-  
изводятѣ свою любовь. Раззоряетѣ себя для  
женщины, это опдаватѣся вѣобманѣ; до-  
пускаетѣ, чшобѣ она дѣлала издержки, знакѣ  
безсовѣстнаго челоуѣка; а любитѣся безѣ  
интереса, естѣ избавитѣся укоризны.

Лю-



Любовь не бываетъ безъ ревности, ревность соединена съ жестокою печалью, къ которой новыя случаются прискорбности, и продолжаясь безпрестанно, умножаются. Гдѣжъ пріятность любви?

Нещастія мои миновались, я ужè больше въ оспровѣ любви не ѣзжу; я оставилъ маловажныя забавы, предупреждая бѣльшимъ опасностямъ.

Влюбленной человекѣ вездѣ примѣненъ. Задумчивость изображена на лицѣ его; ничто не можетъ облегчить, ниже смячить суровость его вида. Пріятные разговоры, разгоняющіе скуку самыхъ угрюмѣйшихъ, ему бѣльшія безпокойства наносятъ. Сердце его терзаемо будучи жестокою ревностію, стѣсняется опягощеніемъ. Онъ съ принужденіемъ смѣется, съ печалью говоритъ. Чегожъ спѣитъ любиться? И сколь любя представляющъ глупую особу!

Для любви поперять надобно много времени, и только въ ономъ упражняться.

Деньги продолжающъ войну, и способствующъ любви.

Безпристрастіе въ дружбѣ дѣлаетъ непріятелей, а въ любви производитъ свирѣпыхъ.

Хорошіе успѣхи въ другихъ вещахъ производятъ радость, а въ любви дѣлаютъ омерзѣніе, холодность и разрушеніе.



Раждающаяся любовь закрываетъ многіе недоспапки, а ненависть, послѣдующая за оною, уже гнуснѣйшими ихъ объявляетъ.

Посредственнымаго состоянія люди производятъ любовь съ мѣньшею нѣжностію, но съ большею искренностію.

Любовь сильнѣе можетъ быть дружбы, но безразсудна; любовь родится скоро, и также исчезаетъ; дружба же не такъ скоро родится, и продолжительна бываетъ. Любовь прилѣпляется слѣпо, а дружба просвѣщена въ своемъ выборѣ. Любовь влечетъ за собою омерзѣнія, подвержена возмущеніямъ, а дружба безъ упрямства и подвержена самымъ малымъ и рѣдкимъ переменамъ. Любовь хладѣетъ отъ нѣжныхъ обхожденій, а погасаетъ отъ излишней довѣренности: дружба же усиливается отъ услугъ, а умножается отъ благодарній. Любовь есть глупая страсть, а дружба изящная добродѣтель: вотъ все, что сказать можно.

Любовь истребуетъ отъ сердца, нежели дружба. Сердце, склонное къ дружбѣ, а другое къ любви, суть два разныхъ сердца, одно лучше другаго.

Черезъ долгое время наживаютъ друга, а въ одно мгновеніе пріобрѣтаютъ любовника. Судьба того, что скоро пріобрѣщается, скоро и исчезаетъ.

+ Чтобъ быть разумну, надобно любиться. Вредная система! опасное правило!

раз-



разсуждаютъ ли о томъ, что любясь нарушаютъ вольность сѣрдца и спокойствіе душъ? Я не желаю разума съ такимъ договоромъ.

Любовь высокомысленнѣе дружбы, и по тому женщина способнѣе къ вымысламъ, но не столь тверда какъ мужчина.

Не легко помирить двухъ поссорившихся пріятелей, по тому что ужè крайность ихъ до того довела, а любовники сами мирятся.

Друзья проживаютъ нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ согласіи, а любовники не могутъ ни часа быть безъ ссоры: спросите у меня тому причину: отвѣщаю вамъ, что дружба разумна, тиха, соединена съ воздержаніемъ, а любовь на противъ того скоро, спыльчива и чрезмѣрна въ нѣжноти. Ссоры любящихъ не продолжительны, по словамъ *не благодарной и не пѣрной послѣдуютъ любезный и дражайшій*. Всѣ способы употребляютъ къ извиненію себя, или къ оправданію, когда кто виновенъ. Нѣжность выражается тогда откровенно. То, что любовь ласкнѣйшаго въ себѣ имѣетъ, открывається и услаждаетъ обѣихъ, что удалось испребитъ не основательныя подозрѣнія, и тогда любовь умножается больше прежняго.

Волокиштво царствуетъ между любящими и любовницами. Фулвія веселился





тѣмъ, что много имѣетъ искаателей, а Бронъ скучился оказывая любовь одной только Фулвіи.

Любовь и властолюбіе рѣдко согласны бывающъ, а мудрость съ любовію и того меньше.

Я слышалъ, что напередъ сего бывали друзья, однакожъ не знавалъ оныхъ.

Говорящъ объ Орестѣ и Пиладѣ, а послѣ ихъ ни о комъ не слышно. Уже много вѣковъ прошло, какъ они жили, однакожъ не примѣчено было подобной ихъ дружбѣ; да и нашъ вѣкъ онымъ не преимуществуетъ.

Положитесь на меня, и уменьшите число вашихъ друзей. Человѣкъ, имѣющій двухъ или трехъ друзей пріятнаго обхожденія, исключенъ всѣхъ принужденныхъ учтивостей и всегдашнихъ притворствъ, а ласкаеть по крайней мѣрѣ по необходимости, которой всѣ честные люди послѣдуютъ; симъ средствомъ приобрѣтаютъ всѣ пріятности дружбы, и не надобно долго притворяться.

Тотъ не любитъ никого, кто всѣхъ безъ разбору называетъ своими друзьями; надобно быть затруднительнѣе въ разсужденіи сего выбора.

Ежели вы учините выборъ на цѣлой вѣкъ однажды, то вы будете спокойнѣе.

Выбравъ человека своимъ другомъ, уже поздно тогда его пробовать. А надобно прежде его испытать, не принимая его

его въ свою дружбу, чѣмъ не укоряешь себя тѣмъ, что учинилъ худой выборъ.

Щастіе можетъ такъ насъ возвысить, что мы многихъ нуждъ лишимся: но какъ бы оно насъ ни награждало, а безъ друга обойтись не можно. Чѣмъ больше мы благополучны, тѣмъ не обходимѣе намъ другъ надобенъ. Съ нимъ чегобъ намъ не доставало? Безъ него сколько намъ надобно опасаться? Мы склонны къ свое нравію, къ обману, къ жестокосердію; въ знатномъ чинѣ, въ которомъ все кажется дозволительно, нашъ не обузданной нравъ будетъ ли чѣмъ доволенъ? Наше высокоуміе пощадитъ ли кого? Тогда-то потребенъ намъ другъ, которой ласковыми своими совѣщаніи воздерживаетъ нашу гордость. Кто возмется говорить намъ правду? Кто захочетъ поправлять наши недостатки? Это другъ.

Августъ признавался, что ему надобенъ былъ Меценатъ, а Александру Ефестіонъ. Щастіе ихъ было столь велико, что ужè не пребовало никакого приращенія; а необходимо было имѣть такого друга, на которагобъ всю свою довѣренность возложишь было можно.

Не надобно думать о великомъ числѣ друзей, а довольно имѣть одного, которой бы искренно принималъ участіе во всемъ, что до насъ принадлежитъ: я прощаю имѣть двухъ друзей только тому,



кто избираетъ одного для совѣта, а другаго для увѣщанія.

Слушай со вниманіемъ выговоръ отъ друга, эптоу вѣрной путь къ совершенству; ибо гордость такая спрость, которая пропивоуѣчія не любитъ, и которую преодолѣвать очень трудно.

Я узналъ уже снисхожденіе пѣхъ, которые терпѣливо сносятъ выговоры; никто не согласится, чтобъ хула касалась до его пороковъ, отдаются лестни, которая старается оныя скрывать, такъ оное и остается. Возвышай безызвѣстные добродѣтели, увеличивая малыя преимущества; объяви скрытыя достоинства; дѣлайся такъ, будто не видишь пороковъ, тогда тебя за лучшаго друга почитать будутъ. Коснись же до скрытыхъ недостатковъ: то конечно не понравишься.

Откровенность препровождается дружбою, а чрезъ сію откровенность и дружба пропадаетъ.

Дружба воспрещаетъ дѣлать великое похлебство; она требуетъ, чтобъ мы поправляли другъ друга; друзья не хотятъ бытъ исправляемы, они пѣмъ раздражаются, и распадаются. Какіяжъ брать мѣры? Понеже мы такъ чувствительны; станемъ стараться больше льстить, но не можемъ уже надѣяться наблюдать долгу истинной дружбы.

Желать, чтобъ нашъ другъ, выговаривая намъ, наблюдалъ пріятную ласковость; всякое почтеніе, предосторожность, предлагалъ бы все съ пріятностію, съ умѣренностію. Это не желать выговоровъ, а для человѣка это не возможное дѣло.

Пріятель, которой намъ ласкаетъ, опаснѣе непріятеля, которой насъ измѣняетъ; далеко отъ того, чтобъ мы воздерживались отъ нашихъ недостатковъ; онъ допускаетъ, чтобъ оныя въ самые пороки превращались, а пороки бы остались привычкою: все извинять, всѣ слабости приписывать, дозволять не достойныя вольности, вредныя дѣлать послабленія, не воздерживать отъ грѣховныхъ предпріятій, давать корыстолобивыя совѣты, похвалять въ несправедливыхъ намѣреніяхъ, льстивой другъ все оное исполняетъ, чтожъ больше можетъ сдѣлать мстящій непріятель?

Мы льстимъ, когда у насъ требуютъ совѣта; любимъ, чтобъ и намъ льстили, когда мы о чемъ совѣтуемъ, съ обѣихъ сторонъ обманъ не пропихивенъ.

Льстивые друзья между собою въ такомъ положеніи находясь, какъ бы они заключили мирной договоръ, по которому бы прощать съ обѣихъ сторонъ всѣ недостатки.

Человѣкъ проситъ васъ увѣдомить о его недостаткахъ: имѣетъ ли онъ искреннее желаніе поправиться? Я сомнѣваюсь, онъ



онъ старается показать вамъ свое удовольствіе въ томъ, чѣмъ вы себя въ томъ не трудили. Это хитрость, которую онъ употребляетъ во избѣжаніе поношенія, которое щеславіе его учинило ему весьма обыкновеннымъ.

Я бы лучше хотѣлъ самъ итти въ Сіамъ, и говорить Королю рѣчь, нежели такому пріятелю по его прозвѣ дѣлать наставленія; мнѣ бы первое легче было исполнить.

Изслѣдуемъ поступокъ нашихъ пріятелей, чѣмъ намъ свой шѣмъ исправить. Взглянемъ потомъ на наши слабости, чѣмъ привыкнуть сносить ихъ недостатки.

Мы воздерживаемъ слабости другихъ; а еслибы сами ихъ имѣли, то бы объ нихъ не радѣли.

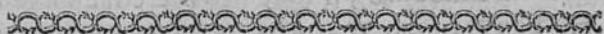
Неравенство двухъ пріятелей обыкновенно бываетъ причиною ихъ разрыва. Мирпиль возвысившись не имѣетъ болѣе той нѣжной склонности, которою онъ мнѣ клялся; еслибы я былъ его равный, Мирпиль любилъ бы меня непрерывно.

Согласіе братьевъ утверждаетъ щастіе въ Фамиліи.

Можетъ ли быть что удивительнѣе вѣрности Регулуса, которой для сдержанія своего слова оставилъ Римъ, своихъ дѣтей, вступилъ въ лагерь къ Карвагенцамъ, и возложилъ на себя ихъ оковы; хорошей примѣръ храбрости и истинной знакъ

знакъ добродѣтели, которые обижали въ сердцѣ сего великаго героя! побѣдоносный Регулусъ въ завоеваніяхъ своихъ могъ ли что достопамятнѣе сдѣлать къ безсмертной своей славѣ!

Будемъ таковы къ нашимъ пріятелямъ, каковъ былъ Регулусъ прошивъ своихъ непріятелей, ненарушимы въ нашемъ словѣ, и вѣрны до смерти.



## Г Л А В А 19.

О

*Благоразуміи.*

Одно благоразуміе соблюдаетъ настоящее время, а другое располагаетъ будущимъ; одно обнадеживаетъ хорошими успѣхами, а другое поправляетъ худые, и сіе послѣднее находится только въ проищательныхъ людяхъ.

Многія намѣренія не прошивны благоразумію, только бы не было въ оныхъ замѣшательства.

Благоразуміе оспрѣе становится отъ разныхъ совѣповъ.

Во многихъ нашихъ предпріятіяхъ оказываемъ мы смѣлость, отъ которой мы успѣваемъ; и по тому почитаютъ насъ совершенно разумными людьми.





Хорошій успѣхъ дѣла не доказываетъ еще, чѣмъ припомъ употребленъ былъ хорошій поступокъ: часто хорошіе совѣты производятъ дурныя слѣдствія, а не рѣдко худыя начала къ доброму концу достигаютъ.

Благоразуміе большее участіе имѣетъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, нежели счастье; въ другомъ же случаѣ благоразуміе только начинается, а счастье все совершаетъ.

Не разумнаго человѣка дѣло, оставляя на удачу то, что можетъ опровержено быть предумышленіемъ и добрымъ совѣтомъ.

Нешастія не могутъ испреблять добродѣтели. Худой успѣхъ предпріятія не уменьшаетъ славы разумнаго человѣка, еслибы послѣдствія были въ нашей волѣ, то бы справедливо винить можно было несчастную храбрость и благоразуміе. Побѣжденный Фабіусъ мнѣ сполькожъ кажется хвалы достоинъ, какъ и побѣдоносный Фабіусъ, какъ скоро я разсмотрю, что счастье не въ человѣческой власти.

Видѣть, что отважные счастливы мудрыхъ, и что разумное предпріятіе не удаётся такъ, какъ смѣлое и безразсудное, сіе еще ничего въ себѣ не заключаетъ.

Надобно сожалѣть о несчастіи разумныхъ, не обвиняя ихъ благоразумія, и похваляя счастье дерзновенныхъ, не похваляя ихъ поступокъ.

Благоразуміе не принадлежитъ одному полу. Есть и женщины сполькожъ разумны и щасливы подавать совѣты, какъ и самые тонкіе Полирики.

Иудеи спасла городъ Веулію: одна ученая сохранила Смирнскихъ жителей отъ ярости Сардскаго народа; Римляне защищались противъ Галловъ по совѣту женщины.

Усмотрено было благоразуміе женщинъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ совѣтъ степеннѣйшихъ людей былъ бесполезенъ. Воображеніе ихъ можетъ скорѣе представить себѣ страхъ, и удобнѣе предпринять пристойныя къ тому мѣры. А мужчина не такъ робокъ, по тому и не скоро принимаетъ средства къ охраненію себя отъ угрожающей опасности.

Совѣтъ давать принадлежитъ старымъ, а производить оной въ дѣйство молодымъ. Благоразуміе старыхъ, и смѣлость молодыхъ, дѣлаютъ благополучными предпріятія.

Безпристрастіе хорошо въ совѣтахъ, а пылкость разума удивительна въ рѣшеніи.

## Г Л А В А 20.

### О и г р ѣ.

**И**гра безпокойное упражненіе, а никто отъ того не устаетъ. Мы имѣемъ по тому примѣры.



Не скупость внушила людямъ охоту играть, но тщеславіе и мотовство.

Праздность, отвращая отъ важныхъ упражненій, привлекаетъ къ сему препровожденію времени для прогнанія скуки, при чемъ однакожъ проигрышъ денегъ всего меньше стоить.

Тщеславіе, раждающее зависть, чшобъ равняться знатнымъ людямъ, совѣтуетъ принять сіе упражненіе какъ такое средство, чрезъ которое можно имѣть вольной доступъ во всѣ дома.

Мотовство не взираетъ на издержки и на опасность; а льститъ, что источники никогда не истощаются; и всегда награждать то можно: отъ того и дѣлается худая привычка, мѣнятъ большой проигрышъ на малой выигрышъ, или поворачивать проигрышъ такими крайностями, которыя новыя опасности влекутъ за собою.

Скупость не вступаетъ въ оное упражненіе, и сребролюбивой на сіе не отважится. Онъ очень бережетъ деньги. Роскоши его состоятъ въ размышленіяхъ; радость его взирать на большія суммы; мало изъ скупыхъ, которые бы самую простую игру разумѣли.

Божба, кляшвы, проклятія, обыкновенныя слѣдствія несчастнаго игрока, и оныя еще больше его къ игрѣ возбуждаютъ. Огонь является въ его глазахъ, бѣшенство въ лице его вступаетъ, а отчаяніе изъ  
устъ

устъ его выходитъ. При ономъ состояніи онъ внѣ себя, возможно ли повѣрить, чтобъ онъ тогда владѣлъ разсудкомъ?

Я видѣлъ, что нѣкоторые хвастались, что они всѣ игры разумѣютъ: чтожъ до меня принадлежитъ, я никогда не думаю быть тѣмъ обезчещенъ, что ни одной игры не разумѣю, а только хочу выучиться играть въ шашки.

Корыстолюбіе прогоняетъ искренность въ игрѣ.

Опасно играть съ пріятелями; игра подаетъ поводъ къ обидѣ, слѣдственно и къ не примиримой ненависти.

Щастіе игрока безызвѣстно, онъ въ минуту проиграетъ выигрышъ многихъ дней.

Видѣли ли, чтобъ многіе игроки разбогатѣли? Выигранные деньги не прочны.

Естьлибъ я былъ игроковъ сынъ, я бы не надѣялся на наслѣдство.

Аспазинъ мужъ страшенъ къ игрѣ, можетъ ли она по немъ ожидать наслѣдства?

Дамисъ былъ восемь дней въ безпре-  
станномъ выигрышѣ; щастіе его проне-  
слось повсюду и навлекло ему завистниковъ.  
Слѣдовать начали его поступокъ: стали  
за нимъ примѣчать, вездѣ за нимъ слѣдо-  
вали; при самомъ вступленіи его въ домъ  
свой его обокрали, и прибили, то не луч-  
ше ли былъ проигрышъ Дамису? Ежелибъ  
онъ и съ печалію домой возвратился,  
по крайней мѣрѣ ничегобъ не опасался.



Я почитаю страсть къ игрѣ безъ повороту: любовь оставляютъ, когда нѣтъ предмета, а играть не перестаютъ совсѣмъ не проигравшись, да и до какихъ крайностей доходятъ, чтобъ поправить худую свою удачу?

Что опасается тому проигрывать, кто проигралъ съ лошадьми карету? Съ ними онъ и чести своей лишился.

Можно быть хорошимъ игрокомъ, не бывъ честнымъ человекомъ. Играть въ не большія деньги, проигрышь умѣрять, проигрывать безъ сожалѣнія, выигрывать съ вѣрностію; оное составляетъ имя честнаго игрока, но можно ли играть безъ упущенія своей должности, безъ разоренія себя и ближняго, безъ подозрительныхъ сообществъ? Все сіе, Тразимонъ, сходствуетъ ли съ правилами честности?



## Г Л А В А 21.

### О т я ж б ѣ.

Нынѣ вошло въ обычай птязбу имѣть такъ какъ спроишься, печатать, или обучать музыкѣ, многіе только это ремесло имѣютъ. Жѣны также въ оное мѣшаются, какъ и мужья ихъ, не помышляя болѣе о своемъ степеніи, ни о томъ, Графини ли они, или Маркизы, а только ихъ подъ именемъ челобитчицъ разумѣютъ.

Ар-



Арганта сто разъ объявляетъ въ собраніи новыхъ своихъ подружекъ, что она только отдохнула, и жить начинаетъ: ибо тяжба ея благополучно кончилась, однакожъ оныхъ еще четыре или пять осталось; но это не много по такой женщинѣ, которая до дватцати осьми дѣлъ имѣла, не считая разводу съ мужемъ, и раздѣлу въ пожиткахъ, которое дѣло она съ великимъ жаромъ производила.

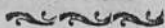
Привыкаютъ къ тяжбѣ такъ, какъ къ танцованью и верховой ѣздѣ. Человѣкъ легкой, и доброй ѣздой, танцуетъ, или верхомъ ѣздитъ: равнымъ образомъ и ябеднику надобны тяжбы, а безъ того онъ мертвой человѣкъ.

Разводитъ браки, испровергаетъ духовныя, уничтожатъ даныя, или чтобъ лишеніе наслѣдства объявлено было не праведнымъ; вопль въ наше время о чемъ тяжбу имѣютъ, и надъ чѣмъ во все время крючкотворство упражнять себя будетъ; со всѣмъ тѣмъ надобно жениться, дѣлать духовныя, награждать однихъ, отнимать у другихъ, можно сказать, что процессы нужны.

Многіе входятъ въ должность спрятчяго, и никто тому не удивляется; ибо всякому хочется въ бездѣлицѣ начать тяжбу.

Довольно вступаютъ въ духовенство, а еще болѣе въ статскіе чины. Мы больше видимъ приказныхъ людей, а менѣе





церковныхъ служителей : причина тому та, что многіе хопятъ умирашь безъ покаяніа, но не многіе безъ тяжбы проживать желаютъ. Опъ того духовныхъ уменьшаются, а число спряпчихъ за полезнѣйшее признается.

Иные приходятъ въ судъ съ оправданіемъ, другіежъ съ обвиненіемъ. Это по большей части ревнивые мужья, копорые въ безчестіи своемъ весь Парламентъ свидѣлемъ поставляютъ.

Судебное мѣсто наполнено людьми, пребующими возвращенія своего имѣнія, и взыскивающими своего безчестья; убытки возрастаютъ, честь претерпѣваетъ, разумному человѣку надлежитъ при первомъ своемъ нещастіи остаться, справедливо опасаясь, чтобъ ему новыхъ злополучій не навлечь себѣ на шею.

Мужъ, не довольной своею женою, обвиняетъ ее невѣрностію, призываетъ ее къ суду: она туда является, радуется, что судьей она имѣетъ того, копорого она дружбою обязала, и надѣется отъ него получить милость. Какъ прежде подобныя дѣла за чудо почитали, когда они случались, такъ нынѣ за чудожъ почтутъ, ежели ихъ не будетъ.

Жена и мужъ всякой день въ приказномъ мѣстѣ: мужъ проситъ о правосудіи, а жена о томъ, что ей въ томъ отказываютъ; она ищетъ, чтобъ судьи ее выслуша-



шали; а онъ, чпобъ наказали . . . Довольно, ежели меня поймутъ.

Мужъ и жена живутъ въ одной спальнѣ; ѣдятъ, и спятъ вмѣстѣ; другъ друга почитаютъ; вмѣстѣ ѣздятъ на гулянье, въ церковь, и въ приказъ, гдѣ всякъ съ своей стороны просятъ о разводѣ. Можно ли больше спокойну быть судья? Какъ же скоро дѣло кончится, то они смертельно другъ друга возненавидятъ, и вновь просятъ будущъ о дозволеніи жить вмѣстѣ.

Есть особливые крючкотворцы, которые принимаютъ на себя всякія не справедливыя дѣла, и сыскиваютъ способы дѣлать ихъ справедливыми. Скажитежъ послѣ сего, что правосудіе имѣетъ одинъ видъ.

Истинное право не бываетъ двоякаго смысла, но рѣшится по волѣ тѣхъ, которые рѣшатъ.

Одно дѣло, и равныя обстоятельство, предпринято одинакимъ образомъ, рѣшится нынѣ такъ, а завтра иначе, то какъ можно желать судиться?

Золото не порпится, но такой опасной мешаллѣ, что можетъ порпиться такихъ людей, которые бы казались никакъ къ тому не способны. Дѣло гораздо справедливѣе будетъ, когда съ рекомендаціею подарки будутъ.

Мы говоримъ, что судья не могъ намъ помогать: что онъ склонился на прозьбу нашихъ соперниковъ. И мы съ своей сторо-



ны его просили, но только не подкупили. О чемъ же мы жалуемся? Онъ равно былъ бы не извинимъ шѣмъ, или другимъ образомъ.

Поступокъ дѣлаетъ наставленіе въ тяжбѣ. И это общее мнѣніе. Надобно смотрѣть, сколько тяжбъ причиною былъ поступокъ, тогда иначе разсуждать спашешь.

Еслилибъ сіе философическое правило исполнялось, чтобъ не умножать существъ безъ нужды, то бы и дваццати лѣтъ дѣло болѣе дваццати дней не продолжилось.

Судья вышняго совѣта видѣлъ, можетъ быть, началъ такого дѣла, котораго преемникъ его конца не увидитъ.

Бездѣлицею начинаютъ тяжбу, которая на конецъ бываетъ совершеннымъ разореніемъ; Хрисантъ и Леархъ были наилучшіе друзья въ свѣтѣ; куропатка, нечаянно застрѣленная въ дачахъ Хрисанта, столько его противъ Леарха возбудила, и потъ не менѣе огорчился, что ссора представлена была судьямъ того мѣста: потомъ дошло и до Парламента. Дѣло производятъ уже двенаццать лѣтъ, и теперь еще оно продолжается. Оныя два богатые и всѣмъ довольные дворянина не имѣютъ болѣе чѣмъ производить свое дѣло, они сами принуждены были его оставить за долгимъ нерѣшеніемъ. Определеніе уже шесть мѣсяцовъ какъ написано, только день за день медлятъ подписывать, и такъ по всѣмъ



вѣѣмъ обстоятельствомъ кажется, что правнучата наслѣдятъ несчастное сіе дѣло, и никакого другаго наслѣдства не получаютъ, какъ необходимость утверждаетъ честь худаго сего дѣла. Миръ потребенъ въ ссорахъ, а въ тяжбахъ скорое согласіе.

Достоинства, чины, и знаменитыя мѣста, суть источники тяжбъ.

День великаго праздника наступаетъ, въ которой жертвоприношеніемъ раскаеваются въ своихъ святопапствахъ съ великою церемоніею. Во всѣхъ городахъ въ свѣтѣ Христіане восплавляютъ и украшаютъ храмы для поставленія ковчега Господня. Улицы всѣ такъ убраны, какъ государскіе покои и уставлены цвѣтами, какъ сады, на которые натура всѣ свои возможности испошила. Духовныя особы облачены въ лучшія одежды, дабы тѣмъ болѣе увеличить праздникъ. Какъ все такимъ образомъ учредится, останется честь мирянамъ нести балдахинъ: шутъ они о преимуществахъ заспорятъ. Одинъ говоритъ, что онъ Маркизъ; другой предлагаетъ, какую онъ услугу принесъ церкви; третій преимуществуетъ красною своею епанчею, а послѣдній показываетъ кавалерской крестъ. Оной споръ подаетъ случай къ продолжительной тяжбѣ: надлежитъ доказывать свое дворянство, плащитъ безчестіе. А ходъ, спросите у меня, какъ происходилъ? Не далѣе какъ около церкви. Молодые Се-



крешари несли балдахинъ, а которые назначены были къ славному сему дѣйствию, нещадно бранились.

Не имѣшь ни любви, ни тяжбы, просто сказать, есть жить благополучно. Что до меня касается, я предпочту несчастную любовь щасливой тяжбѣ. Склонность въ любви продолжается нѣсколько лѣтъ; и льстятся бытъ щасливыми спрасть оспавя, а дѣламъ конца не бываетъ. Одно дѣло, съ пользою рѣшенное, навлекаетъ другіе споры, которые умножаются до безконечности.

Сынъ, не довольный своимъ опцемъ, проситъ о пропитаніи. Опцу такъ удалось сдѣлать, что сынъ умеръ съ голоду, добиваясь своего пропитанія; худой совѣтъ, чтобъ иппи въ тяжбу.

Мнѣ должны сто червонныхъ; я право имѣю ихъ взыскивать; ежели мнѣ сыскивать уплату, то дѣло будетъ стоить другихъ ста червонныхъ. То лучше лишись одного ста, нежели потерять другое: такъ судитъ человекъ разумной.

Спряпчій представляетъ вамъ, что надобно шесть сотъ столбцовъ списать для объясненія вашего дѣла, потребно на то время три мѣсяца, и двѣсти червонныхъ задашку. Заплатите лучше ему за все даромъ, что надлежитъ; избавьте его отъ многотрудной работы, дѣло ваше лучше и скорѣе кончится.







Естьли ты спраспенъ къ тяжбѣ, то я тебя отъ того вылечу. Побдемъ со мною въ приказъ, тамъ покажу тебѣ своихъ судей, за копорыми слѣдуютъ по 3 и по 4 лакея. У нихъ разныя кареты, множество лошадей, великолѣпной споль, близъ Парижа загородные дома, не считая пощеннаго. Доходы ихъ умѣренныя; они живутъ только отъ одной положенной акциденціи, но только ты, упрямой ябедникъ, за оную плашишь.

Долго ты просилъ, чтобъ тебя выслушали, что и воспослѣдовало: но чтожъ ты выигралъ? Отдаютъ тебя не радивому докладчику; а хожябы ты и такую особу нашелъ, копорой онъ ни въ чемъ отказать не можетъ, ибо она его во всемъ слушаетъ, и тогда великое промедленіе предусматривается въ твоёмъ дѣлѣ.

И благополучно кончанныя тяжбы не безъ прошивностей. Естьли имѣнія довольно объяснены будутъ, то знатность фамиліи помрачается. Правъ предписывающа въ разсужденіи поступка, но къ полученію имѣнія всегда сомнительства бывають.



## ГЛАВА 22.

*Благодѣянія, благодарность и неблагодарность.*

**М**ы почти никогда, не должимъ по склонности, или когда мы и одолжаемъ, по холодная благодарность истребляетъ въ насъ къ тому усердіе; услуга, худо заплаченная, отнимаетъ охоту служить.

Завидуютъ тому, кто получаетъ удовольствіе; отказываютъ оное прежнему, а дѣлаютъ тому, кто платитъ.

Ежели мы жалуемся на неблагодарность шѣхъ, кому мы оказываемъ знаки нашего великодушія, то они болѣе имѣютъ причины жаловаться на суровость нашихъ выговоровъ, на медлительныя наши услуги, и на малое наше стараніе.

Это отъмѣнную честь дѣлаютъ великодушію нѣкоторыхъ, чтобъ назвать оное истиннымъ; ищутъ одного прославленія чрезъ оказанныя услуги своимъ пріятелямъ. Иной жертвуя своею жизнію, думаетъ только казаться услужливымъ, не будучи таковымъ въ самомъ дѣлѣ.

Когда случай придетъ обязывать, тогда въ трубу о томъ публикуютъ. Мопсъ днемъ вынулъ шпагу къ защищенію Алидора; а естълибъ Алидоръ ночью попался въ руки разбойникамъ, можетъ быть Мопсъ оставилъ бы друга своего на жертву ворами,



рамъ, ибо тогда бы никто не могъ видѣть его храбрости.

Надѣясь, что важная услуга, оказанная своему пріятелю, будетъ явна, съ какимъ тогда жаромъ къ тому спрелятся. Надобно быть весьма равнодушну, чтобъ противиться сему искушенію. Самые безкорыстнѣйшіе не могутъ пользоваться ихъ благодѣянiями безъ крайняго замѣшательства

Мужественный человекъ не отъ всѣхъ равнобрно принимаетъ благодѣнiя. Онъ меньше смотритъ на предлагаемое, какъ на особу, желающую ему услужить. Что заслуживаетъ подарокъ бездѣльника? Я почиту себя обиженнымъ его прозвѣями. Обязану быть своимъ щастіемъ безсовѣстному человекъ, имѣть всегда себѣ укоризну, и самое то худое средство, чтобъ происходить случаемъ безчестнаго человекъ.

Довольно оказываютъ услугъ, но не хорошимъ образомъ. Есть люди, которые обязываютъ съ такимъ недоброжелательствомъ, что лучше хотятъ не быть ими одолженными. Они вѣчно попрекаютъ будуще, что они сдѣлали васъ щастливыми. Можетъ ли быть что сего досаднѣе? Не лучше ли бы ихъ благодарили, ничего отъ нихъ не получая?

Одинъ Римлянинъ сказалъ тому, которой упрекалъ, что избавилъ его отъ мучительства Кесарей во время опалы.

*Такъ*

Такъ отдайте меня обратно Кесарю, какъ будшобы онъ чрезъ то обьяснить хотѣлъ, какъ бы моя участь ни была злощастна, токмо бы мнѣ однажды лишиться жизни, а ты своими упреками повпоряешь смерть мою ежеминутно; я бы лучше претерпѣлъ суровость Кесаря, которой былъ мой Государь и побѣдитель, а жестокость друга не сносна. Вы превозносите сто кратъ великость своей дружбы, возставя меня изъ ничтожества; такъ возвратите лучше меня опять въ мою низкость. Гордость не милосердыхъ большихъ, которыхъ счастье надо мною поставило, не такъ мнѣ не сносна, какъ ваши припворныя спаранія. Вамъ не пристало безпрестанно хвастать своими благодѣянїями. Это позорище не для васъ, но мнѣ его разсматривать и превозносить надлежитъ.

Дозволено живописцу разсматривать и удивляться красотѣ своего искусства, но не дозволяется по прїятелямъ; грѣшно похваляясь, я его таковымъ сдѣлалъ.

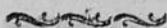
Какъ скоро мы одолжимъ, то сдѣлаемъ то же, что и разумные люди; они закрывали завѣсою тѣ вещи, которыя могли повредить ихъ воображеніе. Сдѣлаемъ завѣсу благодѣянїямъ, оказаннымъ нашимъ прїятелямъ; стыдно уже на то взирать, воспоминаніе того честь дѣлаетъ и касается только до того, кто оныя благодѣянїя отъ насъ имѣетъ. Чѣмъ болѣе



мы одолжаемъ, тѣмъ болѣе чести себѣ наносимъ, и надлежитъ намъ по исполняясь безъ воздаянiя.

Не возбранено напомянать другу оказанныя ему услуги, но только, чтобъ оно было не въ укоризну. Можно ли что искуснѣе сдѣлать, какъ одинъ старой солдатъ пребоавалъ помощи отъ Кесаря. Милоспивоу Государь, сказалъ онъ Кесарю, копорой судить его хотѣлъ: узнаете ли, Ваше Величество, того солдата, копорой для утоленiя Вашей жажды приносилъ Вамъ ключевой воды? Это правда, отвѣчалъ Государь: но ты ли тогда былъ: Вашему Величеству можно въ томъ сомнѣваться, по тому что я послѣ того въ службѣ Вашей лишился глаза. Тогда Кесарь его узналъ, и сдѣлалъ ему награжденiе. Разговоръ солдата не былъ укоризною, а самымъ пристойнымъ образомъ сказано было: я Вамъ служилъ, а вы мнѣ сдѣлайте за то награжденiе; въ томъ великое искусство, чтобъ возбудить великодушiе не огорчая. Великодушной челобѣкъ не оскорбится тѣмъ, когда ему припомянутъ причиненныя ему удовольствiя.

Нѣтъ услугъ безъ благодарности: но только знать надобно, при какомъ случаѣ оказывать свою благодарность. Не всякой можетъ за то оказать значными опытами, а иной и благодарнымъ словомъ соотвѣтствуетъ своему благодѣтелю, и часто одно слово важностию своею превосходитъ



дитъ все, чтобъ ни сдѣлано было. Августъ для Фурніуса простилъ отца его, которой былъ въ партіи Антоніевой, по какой бы надлежало быть благодарности въ семъ случаѣ, въ разсужденіи малѣйшаго подданнаго и великаго Императора? Честной выговоръ, учиненный Фурніусомъ, которой не въ состояніи былъ довольно возблагодарить, болѣе достоинства имѣетъ, нежели всѣ приношенія. „Милостивой Государь, сказалъ онъ ему: я одну поль-, ко отъ Васъ обиду претерпѣваю, по то-, му что я теперь долженъ жить и уме-, решь не благодарнымъ.

Неблагодарность была порокомъ во всѣ вѣки. Примѣръ каждаго въ томъ удостоверяетъ. Жена имѣетъ право жаловаться на мужа, мужъ на жену; отецъ на дѣтей; другъ на своихъ друзей; часть одна на прочихъ мѣщанъ; а Государь на подданнаго.

Посланные въ ссылку Сципіоны, Камиллы, и Цицероны, суть примѣры народной неблагодарности, которой во зло обращаетъ то, что къ спасенію его учинено было. Римъ, обязанъ былъ спасеніемъ своимъ ихъ храбрости и краснорѣчію; солдаты въ ихъ особахъ имѣли искусныхъ предводителей, мѣщане великодушныхъ избавителей: но не взирая на оказанное ими благодѣяніе опечеству, партія проивооружившаяся все испровергнула.





Мы жалуемся на неблагодарность другихъ въ по время, какъ они насъ шѣмъ же упрекать могутъ.

Слышу Анписта, жалующагося на не благодарнаго; а естлибъ допустить всѣхъ имѣющихъ причину на него приносить жалобы, тогда бы его гóлоса не слышно было.

Благодѣянiя оказываютъ не благодарнымъ. Разсуждаютъ, что служивъ къ чести благодѣтеля обязывать, а припомъ и корыстолюбіе побуждало оказывать услуги. Ежели сіе разсужденіе почестъ справедливымъ, то оное неблагодарности по- даетъ справедливую причину.

Послѣднiя благодѣянiя помрачаютъ часто первыя.

Пока надѣются заслужить благодѣніе, то любяшъ своего благодѣтеля: причиною ли тому благодарность? Никакъ нѣтъ, его убѣгаютъ, и ненавидяшъ, какъ скоро его благодѣніе такое, за которое досто- должно возблагодарить не можно.

Общая милость, благодѣніе многимъ оказанное, не столь прiятно. Мы не любимъ, чтобъ насъ помрачали, а напрошивъ того желаемъ, чтобъ одолжая насъ опли- чали; оная чувствительность бываетъ въ большихъ и малыхъ. Естлибъ Государь жаловалъ голубыми лентами всѣхъ благо- родныхъ, то бы Герцоги и Перы ни во что вмѣняли сіе награжденіе; а когда бы всѣ раненые въ арміи получали Святаго Лудо-

вика орденъ, то бы никто не поспавляялъ себѣ за честь быть раненымъ и носить красную ленту.

Что для всѣхъ дѣлается, то и для меня безъ заслугъ; какую бы милость вы со мною ни сдѣлали, да не для меня одного, то я оное не много почитаю. Вы одолжили меня тысячью ефимками, а и того болѣе дали Мандору и Оронту, то по справедливости раздѣляю я свою благодарность съ тѣми, которые пользуются вашею милостию, а вамъ часть оной оказать буду долженъ.

Не старайтесь служить многимъ, а старайтесь знать кому служить; это правило похвальнаго великодушія, которое наблюдать должно.

Благодарность къ частнымъ людямъ есть неблагодарность; а въ разсужденіи Государей это измѣна, и еще нѣчто того хуже, ежелибъ назвать то было можно.

Какая разность между Короля и подданнаго: какъ трудно сему сравняться благодарностию своею съ великимъ Государемъ: однакожъ больше случается, что Государь убѣжденъ бываетъ службою подданнаго. Если только почитать то благодареніемъ, что вѣсѣ и цвѣтъ имѣетъ золота, Александръ могъ справедливо сказать, что его съ оной стороны убѣдить было не можно. Ежели въ равновѣсіе взять съ одной стороны все богатство свѣта, а съ другой до-



брой совѣтѣ, или дѣла Парменіона, посмотрѣли бы, какъ оное побѣждать могло Александра?

Добродѣтельные люди могутъ приносить Государю такія услуги, за что наибольшая благодарность награждать не можетъ. Щедрость большаго человѣка поршитъ награжденнаго; доброй же совѣтѣ, даваемой сему большому человѣку, навлекаетъ ему честь, дѣлаетъ его разумнымъ, и шибко болѣе хвалы достоинъ.

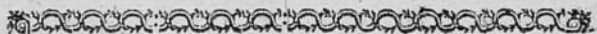
Даваемое воспитаніе Принцамъ, внушаемая имъ добродѣтель, суть такія преимуществва, которыя превосходятъ благодарность. Какъ легко имъ награждать искусство славнаго живописца, выдумку архитектора, сполько не возможно исполнить свой долгъ прошивъ усерднаго Министра, разумнаго Губернатора, и вѣрнаго Совѣтника. Александръ не упѣшно плакалъ по смерти Ариспопеля, болѣе нежели по Филиппѣ. Сенека не болѣе ли сдѣлалъ добра Нерону, нежели оной Римскому народу.

Одолжить пріятеля, не ожидая воздаянія, эта добродѣтель обыкновенная: но служить пріятелю, ожидая за то вѣрнаго воздаянія, это желаніе служить наемное.

Предпріиму ли я внушать людямъ взаимную благодарность? Они потеряли чувства къ Богу. Все для человѣка въ семъ пространномъ свѣтѣ, но ничего для Бога въ сердцѣ человѣка.

Солнце освѣщаетъ сего безбожнаго, которой того не достоинъ; море утишаетъ свирѣпость своихъ волнъ, чтобъ опвесити скупаго купца въ другія государства; земля ежегодно приноситъ свои плоды ненасытнымъ богачамъ, а между тѣмъ градъ побиваетъ хлѣбъ у бѣднаго земледѣльца, которой симъ отвращаетъ неудобность времени: вмѣсто того надлежало бы открыть глаза и благодарить щедрую руку, подающую рѣдкія благодѣянія; но сердце свое отвращаютъ отъ благодарности, уста отъ приношенія молитвы, и только негодуютъ.

О чемъ же будутъ жаловаться сіи не благодарные? Тѣмъ ли винить будутъ провидѣніе, что не дало имъ силы львиной, величины слоновой, скорости еленя, и легкости ппичей? Какъ бы роптаніе ихъ было не справедливо! Сколь слабы они ни кажутся; однакожъ укрощаютъ свирѣпость львиную, усмиряютъ слона, останавливаютъ полетъ ппичей, и обезсиливаютъ еленя въ бѣганіи.



## Г Л А В А 23.

### *О совлщныя мнѣнія.*

**З**аконъ Солоновъ подаетъ причину къ изрядному разсужденію. Онъ учредилъ, что сынъ не обязанъ кормить отца, естъ-



ли онѢ имѢя способѢ обучить вѢ младости сына своего художеству, о томѢ по должности своей не старался. Великая обязанность предписать дѢтямѢ по потребное упражненіе, внушая имѢ къ тому охоту, вмѢсто того чѢтобѢ допускать ихѢ препроводить вѢ праздности наилучшія молодости лѢта. Мы желаемѢ, чѢтобѢ они обучались музыкѢ, танцованію, мініатурной живописи, и обременяемѢ ихѢ тысячью не нужными искусствами, которыхѢ ко обученію первыхѢ началѢ едва имѢютѢ они довольно время. Для чего не возьмемѢ мы лучшей предосторожности, обучить ихѢ полезнымѢ наукамѢ? ПриведемѢ ихѢ вѢ состояніе бытъ нѢкогда праводушными купцами, просвѣщенными судьями, разумными Офицерами, усердными гражданами: государство вѢ цвѣтущее состояніе тѢмѢ приведено будетѢ, а семейства наши останутся вѢ почтеніи.

Я нахожу весьма разумно то, что сказалѢ КрапесѢ. ОнѢ желалѢ взойти на самое возвышенное мѢсто вѢ городѢ, откудова бы онѢ могѢ громогласно восклицать: О люди! сколь велико ваше заблужденіе, „ что вы печетесь собирать богатства, не „ стараясь о воспитаніи вашихѢ дѢтей, „ которыхѢ вы оное должны оставить! „ Обыкновенно видимѢ такихѢ опцовѢ, которые намѢряются учинить дѢтей своихѢ богатыми, а меньше всего думаютѢ сдѣлать

дасть ихъ честными людьми, естлибѣ научили ихъ, какъ употреблять оныя богатства; но подаютъ имъ примѣры роскоши, или крайней скупости. Я признаюсь, что при нихъ говорятъ, какъ трудно приобрести богатство, какъ нужно оное сохранять, и какъ не сносно лишаться онаго: объ этомъ ли съ ними говорить надлежитъ? Не довольно ли они уже и безъ того имѣютъ щеславія, не возбуждая въ нихъ сластолюбія, которое и само собою довольно приходитъ?

Наспавленіе юношества почиталось въ древность необходимою должностію, чтобъ отцы сами научали своихъ дѣтей. Въ сіи щасливые времена не было другихъ учителей, кромѣ тѣхъ, которыхъ натура къ тому опредѣляла. Вѣдали, сколь опасно препоручать воспитаніе тѣмъ, которые не съ усердіемъ то исполняютъ будутъ.

Такимъ образомъ обучать дѣтей, у Римлянъ почиталось почтенною должностію: что скажемъ мы въ свое оправданіе, что въ ономъ имъ не послѣдовали? Неходимыя ихъ упражненія, прилѣжность къ дѣламъ, и число дѣтей ихъ, съ большею справедливостію и ихъ бы извиняло.

Естлибѣ отцы смотрѣли за своими дѣтьми, не можнобѣ довольно было изъяснить, сколько такое смотреніе добра бы приносило; данная имъ власть съ хорошими ихъ совѣтами, и зависимость дѣтей





шей дѣлала бы ихъ покорливыми власти опцовской, которые бы блюли о ихъ поправленіи. Страсти не мѣшались бы въ поступки юношества. Тайные пороки, безразсудныя склонности и упрямства, далеко бы отгнаны были. Добродѣтель сдѣлалась бы обыкновенною, и все кажущееся имъ грѣхомъ, чинило бы имъ отвращеніе.

Есть ученые съ оспроугою, которые исполняютъ добродѣтели: какъ скоро узнаютъ ея изящность, они чувствуютъ опмѣнную склонность къ любленію ея; имъ только показать добро, чтобъ возбудить въ нихъ склонность къ произведенію онаго въ дѣйство; вы скажете, что натура все въ нихъ совершила, и воспитанію ничего дѣлать не оставалось.

Всякая страсть безчеститъ состояніе человѣка: напрасно закрывать онъ будетъ свои пороки, они пѣмъ не умялятся. Однакожъ испорченной свѣтъ сдѣлалъ, что не всѣ ненавидимы. Страсть къ женщинамъ, любовь къ славѣ, желаніе къ мщенію, почипаются дѣйствіемъ мужества, и благоприспойною необходимостію; а есть другія, которыхъ не очень честные люди ненавидятъ. Пренебрегаютъ пьяницу; всякой хулитъ его крайность и его убѣгаетъ.

Неумѣренность великихъ людей есть самый опаснѣйшій порокъ, которой дѣлаетъ ихъ жестокими и свирѣпыми. Александръ въ великомъ гнѣвѣ, происшедшемъ отъ

отъ вина, убилъ Клипуса; Маркъ Антоній веселясь за столомъ, велѣлъ принестъ къ себѣ головы славнѣйшихъ мѣщанъ.

Персы и Греки совѣщовали за столомъ: конечно они думали, что тогда удобнѣе говорить правду, ибо въ хмелю обыкновенно оставляютъ лести и прищворство.

Мнѣ кажется, что на банкетахъ не очень способны люди къ рѣшенію. Разумъ тогда не свободно дѣйствуетъ, парь смущая его, затмѣваютъ лучи премудрости. Ежели же отъ поль смущеннаго разсудка когда и появятся нѣкоторыя здравыя разсужденія, то это не значай и отъ того жъ стремленія, такъ какъ и море, которое сокровенныхъ въ безднѣ его сокровищъ иначе не выбрасываетъ, какъ въ волненіе.

Нѣтъ обыкновеннѣе страсти корыстолюбія. Единое почтеніе удаляетъ отъ грѣха; природная стыдливость не допускаетъ до худыхъ обхожденій; благоприсойность совѣтуетъ наблюдать смиренномудріе, стыдится гнѣва, и таковыя предолѣнія себя кажутся славны. Но уступить побужденіямъ корыстолюбія, побѣда сія постыдна.

Тороватыя наружностію показываютъ въ себѣ такое корыстолюбіе, котораго они оставить не могутъ; можно оное предолѣть, но только тогда, какъ оно сопротивляется желаніямъ.



Корысполюбіе испортило употребленіе добра, отъ щеславія его ищущъ, а скупость его удерживаетъ. Не видно ужé такихъ безкорыстныхъ душъ, которыя бы его съ неперпѣливостію дожидались, илибъ владѣли онымъ съ умѣренностію.

Корысть раздѣляетъ брата съ братомъ, друга съ другомъ, и человѣка самаго съ собою.

Ужé гласъ природы не слышенъ, когда прибыль себя являетъ, и самая вѣра молчитъ вѣ присутствіи оной. Ибо сынъ воспаетъ на отца, Христіанинъ же ей жертвуетъ всею своею совѣстію.

Гнусная жертва, которую приносятъ корысти! скупой купецъ почитаетъ прибыль своимъ творцомъ; судья вѣ присутствіи съ собою ее имѣетъ; придворной и Министръ только по внушеніямъ оной поступаютъ; я принужденъ и больше сказать, не одному Богу жертвуютъ во храмахъ церковнослужители, поставляя ковчегъ къ Дагону, смѣшали святыню съ корыстью.

Господинъ Муаніонъ благодарилъ Г. Мазарина, которой поздравлялъ его съ чиномъ перваго Президента: но кардиналъ ему отвѣчалъ, что ежелибъ Король могъ найти добраго человѣка лучше его, то бы ему онаго чина не далъ. Сколь пріятно получаютъ возвышеніе по своимъ достоинствамъ; естлибъ всѣ чины раздавались по достоинствамъ, то бы съ лучшимъ порядкомъ от-  
пра-



правлялись должности. Когда безпорочные люди правятъ государствомъ, по должно ожидать добраго порядка; какъ же скоро щеславной найдетъ средство произвестъ въ дѣйство свои намѣренія, по ужè не будетъ миролюбивое правленіе, но жестокое тиранство.

Великіе чины не составляютъ великихъ людей, но великіе люди являютъ величество и въ малыхъ чинахъ. Если по щастію кто предупрежденъ будетъ въ пользу ихъ, то они во всѣхъ своихъ дѣлахъ удивленія достойными себя окажутъ; оная выгода не лучше ли того, чѣмъ обращаться въ значныхъ должностяхъ единственно къ стыду своему?

Я сколькожъ почитаю человѣка съ веселіемъ дѣла свои отправляющаго, какъ того, которой веселію дѣла предпочитаетъ.

Наблюдать всегда равнодушіе, и въ самомъ спокойствіи духа размышлять о порядкѣ, къ тому-то долженъ человѣкъ стремиться.

Въ значныхъ отправленіяхъ потребно проворство молодаго, и зрѣлость стараго человѣка.

Нужной человѣкъ государству, въ разсужденіи своего опмѣннаго достоинства, тонкости разума, подверженъ обыкновенно всегдашней дряхлости, отъ того дѣла медлятся; оное несчастіе безъ поправки,



а на его мѣсто молодого и не искуснаго человѣка опредѣлить не можно.

Всѣ строящіеся ищутъ только спокойнаго расположенія, и многіе въ Парижѣ въ чужихъ домахъ больше находятъ пространства, нежели въ своихъ.

Для себя ли строятся, и для своего удовольствія? чего я не думаю. Изъ десяти домовъ, устроенныхъ Лизисомъ, онъ и въ трехъ самъ не былъ.

Ришелье, славное мѣсто въ государствѣ, какъ въ хорошемъ расположеніи города, такъ и въ лучшемъ строеніи замка, все сдѣлано было по приказу Кардинала сего имени. Увѣряли меня, что онъ самъ никогда тамъ не былъ, а довольствовался тѣмъ, что подъ именемъ его построены былъ городъ.

Я смотря на дворецъ одного чужестраннаго Принца, разсуждалъ самъ въ себѣ: на что столько мѣста для одного человѣка, которой изъ всѣхъ сихъ пространныхъ покоевъ займетъ только одинъ, и въ томъ одну постѣлю, и въ той не большое мѣсто, оставляя много пустоты. Оное разсужденіе гораздо понравилась бы Діогену, которой самымъ дѣломъ оное исполнилъ, что предпочелъ простое жилище великолѣпному дворцу Македонскаго Государя.

Война опасна по тому, что наводитъ великія несчастія; однакожъ она не бесполезна: миръ по ней послѣдующій приводитъ

диптъ всѣ вещи въ прежній истинный ихъ порядокъ.

Послушаніе во всякое время было похвально, а особливо въ войнѣ.

Послушаніе, какихъ бы оно худыхъ слѣдствій ни было, найдетъ однакожъ похвалу. А непослушаніе, какъ бы удачно ни было, строго будетъ судимо: примѣръ тому сынъ Епаминондаса. Оной воинъ Тебанской брань имѣлъ съ Лакедемонцами; назначенъ былъ день для выбору судей; отецъ запретилъ ему сражаться. Лакедемонцы пользуясь отсутствіемъ своего предводителя, просили сына его напастъ на непріятеля: за отказъ называли его трусомъ, и такъ онъ позабывъ данный ему приказъ, сразился и побѣдилъ непріятеля. Епаминондасъ короновалъ сына своего побѣдителемъ, но не хотя оставить безъ наказанія его преслушаніе, тотъ же часъ велѣлъ ему отрубить голову.

Чтобъ было изъ того, естлибъ дозволялось пресупать военныя права? Одинъ бѣшеной и не совѣмъ храброй, или безъ искусства человекъ, всего бы государства судьбину имѣлъ въ своихъ рукахъ: политика по причинѣ тому пропившся.

Малѣйшій сигналъ возбуждаетъ къ великой храбрости; храброй человекъ всегда готовъ спать проливъ своего непріятеля. Онъ не требуетъ времени приготовитьсь великолѣпно, выѣхать или заготовить во-





енные снаряды, храбрость его замѣняетъ. Ему приказать не успѣютъ, какъ онъ уже готовъ сражаться съ своимъ соперникомъ. Александръ столько склоненъ былъ къ войнѣ, что, какъ скоро услышалъ игру на трубахъ, то обнажилъ свою шпагу.

Роскошь побѣдоноснаго народа тогда только служилъ упрежденнымъ, ежели отъ того солдаты ослабѣютъ и лишатся храбрости, или поперяютъ случай къ побѣдѣ. Римъ долженъ упреждаться отдачею Карфагена. Фабій довольно былъ опущенъ слабостію Аннибала, котораго разбитіе приписываетъ Сентъ-Евремонъ роскошамъ въ Капуѣ, которыя побѣдителю Римлянъ весьма были не сносны.

Терпѣніе уменьшаетъ болѣзни: ибо оно ободряетъ человека, а неперпѣливость усугубляетъ: ибо она происходитъ отъ слабости.

Жалуются на несносность болѣзни, но надобно въ помѣ винить свою слабость.

Человѣкъ такъ не терпѣливъ, что самая бездѣлица его поколебаетъ.

Нѣтъ болѣзни превосходящей нашу твердость; я разумѣю сверхъ той силы, которую человѣкъ имѣетъ по своему состоянію. Муціусъ превзошелъ жаръ огня, Регулусъ жестокость мученія; Сократъ ядъ; Рупиліусъ несносность ссылки; а Катонъ видимую смерть.

Когда терпятъ, то думаютъ, что другіе того свободны. У кого голова болитъ, тотъ думаетъ, что зубная болѣзнь не столь мучительна; а у кого зубы болятъ, тотъ думаетъ, чтобы онъ лучше вытерпѣлъ каменную болѣзнь; воображаютъ себѣ, что другихъ болѣзни сноснѣе, нежели тѣ, которыхъ сами претерпѣваютъ.

Я нахожу въ Ксенофонтѣ славной примѣръ мужества. Когда пришли ему возвѣстить о смерти сына его, то онъ снялъ съ себя шляпу, украшенную цвѣтами, показывая чрезъ то, что онъ огорченъ. Но онъ скоро пошомъ ее опять надѣлъ, какъ ему сказали, что сынъ его умеръ храбрымъ человекомъ, огорченіе прямо разумѣваемое? Слѣзы справедливо проливаемые! то, что возбуждало бы наше огорченіе, служило къ облегченію скорби Ксенофоновой. Мы оплакиваемъ дитя, которое намъ подавало хорошую о себѣ надежду, а часто по неизвѣстности нашей, можетъ быть, онъ бы все то помрачилъ, если бы жилъ болѣе.

Тѣ, которые славно умерли, не должны побуждать насъ къ великому огорченію. А кажется справедливѣе оплакивать тѣхъ, которые окончили жизнь свою безславно, будтобы мы слезами своими желали омытъ порокъ грѣховной ихъ жизни. Не по тому давидъ неутѣшенъ былъ послѣ жал-



жалкой смерти Авесалома? Сей Принцъ къ уменьшенію своихъ вздоховъ, когда объявили, что Авениръ убишъ былъ измѣнникомъ Іоавомъ, громко сказалъ: какого великаго человѣка лишился Израиль, и Авениръ прекратилъ свою жизнь не такъ, какъ умираютъ прусы.

Злопамятной, которой никогда не прощаетъ, самъ есть первой, которой желаетъ, чтобъ Богъ его простилъ. Онъ ропсалъ бы на спрогую справедливость Божию, ежелибъ принудилъ его прожить нѣсколько лѣтъ въ покаяніи; простительно ли имѣть цѣлой вѣкѣ смертельное мщеніе противъ своихъ злодѣевъ?

Злопамятной искусно оправдаетъ свои чувствованія; онъ жестокъ, и ничего не значащее слово его на гнѣвъ побуждаетъ; онъ свирѣпъ и оmyваетъ обиды свои въ крови; изрядная честь, которую оправдаютъ грѣхами.

Покорность ни мало не дѣйствуетъ надъ разсудкомъ злопамятнаго; чѣмъ болѣе вы покаряетесь, тѣмъ болѣе онъ отъ васъ того пребудетъ. Такія подлости не сдѣлаютъ ли вамъ отвращенія? Вѣра чинитъ оное достоинство славнымъ.

Хорошо скрывать обиды, убѣгая, чтобъ не быть принуждену дѣлать отмщеніе.

Гнѣвъ большихъ не такъ скоро утишается, какъ малыхъ людей; безмѣрно чувствительны они къ чести; они разсужда-

ждають за подлость, щобъ прощати, и за прусось, щобъ не опомщати.

Провидѣніе об'являється столь же сильно въ малыхъ вещахъ, какъ и въ большихъ. Оно снабдило силою льва, а не муравья, копораго опмѣннымъ искусствомъ противъ льва наградило. Слонъ очень силенъ, но птица превосходитъ его легкостью. Вездѣ видна премудрость сего Вышняго всемогущества. Все въ натурѣ спройно, и все чудно!

Всякое благо низпосылается намъ съ неба, никто въ томъ не сомнѣвается: однакъ нѣкоторыя вещи провидѣніе опдаетъ человѣку на волю, и оныя зависятъ отъ множественныхъ причинъ; а другія вещи раздаетъ непосредственно: оныя не зависимыя отъ человѣка, дѣлають его не вредимымъ отъ нападенія прочихъ, и таково есть блаженство мудрыхъ Государей. Они за хорошій ихъ успѣхъ должны благодарить Бога, имъ то прямо пославшаго. Другіе люди получаютъ не посредствомъ свое благополучіе; Богъ опредѣляетъ имъ бытъ благополучными, но исполняетъ намѣренія своей благости посредствомъ могущихъ людей.

Безъ денегъ, не знаю, щобъ предлагалъ Прокуроръ, купецъ и казначей; у нихъ только и разговора; мнѣ должны сполько, я нажилъ великіе доходы, я ужѣ пятой въ имѣніи миліона.



Богатой говоритъ о деньгахъ, по тому что онъ ихъ имѣетъ; другіе объ нихъ говорятъ по неимуществу, и что ихъ получить желаютъ.

Не уважая богатствомъ, есть быть совершенно богатымъ.

Болѣе стариковъ живущихъ молодыми, нежели молодыхъ, которые бы жили стариками.

Я очень не хвалю тѣхъ, которые въ старости прищворно являютъ себя молодыми.

Всякое состояніе должно имѣть особенное свое ученіе; но премудрость есть всѣмъ общая наука, во всякомъ состояніи и возрастѣ. Пристойно ли Богослову сочинять любовныя повѣсти? Конечно нѣтъ. Такъ какъ и стихотворцу опнудъ не прилично полковать тайнства вѣры; молодой Випія вступитъ ли между Докторами? Никогда. Но никогда не похулятъ тѣхъ, кои прилѣжатъ будутъ къ обученію премудрости. Малые, слабые и не смысленные снискивать по могутъ: они столькожъ къ тому права имѣютъ, какъ и самые совершенные въ наукахъ.

Человѣкъ, трудившійся въ наукѣ премудрости, постыдится упражняться въ другомъ. Платонъ въ младости своей сочинилъ оды и трагедіи, которыхъ онъ потомъ сожегъ, опасаясь, чтобъ они не нанесли безчестія имени Философа; божественное имя весьмабы худо было утвержде-

но обнаруженіемъ его сочиненій, въ которыхъ бы не было хорошаго слога, а особливо въ послѣднихъ его изданіяхъ.

Великія дѣши къ удивленію сходствуютъ между собою. Храброй человѣкъ склоненъ къ подобному себѣ; радуется его успѣхамъ, печалится о его неудачѣ. Чувства и разумныхъ таковы же; радуются, когда похваляютъ ихъ сочиненія; огорчаются, когда всеобще оныя не приняты; славу ихъ въ собственное свое щастіе вмѣняютъ.

То не роскошь, чтобъ быть въ удобное время чливу. Но не удобное время безобразитъ всякія крайности. Беречь свое имѣніе въ удобное время, это не скупость; показывать себя ученымъ при случаѣ, это не тщеславіе.

Употребимъ способности, которыя провидѣніе низпослать благоволило. Простительно ли зберегать тысячу вещей, а между тѣмъ глупо промотаться? Люпейнъ имѣетъ хорошую лошадь, но рѣдко на ней ѣздитъ, боится ее разгорячить. А между тѣмъ самъ такъ отъ ходьбы разгорячится, что получаетъ отъ того жестокую простуду и чуть не умираетъ.

Знатная барыня по такомужъ глупому усердію къ своимъ лошадямъ, въ самую жестокую зимнюю погоду изъ упряма





ства пошла пѣшкомъ; но за снизхожденіе свое весьма худо была заплачена. Она передомною упала. Учтивость побудила меня ей помочь встать.

Я не преминулъ изъяснить ей, что состояніе богатыхъ очень не похвально, ежели они не могутъ по своему желанію пользоваться своимъ имѣніемъ. Она такія предпріятія располагала, что уже въ вѣкъ ей подобнаго несчастія не приключится. Въ самомъ дѣлѣ, на что имѣть карету, ежели ее въ худое время запирашь въ сараѣ: а когда время хорошо, тогда въ ней не будетъ нужды: а въ бурю и въ дождь всякой сидитъ дома.

Александръ спрашивалъ у Крапеса, желаетъ ли онъ, чтобъ приказано было опять построить его отечество? Нѣтъ, отвѣчалъ сей Философъ: другой Александръ можетъ быть придетъ и разоритъ также. Какъ бы кто совершенъ ни былъ, найдутся люди, которые могутъ заступить его мѣсто. Человѣкъ умретъ. Каждой въ первыхъ движеніяхъ прискорбности увеличиваетъ его потерю, похваляетъ его дѣла, отчаевается, чтобъ ктонибудь могъ ему послѣдовать, или нѣсколько хотя подражать начатому; однакожъ выходитъ противное тому. Брюни и Миньярды почти помрачили Апеллесовъ и Зевксисовъ. Послѣ Лувуа наступилъ Лонпонъ; послѣ Турена Люксамбургъ; послѣ Люксамбурга Виль-

Вильруа; слава Кесарей почти исчезла чрезъ славныя дѣла Лудовиковъ.

И такъ нѣтъ поперя челоуѣка безъ вознагражденія. Не усомнимся, чтобъ послѣ сихъ, копорымъ мы удивляемся, не вспушилибъ другіе большаго удивленія достойныя, а творецъ одинъ можетъ сдѣлать, что въ одной особѣ Королевской не будетъ уже никогда другой ему подобной.

Что намъ дѣлать въ чужихъ государствахъ? пребудемъ въ своемъ отечествѣ; оно намъ также представляетъ цвѣты, горы, лѣса, и лучшіе города, нежели мы увидимъ въ другихъ государствахъ. Путешествія научаютъ жить; коммерціи разныхъ областей много способствуютъ. То ли ваше намѣреніе! Вашъ пріятель Титонъ, объѣхавъ королевства Сіамъ, Китай, Индію и Японію, чтожъ выучилъ такое, чегобъ онъ прежде уже не зналъ? Узналъ онъ, что варвары имѣютъ дикой обычай, а его сдѣлался ли чрезъ то болѣе снисходительнымъ? Онъ видѣлъ идолослуженія сихъ не просвѣщенныхъ народовъ: я также какъ и онъ зналъ ихъ суевѣріе; но сіе разное богослуженіе, сіи разные законы не поколебали ли его, чтобъ онъ того оберегался?

Исправлять себя философски, это припирать свои пороки, искоренять свои страсти, это исправлять себя по-Христіански.



ски. Многіе ищутъ сего совершенства, чтобъ не быть обезчещену въ свѣтѣ. А Христіанинъ еще дальновиднѣйшія имѣетъ намѣренія. Онъ не доволенъ собою, ежели онъ не очистится столькожъ внутренно, сколько Философы съ наружности припворно являютъ; онъ пресѣкаетъ порокъ съ корня, и все, что припворное, противно его добродѣтели.



## О В Ъ Я В Л Е Н І Е

*Отъ Издателей Журнала Утренняго Свѣта.*

**Б**лагосклонное принятіе Журнала нашего первыхъ двухъ годовъ не токмо въ обѣихъ столицахъ, но и во многихъ городахъ Россійскія Имперіи; поощрительные отъ многихъ знатныхъ Особъ отзывы о производимомъ въ дѣйство намѣреніи нашемъ въ заведеніи Училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей; благоволеніе, изъявленное при посѣщеніи Училищъ разными Особами; спомоществованіе, оказываемое душами сострадательными и благопвортельными; и наконецъ ревностное, чело-вѣколюбивое и достохвальное многихъ усердіе въ собираніи подписчиковъ на оный Журналъ, подають намъ не сомнѣнную надежду, что и впредь не только на первы  
год

годы подписавшіеся, но еще и другіе, не отрекутся подкрѣпить нашихъ предпріятій, клонящихся единственно на пользу согражданъ нашихъ, и неимѣющихъ въ себѣ ни малѣйшія тѣни собственныхъ корысти: ибо первымъ нашимъ правиломъ есть, чтобы почтенная Публика вѣдала въ подробности о всѣхъ дѣлахъ нашихъ, до заведеній и распорядковъ Училищъ касающихся, для чего cadaго года въ Августѣ мѣсяцѣ нашего Журнала и даемъ во всемъ вѣрный отчетъ. Да и всѣхъ просимъ и приглашаемъ, удостоивать своимъ посѣщеніемъ заведенныя нами Училища, въ какое бы время кому ни было угодно, въ часы ли ученія, или прापезы, или отдохновенія пипомцовъ; всякому во всякую минуту отперсты въ оныя двери съ признаательною благодарностію: и оное да послужитъ убѣжаніемъ cadaго, что мы по разумѣнію нашему въ силы свои прилагаемъ, споспѣшествовать благу бѣдностію угнѣтаемыхъ и сиротствующихъ юношей, кои со временемъ подѣ благословеніями Всевышняго, принесутъ посильный плодъ на службу Отечеству. Оныяжѣ Училища находятся, а именно: 1 *Екатерининское*, подѣ церкви *Владимірскія Богоматери*, въ домѣ *Господина Касопскаго*, гдѣ 32 челоѣка обучаются безденежно, въ назначенныя поуспру и послѣ обѣда часы, *Россійской грамотѣ*, *Капихизису* и первымъ на-



чаламъ Ариемепики, и куда могутъ приходить для сего обученія 53 челоѣвка; и 2. *Александровское*, состоящее на Васильевскомъ островѣ, противъ самой церкви *Благоустройства Богородицы*, въ принадлежащемъ Императорскому Сухопутному Шляхетному Кадетскому Корпусу домѣ, гдѣ 26 мальчиковъ разнаго званія и возраста воспитываются и обучаются, а сверхъ того 27 челоѣвъ безденежно, и еще 9 съ запла-тою положенной суммы, приходятъ въ назначенные часы обучаться. Въ чемъ же кто изъ нихъ упражняется, о томъ въ Августѣ мѣсяцѣ Журнала нашего обстоя-тельно показано.

И такъ соображая все сіе, надежно приступаемъ мы къ подпискѣ на третій годъ или на VII. VIII. и IX. части нашего Журнала.

1. Цѣна и сему году въ Санктпетер-бургѣ и въ Москвѣ по 4 рубли: а въ прочихъ городахъ по 4½ рубли. Для усердствующихъ же дасть болѣе, оставляется на волю челоѣколюбиваго и сострадательнаго ихъ сердца.

2. Подписываться на оный можно въ Санктпетербургѣ въ Типографіи Императорскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса и у книгопродавца г. Миллера, а въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ у Воскресенскихъ воротъ, откуда билеты и экземпляры получить



можно, гдѣ и деньги отдавать просимъ. Въ другихъ же городахъ желающіе подписаться могутъ учинить оное у пріѣвшихъ на себя трудъ въ собираніи подписчиковъ, или у Почтмейстеровъ, отъ которыхъ также и экземпляры получаютъ имѣютъ, и коимъ деньги для доставленія въ Московскую Почту Амтѣ благоволятъ вручать.

3. Желающіе получить первыя шесть частей, могутъ также адресоваться въ назначенныя мѣста.

4. Чтожъ касается до матерій, имѣющихъ помѣщаемыми бытъ въ Журналѣ нашемъ: то и на сей прѣшій годъ оспаемся при единожды принятыхъ нами правилахъ: ибо мы не можемъ того себѣ представить, чтобъ индѣ сухость матеріи въ ономъ могла кого либо опвести отъ подписки, по тому что главная цѣль сего Журнала есть, какъ то всѣмъ благонамѣреннымъ Особамъ извѣстно, дабы выручаемыми за оный прибыльными деньгами спомоществовать бѣдности и сиротству, единственно на пользу Отечества.

Мы просимъ у всѣхъ почтенныхъ читателей и спомоществователей благосклоннаго извиненія, что принуждены были опоздать изданіемъ послѣднихъ мѣсяцовъ втораго года; сіе произошло отъ того, что по внутреннимъ обстоятельствомъ нашимъ, необходимо надлежало печатаніе нашего Журнала перенести изъ Санктпетербурга въ





въ Москву, отъ чего и сіе медленіе послѣ-  
довало. Но мы смѣемъ увѣрить, что  
шрещій годъ будетъ выходить почно и  
исправно: и какъ первыя три части печат-  
ающіяся вторымъ численіемъ: то оныя въ  
не продолжительномъ времени будутъ со-  
общены подписавшимся на оныя, копорые  
ихъ еще не получали.

Въ заключеніе всего просимъ и пригла-  
шаемъ вновь всѣхъ любезныхъ благонамѣ-  
ренныхъ соопчицей нашихъ, подкрѣпипъ  
наше, или паче, общественное предпріятіе,  
имѣющее предметомъ своимъ не иное что,  
какъ споспѣшествованіе пользѣ и благу че-  
ловѣчества. Всевышній да обратитъ каж-  
даго сердце на благія намѣренія, и да про-  
спретъ руку его на помощь пребующимъ  
оныя!



УТРЕННІЙ  
СВѢТЪ,  
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

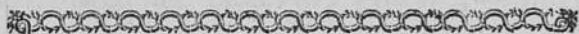
*Мѣсяцъ Декабрь.*

---





# У Т Р Е Н Н Ъ Й С В Ъ Т Ъ .



## ЮНГОВЪ ПЛАЧЪ.

### Н О Щ Ъ VII.

*Вторая часть обращеннаго непѣрстпующаго.*

**Н**ебо призываетъ насъ ; призываніе его намъ нужно ; однакожъ при всемъ томъ мы его не почитаемъ. Который день , который часъ не толцется у сѣрдца человѣческаго , дабы возбудить дѹшу къ чувствованію будущаго ? По всѣмъ пупямъ стоятъ *смерти* , подобно испуканамъ Меркурія , которые намъ наилюбезнѣйшимъ образомъ конецъ пупешествія нашего показуютъ . О Попе , ты , который могъ учинить безсмертнымъ ! и ты уже скончался ? Желая тебѣ щастія : не хочу съ тобою прощатися , скоро бо и я тебѣ послѣдую . Человѣкъ погружается токмо во смерть ;  
Часть VII. Т онъ



онѢ сокрывается отѢ солнца, дабы пред-  
стать паки во дни еще сего гораздо свѣш-  
лѣйшемѢ; гробница служитѢ ему подзе-  
мнымѢ путемѢ ко блаженству его веду-  
щимѢ. Воистинну такѢ, се есть планѢ,  
начертанный безконечною благостію; сла-  
воносная исторія наша распространяется  
чрезѢ различныя часпи; *время* составля-  
етѢ предисловіе оныя, и вѣчность развяза-  
етѢ книгу, книгу никогда не развязуемую  
судьбы челоуѣческія.

И небо и земля, о семѢ тебѢ уже  
предвозвѣстили. МірѢ есть, пророчество  
міровѢ будущихѢ; и кто же дерзнетѢ оп-  
рицать то, что *БогѢ* предсказуетѢ; *БогѢ*,  
который вещами глаголетѢ гораздо громо-  
гласнѣе нежели словами? Еслии доказа-  
тельствва природы представляются тебѢ  
слабыми, то обрати новый листѢ, и чи-  
тай вѢ *челоуѣкѢ* доводы гораздо сильнѣй-  
шіе. Еслии челоуѣкѢ продолжаетѢ пре-  
даваться сну, и отѢ всего имѢ видимаго  
не научается, то можетѢ ли онѢ не вбро-  
вать тому, что уже дѣйствительно чув-  
ствуетѢ? ТотѢ, коего слѣпый разумѢ оп-  
рицаетѢ будущее, подобно тебѢ о *Белле-  
рофонѢ*! самѢ того не зная, приноситѢ соб-  
ственное обвиненіе свое; онѢ самѢ себя осу-  
ждаетѢ; кто чтетѢ во груди его, чтетѢ  
жизнь безсмертную; или природа ослѣ-  
пила чадѢ своихѢ, и единыя басни вѢ насѢ  
начертали; челоуѣкѢ учинился ложью.

Почто пребыло сердце его безпрестаннымъ пребываніемъ неудовольствія? Сего неисцѣлимаго снѣденія спокойствія нашего! Скажи мнѣ, для чего *овитатель хижины* и *Царь*, тотъ, которому зѣмли морями раздѣленныя повинуются, и тотъ, который всю свою область отъ пустыни заземлетъ, и зимнія бури единымъ рубищемъ и соломою прогоняетъ: скажи, для чего оба равно безпокойны, вздохи вздохами опѣвчуютъ, въ участи своей такъ далеко отдаленны, а въ жалобахъ такъ близко одинъ другому находятся?

Отъ того ли сіе происходитъ, что земныя вещи не могутъ насъ удовольствовать? Спенаютъ ли стада твои по изобильнымъ правамъ пасущіяся? Нѣтъ: но владыкъ ихъ невинная *песелость* ихъ опказана. Человѣкъ, находяся здѣсь, не въ своемъ мѣстѣ, пребываетъ недоволенъ; въ семъ чуждомъ полѣ, гдѣ природа питаетъ его другими бѣствами, а не тѣми, которыя для насыщенія желаній его назначены; бѣденъ во изобиліи, и алчущъ посредѣ пира, не преспааетъ онъ воздыхати о чемъ то еще гораздо сего *вольше*, въ самое то время, когда большею частію наслаждается. Уже ли небо милосердѣе ко скоту твоему, нежели къ тебѣ? Ни мало: паства твоя еще поя изобильнѣе; отчасти отдаленна; о сей то отдаленной части природное побужденіе научаетъ человека во-





пiяпи, хопя, можетъ бытъ, разумъ его упоенный чувстввенностiю опочiетъ, и ни мало о причинѣ сего не помышляетъ. Но сколь же очевидна причина сiя, сколь скоро разумъ его ото сна воспрянетъ! горестъ его, ничто иное какъ инако облеченное высочество, а неудовольствiе его безсмертiе.

Ужѣ ли чада Ээира, ужѣ ли кровь небесная долженствуютъ всегда надежду свою возлагати на землѣ, и находяся въ грязи, со скопскимъ удовольствiемъ въ клеветѣ себя затворити? Нѣтъ Лоренцо, нѣтъ: имъ надлежитъ чувствовать благородное огорченiе; славноносные чужеземцы сiи должны ли безпокойствомъ въздыхати о престолахъ; и ты ко въздохамъ симъ долженъ желать имъ благополучiя. Бѣдственности человекъ доказываютъ, что онъ рожденъ для блаженства; угрызаемое сердце его подкрѣпляетъ истинну мною воспѣваемую, и сомнѣвающагося въ главной лжи его наказуетъ.

Глава наша, сердце, страсти и способности, говорятъ всѣ единомъ языкомъ, и къ небу насъ призываютъ. Последнiя сiи находяся въ жестокомъ климатѣ земли, никогда не получаютъ онѣ совершенныя зрѣлости, и едва ли до догадки и заблужденiя возрастаютъ. Первыя же весьма сильны для сея области милостей. въздымаются съ шумомъ и обуреваютъ жизнь человеческую;

скую; какая добыча на земли сей за бурю сію наградить насъ можетъ? Нѣтъ, небо назначило спрасьямъ нашимъ надлежащіе предметы, предметы, которые требуютъ всего жару ихъ, и ни единыя ошибки, развѣ токмо въ недостаткѣ, не оставляютъ. О небо милосердное! избави насъ отъ ограниченнаго вождельнїя блаженства неограниченнаго! о блаженство неограниченное! смертная радость весьма низка для душъ безсмертныя. И сами способности наши не должны ствуютъ умереть не созрѣвши, но по слабому спараніи на землѣ сей, будучи перенесены на земное сіе ложе и находяся въ благороднѣйшей землѣ и подъ яснѣйшимъ солнцемъ, надлежитъ имъ расцвѣтати съ велелѣпіемъ, и всѣ плоды свои приносити.

*Разумъ* возрастаетъ мало помалу, *прожденное побужденіе* уже совершенно скоротечное; *побужденіе* сіе лепитъ; а медленный разумъ восходитъ слабыми шагами. Скопѣ достигаетъ скоровременно вершины своя; малое его *псе* спекается вдругъ въ единое мѣсто; въ цѣлыя сполѣтія, не возмощетъ уже онъ болѣе знать, дѣлать, желать, или наслаждаться. Еслибы чело-вѣкъ достигъ единыя древности съ солнцемъ, то и тогда бы младолѣтній Пап-ріархъ долженствоваль учипся, однакожъ умирая оставяль бы урокъ свой половина недоученный. Человѣки остановилися бы



посредѣ теченія своего, подобно какъ есть-  
либѣ солнце предѣ своимъ полуднемъ  
въ *посточныхъ* моряхъ сокрылося, когда  
токмо дерзну сіяніе уподобить *темнотѣ*,  
а полуденные лучи душѣ человѣческой.  
О мачихѣ подобная природа! почто тебѣ  
полико строгой прошиву человѣка являпи-  
ся? Почтобы превосходнѣйшее свое про-  
изведеніе, не докончанное бросапи, когда  
ты самымъ бездѣльнѣйшимъ твореніямъ  
придаешь послѣднее совершенство ихъ?  
Или, когда ужѣ бѣдвый человѣкъ, яко не-  
временное рожденіе, умерети долженствую-  
ешѣ, и не смѣешѣ достигнути, чего до-  
стигнушь онѣ въ состояніи, почтоже со-  
*страхомъ* умирашь онѣ долженѣ? Для че-  
го, къ величайшему бѣдствію своему имѣ-  
ешѣ онѣ способность зрѣпи въ будущее?  
Почто онѣ мудрѣ для нещастія? По-  
что имѣешѣ онѣ менѣе преимуществѣ въ  
чинѣ своемъ, нежели во спраданіи? Единое  
*безсмертіе* его на все сіе опвѣтствовашѣ  
можетѣ; сіе богатое сокровище, въ состо-  
яніи всѣмъ нещастіямъ придашь соразмѣ-  
рную прошивотягость и вѣсы на сторону  
справедливаго склонити можетѣ.

Единое безсмертіе его можетѣ рѣшитѣ  
наипемнѣйшую изо всѣхъ *загадокъ*, *наде-*  
*жду* человѣческую изо всѣхъ наисильнѣй-  
шую, - естли мы токмо умремѣ во смер-  
ти. Надежда, жадная надежда, убійца  
радостей нашихъ, попираешѣ всѣ днешнія  
бла-

блаженства, и едва ли она не лишайшій мучитель, нежели и само *отчаяніе*. Ни чѣмъ прошедшимъ не довольна, *надежда* наша предлагаетъ безпрестанно новыя работы, и когда мы желаемъ спокойствія, то отсылаетъ насъ къ единой смерти. Для чего *полученіе* блага не столь сладостно, какъ *желаніе* онаго? Для чего желаніе гораздо намъ драгоцѣннѣе, нежели вѣнецъ? Для чего исполненіе желанія сего служитъ гробницею блаженству нашему? Для того что въ *целикомъ будущемъ* гораздо долѣе за нашими предпріятіями могущества и чести, все то лежитъ во глубинѣ сокровенно, что шокмо челоуѣку съ ревностію искаши должно, и для того, что *тотъ*, копорый сдѣлалъ его таковымъ, склоняетъ его къ истинному.

Конечно такъ. Всемогушій направляетъ сердце челоуѣка къ *будущему*, чрезъ сокровенныя и непреодолимыя пружины, и надежду его дѣлаетъ радостію на землѣ сей. Сердце челоуѣческое пожираетъ вещи, но при всемъ томъ пребываетъ гладно, „болѣе, болѣе! вопіетъ не насытимое. Съ такимъ то жаромъ свирѣпствующія желанія пребуютъ нѣчто *нопаго*; естли челоуѣкъ не можетъ восходить, то *хочетъ* онъ пасти. Отъ наслажденія умираетъ онъ голодомъ. Для сея то причины онъ обладатель свѣта, съ высоты честолубія низвергнулся въ *Капрею*, и сдѣлалъ себя



еще ниже нежели самый скотъ. Почто же высочайшее чадомогущества, валялся въ вонючей грязи сей? Понеже не могъ воспарять выше! жадность его была опчаянiя исполненное любочестiе.

Древнiй Римъ претовалъ совѣта отъ полета птицъ: ты, Лоренцо, съ лучшимъ успѣхомъ наблюдай паренiе надежды; безпокойныя надежды, которая безпрестанно лепаетъ по воздуху. Превыше всякiя мысли сидитъ примѣчающiй соколъ сей, дабы ударить на все то, что шокмо предъ взоромъ его воздымется. Однакожъ никогда онъ не опускается, чшобы въ самую ту же минушу паки не подняться; а чрезъ сiе самое являетъ онъ, что не достигъ цѣли своей, и признается, что добыча его находится по ту сторону гроба.

Естьли и тамъ надежда наша насъ обманетъ, (и конечно она должна обмануть насъ, естьли шокмо бытiе наше здѣсь скончается), то произойдетъ еще большее число горестныхъ загадокъ, и *добродѣтель* будетъ толкоже не понятна какъ и *надежда*. Для чего *добродѣтель*? Гдѣ слава ея? куда дѣвалось существо ея? *Добродѣтель* есть старанiе искать истинныхъ выгодъ нашихъ, но въ чемъ состоятъ истинныя выгоды, человека совершенно смертнаго? Всѣмъ увеселяясь, что шокмо дѣлаетъ его здѣсь щасливымъ. Естьли порокъ, (что не рѣдко случается) на землѣ сей будетъ нашимъ дру-

другомъ, то порокъ есть добродѣтель; тогда составляетъ онъ наше высочайшее благо. Въ удовольствіи, самому отъ себя происходящемъ, добродѣтель обрѣтаетъ злую драгоцѣнность свою; но слѣдую твоему ученію, не можетъ она обѣщать себѣ удовольствія сего: отъ чего происходитъ таковое удовольствіе? Отъ свидѣтельства нашей совѣсти, что мы избрали благое. Но что же есть благое сіе? что иное какъ не средства ко блаженству? Если добродѣтель не можетъ намъ доставить средства ко блаженству, тогда купно съ сими колеблющимися столпами упадетъ и все зданіе наше, и каждое *добродѣтельное поселіе* въ развалинахъ своихъ покроетъ.

Строгая надзирательница сѣрдца, ни какого наказанія недостойнаго, которая была столь долговременно почитаема, столь долговременно поставляема за премудрую, днесъ учинилася безсильною и слабо-разумною, и токмо брѣднями странствующихъ рыцарей себя упражняетъ. Но почему же біется сердце твое отъ славныхъ мечпаній, отъ великаго и похвалы достойнаго иройскаго духа, идущаго во срѣщеніе опасностямъ; отъ храбрыхъ предпріятій, и отъ славныхъ смерти? Ты хочешь умереть за отечество твое? — Баснословной глупецъ! хватайся, хватайся самъ за доску, пускай другой утонетъ. Твое отечество.





чество! что тебѣ нужды? — Какая тебѣ нужда до *божества* (я говорю сіе съ пренебрежимъ высокопочитаніемъ), естли и оно крови твоея пребуетъ? Когда съ кровію твоею уничтожается послѣдняя надежда твоя, и никакое всемогущество удара сего удовлетворить не можетъ, въ какомъ случаѣ не внемли ни чему; сохраняй жизнь твою; будь не послушенъ.

Но и не послушаніемъ назвать сего не можно. Вѣдай Лоренцо, какъ ни гласитъ слѣдующая заповѣдь Всемогущаго, но се есть первѣйшая заповѣдь его: „человѣкъ, люби самого себя, „ въ семъ токмо единомъ вольно дѣйствующія существа суть не свободны. *Бытіе* есть основательный столпъ, а *влаженство* единая драгоценность; сколь скоро *добродѣтель* споймѣтъ *бытія*, столь скоро она чинится преступленіемъ; дерзостное преступленіе, первѣйшаго закона нашего, гнусное *самоубійство*; не взирая на то, что народы, которые во твоемъ вредѣ ищутъ свою пользу, похвалами тебя осыпаютъ.

Когда мы видимъ, что награжденіе *добродѣтели* здѣсь сомнительно, то, и позволительно дѣлать вопросъ сей, естли токмо человекъ умираетъ здѣсь совершенно: для чего, долженствуетъ человекъ, быть вообще богобоязливымъ? Для чего повѣлаютъ ему быть вообще богобоязливымъ? Почто вообще богобоязливымъ быть, об-  
ма-

маномъ привести его спараются, измѣнниками, обипающими въ собственной груди его, сладостными чувствованіями, ощущаемой добродѣтели? Почему природа внушаетъ намъ тихимъ гласомъ, жи, служащія въ пользу добродѣтели? Или, если врожденное слѣпое побужденіе, подъ приятнымъ именемъ святыя совѣсти, затмѣваетъ разумъ человѣческой, то почему же разумъ нашъ попускаетъ себя быть помощникомъ и соучастникомъ во жи сей? Для чего мудрейшіе человѣки, выхваляя добродѣтель, бываютъ наикраснорѣчивѣйшіе? Можетъ ли человѣкъ заблуждати слѣдуя лучамъ разума? или, съ величайшею себѣ опасностію *Богу споему подражати*? Понеже добродѣтель чинитъ насъ иногда несчастными, то или все сіе справедливо, или человѣкъ переживаетъ гробницу.

Или человѣкъ переживаетъ гробницу, или признайся Лоренцо, что высочайшая слава твоя есть дикое безуміе. Храбрость твоя неустрашима; боязливыя сердца суть твое посмѣяніе. Согласимся, что человѣкъ безсмертенъ, и тогда посмѣяніе твое будетъ справедливо. Безсмертный человѣкъ, съ благоразумною храбростію дерзаетъ спѣшитъ во срѣженіе челюстямъ смерти, понеже не можетъ онъ умереть. Но если же человѣкъ съ жизнію своею все теряетъ, тогда живетъ онъ яко трусъ, или умираетъ какъ глупецъ. Смѣлой невѣрству-



ствующій (есть таковыя изъ гордости, подражанія, сребролюбія, яроспи, мщенія или изъ единого иройскаго безмыслія.) Смѣлой невѣрствующій, между всѣми сумашедшими на землѣ сей есть самый потѣ, который предпочтительно другимъ прикованъ быть заслуживаетъ.

Когда мы человѣка храбростію, добродѣтелію, науками, всѣмъ тѣмъ, что мы любимъ, и всѣмъ, что мы шокмо почитаемъ, прославившагося ко гробу препровожаемъ; побуждаемы нѣкіимъ достоинствомъ, коего ясный полудневный лучъ чинитъ насъ способнѣйшими къ размышленію, и эирною силою понятія наши совершеннѣйшими дѣлаетъ, возглашаемъ ли мы тогда, что сіе свѣшило свѣта нравственнаго погасаетъ во гнусности, и въ плѣни кончается? Почто былъ онъ премудръ, для познанія всемогущаго духа, почто горѣлъ онъ его прославляти, и почто прилѣжалъ онъ изобразить его въ жизни человѣческой? Уже ли сіе возможно, что бы судьба въ самое то время, когда уже истинныя черты являлися, и божество видимо быть начиналось, испоргнула изображение сіе, и небеса наполнили страхомъ, что и сами Ангели умереть возмогутъ?

Еслили души человѣческія уничтожиться могутъ, то для чего и Ангельскимъ душамъ не уничтожиться? Для чего не останетъся единъ Богъ уединенный, который

рый съ высоты своего престола на ужасное опустошеніе сіе мрачнымъ окомъзираетъ? Долженъ спвуемъ ли мы въ сіе мгновеніе зрѣть въ челоуѣкѣ Бога, и спуспя попомъ единое же мгновеніе, на вѣки во прахѣ челоуѣка поперяпи? Нѣтъ, мы исходимъ изъ праха сего, или челоуѣкѣ заблуждается, да еще шамъ, гдѣ разсудокъ его наименьше обманупися опасается. Съ какою смѣлостію не возвышаетъ онъ премудрость и достоинство? Премудрость и достоинство суть имена святыя; вездѣ онъ въ почтеніи, даже и шамъ, гдѣ онъ не обѣмлются; почтенны! божественны! почто же и не оплакиваемы? Еслии дѣхи умираютъ, то оба сіи суть нещастія, мученія низпосланныя намъ, чшобы учинить насъ еще сожалѣнія достойнѣйшими. Почто око премудрости поoliko пронцапельно? Дабы изблевать болѣе бѣдствій, а сіе поoliko награжденное достоинство еще вящше жало нещастія изошряетъ. Или челоуѣкѣ преходитъ чрезъ гробъ, или выигрышъ есть потеря; и чѣмъ превосходнѣе достоинство, тѣмъ болѣе оно уничижаетъ насъ. Я не мню, чшобы ты предпринялъ защищать такое ученіе, которое славоуміе и порокъ прибѣжищемъ челоуѣку дѣлаютъ.

„Развѣ добродѣпель никакихъ радостей не имѣетъ? — Конечно имѣетъ. Но радости, заплаченныя весьма дорого. Столь



Споль долго ты не пропивоѣшь, однакожь въ семь соспояніи несовершенство, добродѣтель и порокъ вѣчно между собою воюють; добродѣтель есть война; но кто же воюетъ за ничто? или за неизвѣстную, или за малозначущую награду? Тѣ, которыя толико яснымъ гласомъ *саму себя награждающую* добродѣтель превозносятъ, желаютъ еще здѣсь *Ангелами* учиниться, и измѣняютъ однакожь добродѣтели, ласкапельствуя ей слабыми побужденіями, невѣрными спражами. Вѣнецъ, не увядаемый вѣнецъ, вотъ что оживотворяетъ душу ихъ; онъ по, единъ онъ можетъ удовлетворить измѣнамъ тѣла, и нападеніямъ міра сего: отъ худыя земли, добродѣтель должна умереть отъ глада. Неоспоримая истинна! не взирая на все, что *Бель* проповѣдывалъ, или, чему *В....* вѣровалъ.

Чѣмъ глубочае проникаемъ человека, тѣмъ яснѣе зримъ мы печать *везсмертія* небесною рукою на него приложенную. Проникнемъ же въ самую внутренность души его, до самаго основанія, на которомъ все утверждается; что обрѣтаемъ мы тамъ? *Познаніе* и *любовь*, сіи суть толико же не обходимы душѣ нашей, какъ свѣтъ и жаръ солнцу. Но *почто же*, если души умираютъ? Сколь мало находимъ мы здѣсь любви достойнаго? Сколь мало познаемъ мы здѣсь? Съ величайшимъ прудомъ

вырываемъ мы маловажныя познанія; самая искреннѣйшая любовь можетъ навлечь наизлѣйшую ненависть. Почто *Ангельскія желанія* наши гладомъ здѣсь умерщвляющся, а скопскія со излишествомъ мамонъ свой наполняютъ? Уже ли *божественныя* способности наши даны намъ яко ложныя вѣнцы, дабы свирѣпое веселіе, шѣмъ горчайше пышной бѣдности нашей насмѣхалось, копорая изъ поликихъ славныхъ претребованій, кои кажутся ей принадлежащими, единыя мученія собираетъ? Уже ли будущее никакого возмездія учинитъ намъ не можетъ? Уже ли *пѣчность* отъ жалобъ нашихъ заповорятъ врага свои? Когда токмо сіе справедливо, для какихъ же чудныхъ намѣреній сотворены смерпные! злые, чптобы *песелиться*, а добрые, чптобы *плакати*; человекъ, наиболѣе заслуживающій, наивящше спенапи долженъ. Можемъ ли мы себѣ представить, чптобы небесамъ было все равнодушно, чпто шворятъ злые, и чпто добродѣпельные шпятъ.

Быть сему не возможно. *Любовь* и *познаніе* въ человекѣ, суть безконечныя желанія, и безконечныя силы; онѣ же и безконечныя предметы доказываютъ. Предметы, силы, и желанія, однѣ другимъ соразмѣрныя, во *псемъ* небеса соединяютъ; даже во всей природѣ никогда не нарушаютъ онѣ оную сладостную и вѣчную гармо-





монію, на благозвѣнящихъ струнахъ своихъ. Ужè ли шокмо *человѣкъ* единое исключеніе въ законахъ его составляетъ? Коль скоро отъбимется вѣчность отъ надежды человѣческой, такъ скоро *человѣкъ*, (я говорю сіе по истиннѣ, но притомъ и со шрепетомъ,) такъ скоро *человѣкъ* будетъ чудовище, поруганіе небесамъ, пошшдное пятно, мрачное не пронцаемое облако, на прекрасномъ лицѣ природы; и разлучаетъ, (ужасное пятно!) и разлучаетъ ея со Владыкою. Естли шаково естъ назначеніе *человѣка*, то что же естъ небо? Или согласишь на *безсмертіе* души швоей, или порицай Бога.

Или согласишь на *безсмертіе* души швоей, или опровергни весь порядокъ. Иди ложный Царь! иди *человѣкъ*! покланяйся вышшему тебѣ что въ спойлѣ, предъ ними, копорые всѣми чувствами гораздо тебѣ превосходяшъ! Онѣ шипающъ ходя по правѣ ни кѣмъ не оборванной, піющъ изъ рѣки безъ всякаго искусства, изъ рѣки всегда полныя не имѣющія горечи, ни отъ неизвѣстности, ни отъ попеченій, ни отъ безплодныхъ надежды, ни отъ печали и опчаянія. Собшвенность *человѣковъ*! драгоценное приданое *разума*! не грабяшъ онѣ чужихъ поднебесностей, дабы одѣшь себя; не шребуюшъ предъ сварливый судъ брашю свою; имѣніе ихъ естъ цѣлое, не смѣшенное, не испорченное имѣніе; на каждомъ по-

полѣ обрѣтаютъ онѣ рай свой, гдѣ къ запрещеннымъ соснамъ никакое проклятіе не привязано. Зло ихъ есть не что иное, какъ то, что прогааетъ чувства ихъ не увеличенно предвѣдущимъ страхомъ, или послѣдующимъ негодованіемъ: естли приходитъ на нихъ самое злѣйшее, то переходитъ оно безъ всякаго ужаса; одинъ ударъ есть начало и конецъ мученія ихъ: онѣ умираютъ токмо единъ разъ; блаженное, не посредственное блаженство! о которомъ самъ гордый человѣкъ, который всѣмъ шаромъ земнымъ управляетъ, и считаетъ звѣзды, *Ирой*, или *Философъ*, тщетно въздыхаетъ.

Дай мнѣ опчетъ, о преимуществахъ сихъ во скотѣ находящихся. Нѣтъ никакого свѣта, никакого блеску свѣта, для разрѣшенія узла сего, кромѣ того, который *дѣяность* лучами своими производитъ. О единое! о пріятное разрѣшеніе! сіе объясняетъ все трудное, и строгое облегчаетъ, сіе разсѣваетъ облака со прекраснаго лица природы; возстановляетъ паки ясный *порядокъ*; повергаетъ скота къ ногамъ нашимъ, и яко обладателей въ радости, даже еще здѣсь на престолѣ нашѣ паки насъ возводитъ. Согласися на жизнь безсмертную, и *добродѣтель* не будетъ болѣе *скитающимся рыцарствомъ*; каждая *добродѣтель* привноситъ въ рукъ своей златое приданое, гораздо богатѣйшее, нежели то,



котораго она ожидать имѣетъ: торжествуетъ *надежда*; а хотя и много горечи въ сосудѣ нашемъ примѣшено, однакожъ она заглушаетъ оную, и даетъ намъ небеса вкушати. О! почто *божество* полико милосердо? удивленіе превосходящее! небеса, супъ награда наша — за небеса здѣсь нами вкушаемыя.

Еще ли упрямое твое сердце пребудетъ не преодолимо? Въ немъ бо сокрывается измѣнникъ сомнѣвающейся въ истиннѣ мною воспѣваемой. Не виненъ *разумъ*; *поля*, она едина бунтуетъ. Но что, естли въ семъ упрямомъ сердцѣ найду прошиву шебя новыхъ и неожиданныхъ свидѣтелей? *Честолоубіе*, *любострастіе*, и *корыстолоубіе*! можешь ли ты подозрѣвать, чшобы сіи, которыя духъ чиняшъ *непольникомъ* земли, наслѣдникомъ небесъ его объявили? ожидаешь ли ты, что сіи причины невѣрствія нашего о *безсмертіи*, мою сомнѣнность онаго доказывали?

Прежде всѣхъ призовемъ *честолоубіе* предъ сѣдалище наше. *Стыдливость* любочестія, *безпорядки*, *отпращеніе* и *не разрушающаяся* природа его, предстояшъ и глаголюшъ. Всѣ они многое сказать имѣютъ, выслушай ихъ одного послѣ другаго.

Съ какимъ жаромъ, и сколь нѣжно любяшъ *славу* душа твоя! съ какимъ раченіемъ спарается она сокрыть нѣжную любовь сію! Мы краснѣемъ, коль скоро въ

намъреніяхъ нашихъ, въ похвалѣ обличаемся не взирая, что въ лучшихъ дѣяніяхъ, и отъ лучшихъ человѣковъ сего пребуемъ; для чегожъ? для того, что мы безсмертны. Божеская премудрость даровала душѣ нашей вмѣсто надзирашеля шѣло; милосердое небо научаетъ кровь нашу волновати *нрацстпеннымъ образомъ*, повелѣваетъ ей вступитъ въ горящія ланиты, и тамъ нашему сердцу напоминашь о безславномъ намъреніи его, которое отвращается, дабы ласкашельствомъ своимъ обрѣсти могущество у человѣковъ; когда въ самое то же время, въ страшномъ судилищѣ сидятъ надъ нами болѣе нежели человѣки, и *безконечную славу и хулу* раздѣляютъ.

*Безпредѣльное желаніе любочестія* глаголетъ еще гораздо громогласнѣе, нежели *стыдливость* его. Когда души, отъ высокихъ мыслей о собственномъ достоинствѣ своемъ, воспаменяются, тогда единое столѣтіе бываетъ весьма худое одобрение; великій вопль побѣды, отъ *малого* числа живущихъ начатый громъ, долженъ въ позднѣйшія времена раздаватися, еще въ нерожденныхъ мірахъ гремѣти долженствуемъ. Мы желаемъ, чтобы имя наше могло жить *вѣчно*: свирѣпая мѣта! никогда бы она духъ человѣческій не безпокоила, естлибъ природа наша не была вѣчная. Врожденное побужденіе, въ будущемъ добычу нашу намъ показываетъ; но слѣпый



*разумъ* нашъ не можетъ сыскати оную; или, естли и видитъ ее, то за единую шѣнь опдаетъ существо настоящее.

Слава есть шѣнь безсмертія, да и сама по себѣ не что иное какъ шѣнь; презираема сколь скоро схватится; и находяся въ рукахъ претворяется она въ ничто. Вопросы любочестивыхъ; есть средства противу любочестія, Уже ли это все?., вопіялъ Кесарь изъ *отпращенія*, находяся на верху высочества своего. Се, третіе доказательство, о безсмертіи, любочестіемъ приведенное. Первѣйшій изъ любимцовъ славы упустилъ зависть твою, примѣчай токмо! его вблизи. Исполненъ стыда о чрезвычайномъ неравенствѣ, между желанія и корысти находящемся, возспенаетъ онъ о *щастіи* таковомъ, а отъ славы его краснѣши будетъ. Да для чего же? Зовется бо онъ славою гораздо величайшею; она призываетъ гласомъ весьма тихимъ, но и самые глухіе слышатъ его.

Можетъ ли еще четвертое доказательство *любочестіе* намъ представить? Конечно; да еще гораздо сильнѣйшее нежели первыя три, которое однакожъ нѣкоторыми мудрыми себя называющими, никогда не усматривается. Хотя препятствія въ любочестіи, и возбуждаютъ *вользнь* нашу, и хотя щастливые успѣхи дѣлаютъ *отпращеніе*, но при всемъ томъ шщетно, о Лоренцо! стараемся мы истребить его изъ  
сѣр-

сѣрдца нашего; его, котораго природа, по-  
сѣяла въ насъ для намѣреній самыхъ благо-  
роднѣйшихъ. Не разсудителенъ былъ оный  
славный совѣтъ, преподаваемый *Пирру*,  
болѣе выхваляемъ, нежели разсмаприваемъ;  
блестящъ, но несправедливъ; скорѣе бы весь  
мѣръ покоренъ былъ мечемъ Ироя сего, не-  
жели *любочестіе* его *разумомъ*. Человѣкъ дол-  
женъ воспаряи. Не преодолимая дѣй-  
ствительность (*thätigkeit*) въ груди его; пру-  
жина, которая не допускаетъ угнѣтатъ  
себя, не взирая на пягость, которою ща-  
стіе его обременяетъ, вознесетъ его на вы-  
соту. Не одни Цари, и каждый земледѣ-  
лецъ имѣетъ любочестіе свое; ни единъ  
Султанъ не будетъ горделивѣ невольника  
своего цѣпями опягченнаго: невольники со-  
зидають себѣ малые вавилоны изъ соломы,  
и подражая оному гордому Ассиріанину, гла-  
голетъ въ сердцѣ своемъ, тако: —  
„зрите чудо могущества моего!“, для че-  
го же? Для того, что онъ толико же без-  
смертны, какъ и Государь ихъ; бессмер-  
тныя же дѣши, безпреспанно къ чему ни-  
будь великому стремишися должны спвуютъ,  
къ блеску, или ко злату; къ похвалѣ  
смертныхъ, или къ похвалѣ небесъ.

И человѣческая похвала бываетъ не со-  
вѣмъ суетна, ежели шокмо Божескою по-  
хвалою подкрѣпляется. Я хошу, Лоренцо,  
познакомить тебя самого съ собою. *Сла-  
столюбіе* и *гордость*, (жестокіе владыки!)





раздѣляютъ между собою сердце наше. Подобно какъ любовь къ *песелию* назначена для сохраненія и пропитанія шѣла и распространенія рода нашего, такъ и любовь ко *слапѣ* вліянна въ насъ для предохраненія совершенствѣ духа и для расположенія оныхъ. Чпо одушевляетъ блаженство землй, чинитъ его зрѣлымъ, очищаетъ, украшаетъ, и возвышаетъ, что иное какъ не *любовь* ко *слапѣ*? Опѣ нея по происходитъ тонкое, великое и чудесное жизни *гражданскія*. *Неимущество* и *удобность* должны ей повиноватися, и полагають основаніе, на которомъ *любовь* къ *чести* зиждетъ. Даже и *тщоя* жизнь, о добродѣтели! славѣ сей, сему тайнымъ образомъ побуждающему другу не менѣе благодаритъ долженствуемъ. Еслибъ не былъ человекъ гордъ, о! колѣкихъ достоинствѣ лишился бы онъ! *гордость* произвела добродѣтели языческаго міра. Похвала есть соль, которая приправляетъ человеку истинну, и охоту его ко благу нравственному изоощряетъ. Жажда къ похвалѣ, есть *второй* спражъ добродѣтели! *разумъ* есть первый спражъ; но разумъ имѣетъ нужду въ помощи; собственный разумъ нашъ есть ласкашель; жажда къ похвалѣ призываетъ къ себѣ *псеовщее разсужденіе*, чтобы соблюсти равновѣсіе въ чашѣ собственного, дабы въ опасности находящейся добродѣтели не причинить несправедли-

дливости, и свободнѣйшее движеніе ей доставить.

Здѣсь является пятое еще сильнѣйшее доказательство. Къ чему служилъ сіе нѣжное зданіе сердецъ нашихъ? Споль понкое нравоученіе *чувствъ*? Сія въ гоповности предстоящая помощь *крохи*, дабы вспомошествовать *разуму*, когда онъ изнемогаетъ; къ чему сіе, естли добродѣтель, сохранивъ на сей землѣ жизнь свою трудами и попеченіемъ, и бывъ полико часто мѣшою оскорбленій, сколь скоро достигнетъ зрѣлости своея, долженствуетъ умерети, не получа возмездія за всѣ искушенія свои и труды? Почто мы нагружаемся поликимъ богатствомъ, дабы разбиться о камень? Уже ли тогда должно человѣку кончатися, когда онъ наиспособнѣйшимъ къ жизни учинился? О сколь же худо употреблены всѣ сокровенныя намѣренія оныя, которыя Божеское искусство въ насъ вложило! куда дѣвалась святость небесъ и милосердіе его? Уже ли небо смѣется въ единое время и надъ *добродѣтелию* и надъ *человѣкомъ*? Естли сіе не справедливо, то почто же унижается первая, а послѣдняя разрушается?

Такъ глаголетъ *любочестіе*. Что же скажетъ *скудость*? Первѣйшее правило ея есть самое то же, которое долгое время швоимъ было. „ *Мудрый и богатый*



суть единая особа „ — я соглашаюсь съ несусыпными трудами собирать сокровище, се должность челоѡѡка, се главнѡйшая слава его. Кѡ сей великой мѡѡѡ влечетъ его пылающее врожденное побужденіе подспрекая оспрѡйшими иглами. Управлять побужденіемъ симъ, се швоя должность, о разумъ! швоя должность увѡдомляши насъ, гдѡ истинное сокровище обрѡщается. Однакожъ, естли разумъ не радѡетъ о должности своей, или щетно глухимъ ушамъ ее проповѡдуетъ, то воспосѡдуетъ смѡха достойная поропливостъ, и слѡпое *прилѡжаніе*, которое укааемо шпорою, но не зная бѡга, (бѡга, гдѡ болѡе нежели златыя награжденія получаютъ,) ошягощаетъ стараніями опдаленныхъ временъ, упомившіеся возмѡбные дѡухи, шеперешняго часа, дабы на здѡшнюю *пѡчностъ* запасшися.

„ Ты не долженъ желать „ естъ мудрое повелѡніе; но оно ограничено шокмо на тѡ единыя благи, которыя солнце обозрѡваетъ: успреми взоръ швой далѡе, то узришь, что повелѡніе сіе совершенно превращается, а *скупостъ*, яко высочайшая божешвенная добродѡшель чинишся; ужѡ ли *пѡра* естъ прибѡжище блаженства нашего? Конечно: но не естли она прибѡжище и разума нашего? Ничпо кромѡ *будущаго* днешній мѡрѡ не изѡясняетъ. Отъ чего происходитъ неугасаемая жажда къ корысти? Отъ

Отъ неугасаемая въ челоѡкѡ жизни :  
 естѡлибѡ челоѡкѡ не былѡ назначенѡ  
 доспигаѡ *небеса сопершенствами*, то да  
 не имѡлѡ бы онѡ крылія, чѡобы столь  
 высоко воздымаѡся. Признаюся, чѡ  
*любочестіе* и *скупость*, сущѡ гроздія весьма  
 горькія, однакожѡ корень ихѡ естѡ *без-*  
*смертіе*. Сіи дикіе плоды ея, которыя кѡ  
 мученію и спыду нашему, сущѡ столь  
 горьки и вредны, могуѡ посредствомѡ  
 вѡры учиниѡся лучшими, очистиѡся воз-  
 высиѡся, освободиѡся отѡ ядовитыя не-  
 чистоты своя, и вѡ чашѡ *блаженства* вѡ  
 плоды блестящія претвориѡся.

Зри, третій свидѡтель смѡется оп-  
 даленному шастію, и лукавно, еѡе здѡсь  
 рай свой намѡ твориѡ повелѡваетѡ. Но  
 пусть онѡ, сколь ни велика склонность  
 его колжи, хотя единѡ разѡ скажетѡ правду ;  
 всеобщій обманщикѡ, *сластолюбіе* естѡ имя  
 его. Лоренцо, никогда кѡ честолубію не  
 затворялѡ ушей своихѡ ; слушай же днесѡ  
 и оное, которое еѡе вѡ первый разѡ чи-  
 ниѡся другомѡ твоимѡ.

Ты знаешь, чѡ природа дала намѡ  
 не менѡе *гордості*, какѡ и желанія быѡ  
 блаженными ; ( и по сему то имѡемѡ мы  
 толикое множестѡ ласкашелей вѡ радости,  
 изобрѡшателей веселости ! художниковѡ  
 вѡ ослабленіи ! ) почѡо же наичувствитель-  
 ная радость, которую *чудства* вѡ насѡ  
 возбуждаюѡ, краснѡющіяся ланиты наши,



вѢ огонь претворяши, и самую гордость нашу постыждаши долженствуешь? — Сія небеснаго происхожденія спыдливость глаголетъ намъ, что человѣкъ, даже и на высочайшей степени блаженства *земнаго* себя унижаетъ. Естьлибъ и *разумъ* низпалъ вѢ невѣрствующій сонъ сей, то бы оное врожденное побужденіе высокое происхожденіе наше намъ открыло; сіе по врожденное побужденіе вопіетъ намъ, что бы мы старались сокрыть восхищенія исполненное сродство наше со скопами. Честь наша покрываетъ насъ стыдомъ благороднымъ. Извергъ тотъ, а не человѣкъ, который безъ стыда пребываетъ; который еще краснѣетъ, не есть скопъ совершенный. Столь далеко, о Лоренцо! я съ тобою соглашаюсь. *Услажденіе есть благо*, и человѣкъ сотворенъ для услажденія; но услажденія преисполненнаго чести, равнымъ образомъ и радости; для услажденія, ни *стыдиться*, ни *умирать* не долженствующаго.

Мы выслушали свидѣтелей, дѣло сіе изслѣдовано; пусть *сопѣсть* объявитъ теперь рѣшительный приговоръ свой, который намъ долженъ быть гораздо драгоценнѣе, нежели тракташы, коими половины государствъ уступаются; вотъ какъ гласитъ опредѣленіе *истинною* запечатлѣнное.

„Знайте всѣ, знайте вы невѣрующіе!

„ — вы невѣжды! *безсмертіе*, оно едино

„объ-

„объясняетъ естество ваше ; едино *безсмер-*  
 „*тіе* обнажаетъ челоуѣка и таинства су-  
 „щества его открываетъ. Безъ него поло-  
 „вина *побужденій* вашихъ пребудетъ зага-  
 „дкую, безъ него всѣ добродѣтели челоуѣ-  
 „ческія суть единая мечта. И самыя  
 „*пороки* его доказываютъ его достоинство ;  
 „ненасытимая жадность его ко *сластолю-*  
 „*бію*, *злату* и *чести*, вѣщаетъ намъ,  
 „что онъ рожденъ для блаженства *безко-*  
 „*нечнаго* ; можетъ ли что нибудь менѣе  
 „какъ безконечное избавить отъ попре-  
 „ковъ *страсти* наши, которыя *псе*, что ни  
 „есть на *землѣ* сей, еще болѣе возжигаетъ ? Жестокія *спрасти*, которыя такъ  
 „много приличія ко *явленію* сему имѣютъ,  
 „которыя, подобно орлинымъ крыліямъ,  
 „столь высоко надъ нашимъ гнѣздомъ воз-  
 „дымаются, и которыя преимуществуя  
 „надъ всѣми земными вещами, для *земли*  
 „сея суть весьма велики, сіи пророчеству-  
 „ютъ благороднѣйшій полетъ, и право  
 „наше на *небо* ясно доказуютъ. „

О вы кроткіе богословы, роду гора-  
 здо спокойнѣйшаго ! которыя, перо ваше,  
 печеніемъ крови своея управлять позволяете ;  
 вы, которыя, будучи сами хладнокровны,  
 пребываете во мнѣніи якобы всякаго  
 роду жаръ изъ ада происходитъ ! не мните,  
 чтобы *спрасти* наши изъ *препратности*  
 происпекали, не взирая на то, что  
 днесь крылія оныхъ превратность заим-  
 ству-





ствуешъ; сія есть *сопмѣстница* ихъ, а не *матерь*. Всѣ, (да и справедливо,) *разумъ* почипающъ божественнымъ: я вижу, я чувствую и въ самихъ страстяхъ высочество, обличающее высокое происхождение и славный конецъ оныхъ, и являющее ихъ яко лучи огня вѣчнаго. И въ самомъ раю, прежде паденія *Адама*, горѣли онѣ съ поolikoю же силою; но шокмо премудрѣе въ намѣреніяхъ своихъ. Хотя *страсти* наши подобно оному *Напуходоносору*, въ то время, когда онѣ пораженъ былъ десницею провидѣнія, лишаются разума, и свергаются со престола высокихъ желаній, дабы погрузиши въ подлѣйшія и земныя прихоти и во всякаго рода грязи и нечистотѣ валяпшия; однакожъ изъ самой подлости ихъ сіяешъ не слабый лучъ величества, открывая намъ, съ какія высоты онѣ низпали. Но подобно сему низвергнутому Царю, когда разумъ его паки ему возвращенъ былъ, и *си*, когда разсудокъ уздою совершенно управляти станешъ, возвышаются паки и пріемлютъ во владѣніе свое прежнюю свою сферу, въ которой они прежде сего въ великолѣпномъ сіяніи по воздуху воспаряли; прежде нежели лехковѣрною Еввою въ соблазнѣ приведены были, спранствовавши по землѣ, и міръ сей воспалали.

Положимъ, что бѣшенство ихъ и продолжился; однакожъ бѣшенство ихъ весьма слабо, чтобы могло воспропивишися на-

намъренію благаго провидѣнія, для котораго онъ огонь въ сердцахъ нашихъ возжигали. Хотябъ *разумъ* пребылъ въ молчаніи, но безпредѣльное *желаніе* открываетъ намъ будущія явленія *предметовъ* безпредѣльныхъ же, и радостныя извѣстія о *пѣчномъ* дни намъ приноситъ. *Вѣчный* день! о день сей все обьясняетъ! и освѣщаемо имъ все, несомнѣнность свою доказуетъ. Разсматривай чловѣка яко существо *везсмертное*, и все будетъ вразумительно, и все учинится велико; вся сфера чловѣческая яко прозрачный хрусталь свѣтомъ исполнился: разсматривай чловѣка яко *смертнаго*, все будетъ мрачно, и бѣдственно; *разумъ* испочааетъ слѣзы взирая на зрѣлище сіе.

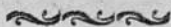
„Да плачетъ онъ, (вопіетъ ученый Лоренцо), да плачетъ слабый *нопѣйшій* разумъ сей; *дрешніе* вѣки были премудры. *Рѣше-ніе дрешнихъ*, сей достойно почтенный, пушеводититель, на моей споронѣ. Славное *стоическое* училище, (кто бо въ разсужденіи премудрости болѣе ихъ прославленъ?) отвергло безсмертіе чловѣковъ., я соглашаюся въ семъ съ тобою; но при всемъ томъ утверждаю я, что въ самое же сіе время доказали они безсмертіе. Се есть загадка! — возми терпѣніе, я постараюсь обьяснить тебѣ оную.

Какое благородное тщеславіе, какія высокія нравоучительныя мечпы, повсюду



ду въ сочиненіяхъ Романическихіа премудрости ихъ сіяють, и принуждаютъ насъ презирати ихъ и въ самое по же время удивляться! Слабо баснословіе пропіву огненныхъ древнихъ сихъ; всѣ Пиптическіа вольности весьма далеко за собою онѣ оставляють., Тѣло не должно чувствоватъ ни „кинжала, ни испязанія; или естъли его „чувствуетъ, по сѣ сладостію чувствоватъ долженствуетъ; розовое ложе, или „раскаленной быкъ для нихъ есть все едино., Удивительное ученіе челоуѣковъ, которые все послѣ смерти, яко ничто, отвергаютъ! яко *ученіе*, конечно было оно удивительно, но яко *пророчество* ни мало нѣтъ; было бо оно таковымъ и къ собственному ихъ ужасу исполнилось. Они выдумали твердость, которую Христіане выдумыватъ нужды не имѣли. *Христіанинъ* въ самомъ дѣлѣ торжествовалъ посредѣ пламени: *Стоикъ* зрѣлъ сіе и перялся въ двойномъ удивленіи, въ удивленіи о нихъ и въ удивленіи о самомъ себѣ, ибо онѣ видѣлъ, что смѣлая мечта воображенія его не были смѣлы, и что онѣ воше лгать старался.

Откуда же произошли оныя мысли, оныя удивительно высоко воспаряющія мысли? — Отъ *прожденнаго побужденія* и отъ *гордости*. Славоносное *побужденіе* сіе души не исчезающія, познающее хотя темно достоинство свое, влагало имѣ истинны,



ны, которыхъ онъ понимашь не могли. Разрушенное зданіе истинны лежало подъ властію *прихотей*; посредъ бури *страстей* въ разсѣянныхъ развалинахъ, и яко свѣтъ въ Хаосѣ изъ мрачности сіяло. Влюбясь въ пышность высокихъ изреченій, сама себѣ нравящаяся *гордость*, возглашала то, что отрицалъ *разумъ*. Подобно Делфской жрицѣ, напыщенная гордость изрыгнула безуміе, *будущимъ* разумомъ бытъ назначенное, когда *безсмертная* жизнь возсіяетъ въ полномъ дни своемъ, и *мрачныя тѣни смерти*, отъ солнца *Евангелія* убѣгнутъ. Онъ говорили, что кромѣ душъ безсмертныя ни кому говорить не возможно: и чрезъ то доказали истинну, о которой сами сомнѣвались.

И такъ *безуміе*, равнымъ образомъ и *порокъ* могутъ челоѣка объявить *безсмертнымъ*? Всѣ вещи таковымъ его являющъ. Многое ужѣ предложено разуму швоему; еще ли ты пребуешь болѣе? Изрядно! продолжай пребовашь; и мучь себя безпре-спанными вопросами, кои всѣ суть не рѣшимы, ешлы шокмо *земля* все бытъ долженствуетъ.

„Почто жизнь наша ешть единое шок-  
 „мо мгновение? Безконечное же вожелѣ-  
 „ніе наше? Наше желаніе *пѣчность*; жили-  
 „ще наше гробъ? *Попелѣніе* небесъ ле-  
 „житъ сокровенно тайнымъ образомъ въ  
 „надеждѣ челоѣка. Кто *желаетъ* жизни  
 „без-



„ безсмертныя, потѣ и *доказываетъ* оную.  
 „ Почто блаженство ищется безпрестанно,  
 „ хотя никогда не обрѣтается? Человѣче-  
 „ ская жадность къ оному показываетъ, что  
 „ *блаженство существуетъ*; (никогда бо  
 „ природа къ *ничему* не стремится;) сія  
 „ ненасытимая жадность доказываетъ, что  
 „ *не здѣсь оно находится*. Приведи себѣ  
 „ на память мою *Луцію и Кларису* твою:  
 „ почто *сердечная дружба* вкоренена столь  
 „ глубоко, что первоначально проникаетъ  
 „ сердца, а при разлученіи раздираетъ ихъ,  
 „ естли шокмо другъ и дружба въ единъ  
 „ часъ исчезаютъ? Не есть ли сіе мученіе  
 „ подъ личиною радости? Для чего *раз-*  
 „ *мышление* о чувственныхъ пріятностяхъ  
 „ *дѣлаетъ* ихъ пустыми и непріятными?  
 „ Почто *прошедшее и будущее* дерзаютъ  
 „ перзать сердца наши и всѣ *днешнія* веселія  
 „ наши убивати? На что *разумъ* работа-  
 „ етъ? *Врожденное побужденіе* было бы  
 „ шолико же полезно; да еще гораздо по-  
 „ лезнѣе; что *избирать* можетъ, то мо-  
 „ жетъ и *завлуждати*; о сколь не обманчивы  
 „ скоты безсмысленные! желательнѣе, что-  
 „ бы *спятость* его въ половину была без-  
 „ надежднѣе. Почто *разумъ* воюетъ про-  
 „ шиву *склонности*? Почто имѣемъ мы  
 „ *чувствованіе прегрѣшенія*? Почто совѣсть  
 „ спойтъ безпрестанно вооруженна? „

Чувствованіе прегрѣшенія есть проро-  
 чество мученія и внутренній совѣтникъ,  
 дабы

дабы намъ можно было заблаговременно уклониться отъ удара. Никогдабъ разумъ не воевалъ прошиву склонности, естлибъ будущее, воздержность нашу здѣсь не награждало. И такимъ образомъ далѣе. — Сіи, и тысяща другихъ не призванныхъ свидѣтелей, *овѣщаютъ* намъ будущее явленіе, нѣкошорые же изъ нихъ суть онаго *поручители*. Да хошябъ оно было *сомнительно*, то пребыло бы намъ гораздо драгоценнѣе, нежели всѣ прочія вещи, кои никакому *сомнѣнію* не подвержены; естлибъ оно было *ложно*, то кая же *истинна* на землѣ сей можетъ бытъ изыщнѣе, какъ ложь сія? Что ни воспослѣдуетъ, по крайней мѣрѣ она даруетъ намъ міръ сей; да, она даруетъ намъ міръ сей подкрѣпяля насъ надеждою. Будущее есть душа наспоющаго. О коль горестна будетъ жизнь сія, естли *будущее* отъ нее отпоргнется! Какъ бѣденъ несчастный невѣрствующій! Мрачною недовѣрчивостію разрѣзанное бытіе его въ обоихъ частяхъ кончается; жизнь, лишенная веселія, есть горестный примѣръ *пѣчности* въ мученіи!

Когдабъ ты былъ въ состояніи меня увѣришь, что будущая жизнь можетъ убѣгнушь отъ пылающихъ желаній нашихъ! о въ какой бы *нопой* и глубокой боязливости, кровію обливающееся сердце мое излилося! о! какими мыслями швоя *надежда*,





а мое *отчаяніе* свирѣпаго *уничтоженія* душа наша обуреваема и опустошаема будетъ! колико распросстраняпся ими предѣлы злоспастія челоѳческаго! во истинну такъ, еспьлибъ возмогъ я *Доренцо* ученіе почитать справедливымъ, тогдабъ ревушія мечпы мои въ *семь* черномъ спремленіи излилися.

„До сего *горестъ*, хотя отъ *будущаго*  
 „нѣкоторое успокоеніе могла заимствовать;  
 „*исчезло* будущее, настоящее *исполнено* му-  
 „*ченія*! чудесное изобрѣшеніе, несчастіе  
 „совершенно новаго рода! какое ужасное  
 „паденіе! паденіе, подобное паденію  
 „*сатаниному*! не справедлива судьбая! па-  
 „деніе сатанино безъ его преступленія!  
 „сверженная съ высоты, на которой обманывающая себя *надежда* между богами жи-  
 „лище свое созидала, свержена въ едино  
 „мгновеніе въ *нощъ*! въ *ничто*! мрачнѣе  
 „еще, нежели *нощъ*. Еспьли сіе было *меч-  
 „та*, почто пробуждаешь ты меня, ты же-  
 „спочайшій мой непріятель, *Доренцо*! ты,  
 „который еще именовъ друга своего меня  
 „украшаешь? О оставь мнѣ мечпу мою!  
 „оставь навсегда мнѣ заблужденіе мое!  
 „можетъ ли мщеніе разить еще чувствительнѣе, какъ существо *мыслящее* по-  
 „мѣстить въ міръ, каковъ еспь міръ сей,  
 „который и предъ симъ не весьма въ бо-  
 „гастствахъ изобиловалъ; а днесь совершен-  
 „но ужè обнаженнымъ учинился; еще бо-  
 „лѣе

„Лѣе проклятѣ, нежели при паденіи? —  
 „Угасаетѣ солнце! терніи произрастаютѣ!  
 „о какія терніи въ каждой мыслѣ: Почто  
 „еще чувствованія лучшаго во мнѣ оста-  
 „лось? Еще горчайшимѣ творится оное зло-  
 „получіе мое. Почто чувствованіе? Почто  
 „жизнь? Еслии я обое имѣя, дабы токмо  
 „воздыхати и потѣмѣ паки въ то, чѣмѣ  
 „я былѣ, погрузиться? Двѣ крапы *ничто!*  
 „а многое мученіе! мученіе отѣ благо-  
 „дѣянія небесѣ! мученіе отѣ того, что  
 „доселѣ наиболѣе меня ласкало; отѣ высо-  
 „чественныхѣ *силѣ духа.*

„*Разумѣ, добродѣтель, познаніе!* Всѣ  
 „благословенія сіи ученіемѣ *тпоимѣ*, ядомѣ  
 „напоются. *Познаніе*, бывшее до сего вре-  
 „мени любочестіемѣ души моя, *днесѣ*  
 „величайшимѣ ужасомѣ ея чинится. *По-*  
 „*знавать самага себя*, не естьли истин-  
 „ная премудрость? — Нѣтъ, прему-  
 „дрость состоитѣ въ томѣ, чтобы убѣ-  
 „гать ненавистныя науки сея. О матерь  
 „отчаянія! отврати зеркало швое; я умру,  
 „еслии себя увижу.

„*Я долженѣ познать Тпорца моего!*  
 „многосрудными размышленіями восхо-  
 „дись въ блаженное его жилище, прони-  
 „кнуть сквозь завѣсу, сними во глубину  
 „естества его, испытывать его качества,  
 „и со удивленіемѣ взираши — на *непріа-*  
 „*теля*, который силою даетѣ мнѣ жизнь,  
 „а блаженство удерживаетѣ! который изѣ



„ преисполненныхъ рѣкъ , престолъ его окру-  
 „ жающихъ , не изливаетъ на челоука ни  
 „ единыя капли радости ; на челоука , еди-  
 „ ныя капли токмо жаждущаго , дабы воз-  
 „ можно было престапи ему проклинашь  
 „ рожденіе свое , и послѣднему *черныку* за-  
 „ видавати ! о мрачныя облака ! темныя  
 „ тѣни ноши ! сокройте его на вѣки , отъ  
 „ мыслей моихъ его сокройте ; его , кото-  
 „ раго до сего времени почипалъ я еди-  
 „ нымъ моимъ утѣшеніемъ ; его , который  
 „ былъ источникомъ и душою веселія мо-  
 „ его ! а днесъ съ Фуріями , и съ тобою , о  
 „ *Доренцо* ! прошиву меня заклался .

„ Я долженъ познавати дѣла его ? На-  
 „ учиться знати славу его ? разсматривать  
 „ удивленія достойное зданіе міра , кото-  
 „ рое преисполненно чудесъ , произошло отъ  
 „ руки его ! на что ? дабы посредъ чудесъ  
 „ благороднѣйшаго рода обрѣсти чудо *не-*  
 „ *щастія* ? Дабы узнать , что существо ,  
 „ которое едино токмо способно познавати  
 „ всѣ дѣла его и *прослапляти* ихъ , есть  
 „ постыдное пятно славы его ; дабы въ мы-  
 „ сляхъ своихъ спранствовати въ обшир-  
 „ ныхъ предѣлахъ природы , и ужасатися  
 „ видѣнія *челоука* , сея единыя гореспныя  
 „ швари во всемъ царствѣ ея , которая оду-  
 „ шевляется высокими надеждами , и къ  
 „ мученію и смерти прикована лежати дол-  
 „ женствуемъ !

„Познаніе есть мученіе, уже ли и до-  
 „бродѣтель купно со познаніемъ спенапи  
 „долженствуемъ? — Конечно, добродѣ-  
 „тель спенаемъ съ нимъ. Чпо пользуетъ  
 „ей, естли она трудами своими восхо-  
 „дитъ на высочайшую высоту *сопершен-*  
 „*ства*; чпо выигрываетъ, толико крово-  
 „пролитными побѣдами, которыя одер-  
 „живаемъ она надъ *поползновеніемъ*, чпо  
 „иное, какъ не мученіе, видѣтъ, чпо  
 „достоинства, *Серафимскія* достоинства,  
 „въ скоромъ времени купно съ пороками  
 „во мракъ смѣшаются, и по прахъ под-  
 „ножіемъ скопу послужатъ? Достоинство  
 „есть бѣшенство; добродѣтель преспу-  
 „пленіе; пресупленіе пропиву разума,  
 „есть ли не *удоплетпоряемыя* болѣзни намъ  
 „причиняетъ: какая горестъ, между ты-  
 „сящю другихъ помышлять, чпо *наипе-*  
 „*личайшіе злодѣи*, послѣ долговременнаго  
 „поржества надъ лучшими человѣками,  
 „по смерти своей обрѣшутъ толико же  
 „*спокойное* возглавіе, и въ *чистѣйшую* зе-  
 „млю опошлются!

„Должность! Вѣра! — Сіи послѣ ис-  
 „полненія должностей, предполагаютъ  
 „награжденіе. *Вѣра* есть заблужденіе, а  
 „*должность* — не существуетъ она; нѣтъ  
 „другія защиты отъ обмана. Прочь вы  
 „обманщицы! дщери гордоспи моя! вы, ко-  
 „порыя любимицами небесъ себя выдаете!  
 „вы воспоряющіяся надежды! безвременныя



„рожденія! вы, которыя по *лгущей* груди  
 „моей роете, и шрудитесь дабы поднятъ  
 „облака, и произвестъ мечту якобы я  
 „былъ наслѣдникъ *лѣчности*. Тщешное, су-  
 „ешное честолюбіе! не обезпокойвай меня  
 „болѣе. Почто долженъ я такъ далеко стран-  
 „ствовать, чтобы обрѣсти извѣстную уп-  
 „рапу. Желаніе мое споль же ограничено,  
 „какъ и бытіе мое. Все превращено, *прему-*  
 „дрость есть *глупость* чувства! управляйте  
 „вождями; слѣпая *страсть*! спремися куп-  
 „но съ нами; а ты *непѣжесто*! провожай  
 „насъ въ пупи нашемъ; вы *нопые*, но  
 „лучшіе покровители нашего спокойствія!  
 „предайте біенію пульса совершенное вла-  
 „дѣчество, да поживемъ мы яко ско-  
 „пы, когда ужè яко скопы умираемъ.  
 „Человѣка, божественнаго человѣка *псе*  
 „состоитъ въ томъ, чтобы *упицаться*  
 „и потомъ исплѣти.

„Однакожъ безъ выгодъ, коими прочіе  
 „скопы наслаждаются, вкусъ сладостра-  
 „стія ихъ гораздо проніцательнѣе, при  
 „томъ же и безопаснѣе; никогда яду онѣ  
 „не избираютъ. *Врожденное побужденіе*  
 „пріуготовляетъ бспвы гораздо здоровѣй-  
 „шія, нежели разумъ, и все огорчающее  
 „ропшаніе отъ нихъ удаляетъ. Для жив-  
 „ни чувственныхъ наилучше всѣхъ они фи-  
 „лософствуютъ; они обладаютъ оною *ясно-*  
 „стію духа, которою *пщешно мудрые*  
 „и-

„ ищутъ. Единъ человѣкъ ропшетъ на не-  
 „ бо, единъ онъ и *пласть* и причину имѣ-  
 „ етъ огорчаться. Уже ли единыя очи чело-  
 „ вѣковъ слѣзы испочасти долженствуютъ?  
 „ И единыя человѣческія сердца, исполнен-  
 „ ны боязливости, кровію обливаются бу-  
 „ дутъ? Распространенное царство *мукъ*  
 „ *душепныхъ* гораздо предъ чувственнымъ  
 „ превосходящее; все намъ принадлежитъ  
 „ безъ изъятія. Когда мы въ жизни столь  
 „ различно несчастны, то почто же по  
 „ смерти единый жребій и одинакую судь-  
 „ бу получаемъ?

„ Или родъ человѣческій прегрѣшилъ  
 „ прежде еще, нежели существовалъ онъ?  
 „ Почто же проптиву единыхъ насъ гремѣло  
 „ изреченіе сіе: *сопершено смертенъ* и *сопер-*  
 „ *шено несчастенъ*? — Уже ли небо имѣ-  
 „ етъ политическія причины, коихъ под-  
 „ данные его рассматривать не должныству-  
 „ ютъ, и о коихъ они даже съ уничижені-  
 „ емъ разсуждати не смѣютъ въ самое то  
 „ время, когда *подъ игомъ мученій* дыхаю-  
 „ ютъ? *Сопершено смертенъ* и *сопершен-*  
 „ *но несчастенъ*? — О сіе жестоко! при-  
 „ рода ничего подобнаго сему явить не  
 „ можетъ! жестоко сіе проптиву существа,  
 „ которое *не требовано было* отъ руки сво-  
 „ ея, о *Всемогущій*? Ничего бо кромѣ  
 „ *могущества* я не вижу.

„ Но почтожъ и сіе я еще вижу? Для  
 „ чего имѣю я способность мыслить?





„чтобы шрудиться и Ёсть, и потомъ во  
 „мрачности приуготовить ложе наше, къ  
 „сему кажется никакія мысли не потреб-  
 „ны. Какія излишнія вещи суть *души раз-*  
 „*умныя!* о, даруй мнѣ вѣчность, или уни-  
 „чтожь силу мыслить! но безъ сея, про-  
 „клятіе наше и вѣ половину бы безъ со-  
 „мнѣнія исполнено не было, тупое острие  
 „онаго сохранило бы бѣющееся сердце, и  
 „*для того-то* оно дано намъ. Благодарю  
 „тебя *разумъ!* Что ты малыя болѣзни  
 „*жизни сея* помогаешь увеличивать, и  
 „спраху *смерти* бытіе даруешь. Зри, се  
 „суть благодѣянія твои! — Уже ли для  
 „меня много было вступишь вѣ права ско-  
 „повъ? Великоль для *невесъ* сотворить  
 „единого кроша? Болѣе трудно для *Хаоса*  
 „веществу моему должайшее пребываніе  
 „между существами позволить, которыя  
 „вѣ *человѣка* не выработаны еще, не про-  
 „образованы, и не составлены? О горе-  
 „стное щастіе, быть избранному къ сему  
 „кругу мученія! горестная способность  
 „безумствовать; *разумъ!* печальная способ-  
 „ность умереть, *жить!* *жизнь,* *разумъ,*  
 „*премудрость,* *достоинство!* вы, которыя  
 „прежде сего были друзьями міра, *днесь*  
 „всѣ вы, (о постыдное оппаденіе)! къ  
 „непріятелямъ оппали.

„И такъ и *смерть* такожде природу  
 „свою перемѣнила. О смерть! позволь  
 „мнѣ прижать тебя ко груди моей, ты  
 „на-

„ наилучшій изъ даровъ *небесныхъ* ! ты луч-  
 „ шій другъ человѣковъ , когда человѣкъ не  
 „ есть уже болѣе человѣкомъ . Почто дол-  
 „ женъ я такъ долго мешкать въ испол-  
 „ ненной терніи *стеzi* сей , когда уже *объ-*  
 „ *щанныя земли* Амвросическихъ сѣней , ни-  
 „ какія надежды получишь не имѣю , копо-  
 „ рыбѣ сопами своими , уязвляющія меня  
 „ болѣзни наградишь были въ состояніи ?  
 „ Еслии уже корыстолюбивое намѣреніе  
 „ небесъ требовало , чшобы терзати насъ  
 „ чувствительнo , то почто же горести на-  
 „ шей *насмѣхаются* ? Почто же толико драго-  
 „ цѣнное безчестіе виситъ надъ главами на-  
 „ шими ? Почто блестящій коверъ сей на-  
 „ тянутъ надъ нами ? Почто *отчаяніе* , то-  
 „ лико великолѣпное жилище воздвигнуто ?  
 „ Уже ли сіи *великолѣпно сіяющіе шары*  
 „ для того токмо вокругъ обращаются , и въ  
 „ опредѣленное время паки неопмѣнно воз-  
 „ вращишься долженствуютъ , дабы смер-  
 „ тные могли исчислить долгошу трудовъ  
 „ и мученія своего , для того , чшобы не  
 „ могли онѣ поперять полную мѣру бѣд-  
 „ ствія своего ? — Уже ли безпрестанно  
 „ новыми благословеніями обремененная и  
 „ различными цвѣтами и плодами увѣнчан-  
 „ ная *земля* тому только смѣется , что  
 „ человѣкъ посредѣ *сладоcтpаcтныхъ* явле-  
 „ ній , испаеваши , и въ *Едемѣ* увядшія ра-  
 „ дости свои оплакивать долженствуетъ ?  
 „ Пусть небо и земля удивленіе человѣ-  
 „ ковъ ,



„ковѢ, желаюшѢ таковаго веселія! о бла-  
 „женныя скоты! премудры вы, чшобы  
 „удиллятися! щасшливы, чшобы плакаши!  
 „*Разпратность, попѣшенная* надѢ нами,  
 „пробуетѢ явленія весьма печальнаго. По-  
 „чшо *злодѣи осужденныя*, не лежатѢ вѢ  
 „мрачныхѢ темницахѢ заключены? Почшо  
 „подземныя пещеры драконовѢ не назначе-  
 „ны челобѣку, дабы рѣвелѢ онѢ находяся  
 „вѢ оныхѢ? Почшо пребываніе его не имѣ-  
 „етѢ такога же мрачнаго цвѣща, какѢ и  
 „судьба его? *Фебы, Вапилонь*, которыя  
 „споили несказаннаго времени, искусства,  
 „трудоу, и сокровищѢ, толико же прили-  
 „чное жилище совамѢ и вѣпрамѢ, какѢ и  
 „челобѣку; оныя огромныя дворцы, возбу-  
 „ждающіе вѢ немѢ гордыя мысли, и вы-  
 „сокія желанія воспламеняющія; есть ли  
 „шокмо сѢ самое по время, когда насыща-  
 „ютѢ насѢ гордыя мысли, и высокія  
 „желанія возбуждаютѢ, послѣдній черпъ изѢ  
 „низкія хижины своя вѢ прахѢ находящій-  
 „ся, яко шоварища вѢ сожитіи своемѢ, кѢ  
 „себѢ насѢ призываетѢ? и когда неупро-  
 „симая рука *смерти* мрачную завѣсу  
 „вокругѢ насѢ весьма плотно опускаетѢ;  
 „завѣсу, копорая никогда ужѢ болѣе не  
 „подыметѢся.

„*Никогда не подыметѢся!* — до сего  
 „времени за облакомѢ *смерти* зрѣлѢ я солн-  
 „це; солнце, копорымѢ оное мрачное обла-  
 „ко освѣщается, и совершенно во златое  
 „пре-

„ превращаемо было. Ахъ, какъ премѣнен-  
 „ на *гробница* днесь представляется! поли-  
 „ коже неисповѣдимо глубока, какъ и са-  
 „ мый адъ! истинный адъ для шѣхъ, кои  
 „ о небесахъ мечтали. Совершенное уничто-  
 „ жение! какая бездна предомною опвер-  
 „ зается! можетъ быть въ ближайшее мгно-  
 „ веніе опвергнусь я опъ *разума*, опъ *чуп-*  
 „ *стпопанія*, опъ преимуществъ *Ангеловъ*  
 „ и *черпей*, и бытіе мое исчезнетъ! и по-  
 „ гда сей духъ, всѣ вещи пронизающій,  
 „ познающій; сія искра огня божественна-  
 „ го, который разсѣкаетъ природу, ле-  
 „ пать опъ одной звѣзды ко другой, по-  
 „ сѣщаетъ боговъ, и силамъ ихъ подража-  
 „ етъ; сей духъ на вѣки угаснетъ! какая  
 „ горести исполненная мрачность! какая  
 „ смерть! смер<sup>т</sup>ь оныя смерти, на копо-  
 „ рую до днесь взиралъ я безъ ужаса! —  
 „ естли нѣкогда снидетъ *псеовщая* мра-  
 „ чность, и темные своды небесные родъ  
 „ человѣческой покроютъ: о колико же со-  
 „ совершенно справедлива будетъ плачевная  
 „ надгробная надпись сія, надъ ужаснымъ  
 „ и на вѣки запечатлѣннымъ сосудомъ на-  
 „ чертанная!

Во глубинѣ подъ плѣніемъ разрушен-  
 ныхъ мировъ, подъ развалинами всеобща-  
 го опустошенія сокрыты, и во гнусную  
 глыбу вещества, которое никогда одуше-  
 вленною жизнію одарено не было, превра-  
 щенны, лежатъ здѣсь *гордые разумныя*



чада небесъ, владыки землей, собственность червей, существа дня вчерашняго, но не утренняяго, во страхъ жившій, и въ мученіи скончавшійся! всѣ днесь исчезли, дабы исплѣсть въ Хаосъ, или вступить въ щасливое странствованіе свое, во тлѣнь, или скотъ, и никогда имени Творца своего не поспыждаши.

Внемли сіе, *Лоренцо!* размышляй, рассуждай, и произнеси рѣшеніе. Справедливы ли повѣсть сія? Если таковъ человекъ, то и самъ повѣствователь, хотябы онъ и Богъ былъ, восплачетъ, ужь ли *Лоренцо* дерзнетъ смѣяться? — Знаю, что ты гордъ; да будетъ гордость сія хотя единожды швоимъ другомъ; гордость блѣднѣетъ взирая на таковое позорище, и воздыхаетъ о чемъ то сего болѣе. Но ужь ли ты, посредъ суеты и воображеній швоихъ, посредъ всего велелѣпія швоего, для зрѣлища представленнаго; ужь ли ты есть токмо единая шѣнь? еще менѣе нежели шѣнь? Ничто? *Менѣе нежели ничто?* Быть и не существовать болѣе гораздо хуже, нежели никогда не родиться. *Честолюбивъ ли ты?* Почему же черпя дѣлаешь себѣ равнымъ? Имѣешь великой вкусъ въ *сладогостіи*? Почему же неизбѣжимую смерть веселіямъ всѣмъ предпочитаешь? *Льспятъ ли тебя богатства?* Почему же избираешь себѣ бѣдность во гробъ, и утрату надежды всея? Да еще на вѣки? *Виждь сладолюбіе, любогостіе и ску-*



*скудость* тебя убѣждающія, чтобы ты оный міръ, чести, восхищенія и богатства, который онѣ тебѣ не давно (\*) доказали, предположилъ себѣ высочайшимъ желаніемъ души своея.

О сколь много ты премѣнился? Или лучше сказать, сколь ты уничтожился! ты, который разрушилъ въ себѣ владычествующее желаніе великія природы! презришь ли ты безконечную жизнь, безконечное блаженство? Или желаешь ты оба имѣть шамъ, гдѣ ниодного изъ нихъ обрѣсти не возможно? Смотри, сіе по есть развратная и вѣчная война у человѣка съ небесами! еще ли ты дерзаешь пребывать твердо въ заблужденіи своемъ? И такъ нѣтъ ничего на землѣ сей, кромѣ длинныя связи, переходящихъ мечтаній, изъ коихъ въ единъ часъ, миліоны возстаютъ и паки исчезаютъ? Ничего, исключая водяныхъ пузырей, божества ребячьимъ образомъ играющаго, которое надуваетъ ихъ для забавы своея, и попомъ съ жестокосердіемъ разрушаетъ? О! не милосердый Лоренцо! за какое преступленіе ученіе свое весь родъ человѣчскій испребляетъ? И самъ *луциферъ*, когда сравняю съ тобою, милосердымъ будетъ. Ахъ! воздержи *истревленіе* сіе существъ половино-божественныхъ, и изобильное въ

ми-

---

(\*) Въ шестой нощи.





милосердіи *домостроительстпо* небесъ опра-  
вдашь лучше постарайся.

Небо есть единая любовь, единая ра-  
дось, ежели радости раздѣляшь оно мо-  
жетъ, никогда бы оно не сотворило, есть-  
либъ не желало шварей своихъ учинить  
щасливыми: и такъ можетъ ли оно ис-  
требить изъ живопныхъ онаго такое суще-  
ство, которое щасливо, или щасли-  
вымъ бышь достойно? Небо ужасается  
предъ *уничтожающимъ Богомъ*.

То ли составляетъ желаніе швое, что  
всю *природу* ужасаетъ? Такъ ли ты без-  
умень, что самъ себѣ *совершеннымъ* пра-  
хомъ бышь желаешь? Что есть спрашное  
желаніе сіе? — Се есть послѣдній вздохъ  
умирающія *природы*, наигнуснѣйшимъ зло-  
сердіемъ убиваемыя. Какимъ смертоно-  
снымъ ядомъ упилося естество швое? Для  
природы не развращенныя между всѣми  
ужасными вещами, ничего ужаснѣе сего  
бышь не можетъ. Первое желаніе ея, *без-*  
*конечное блаженстпо*; *уничтоженіе* есть же-  
ланіе гораздо позднѣйшее, ужасное, ложное  
желаніе, которое не прежде, какъ ужè по  
смерши добродѣтели раждается. Но ахъ!  
какая мрачная бездна ужаса лежитъ въ  
немъ сокровенна! никогда бо ниединъ че-  
ловѣкъ не желалъ себѣ уничтоженія, ко-  
торый первоначально не желалъ, чтобы  
*божестпо* испребилось.

Когда такъ, то какія слова, чтобы начертать истинный образъ твой будущъ довольно мрачны? Наимрачнѣйшія суть весьма ясны. Подъ копорою злою планетою, въ который часъ отчаянія, съ которыхъ Фуріи помощію, въ какомъ дѣвольскомъ состояніи души, гнусное *поображеніе* твое въ присутствіи всего ада, для сего собраннаго, и который о тебѣ близко сродственномъ рожденіи ему торжествовалъ, изрыгнуло мрачное ученіе сіе, ученіе о не созрѣлыхъ *надеждахъ*, о половино-расцвѣтшихъ *силахъ*, о *начавшихся вожествахъ*, которыхъ плѣніемъ скончались долженствують?

Здѣсь ничего нѣтъ, говоришь ты, кромѣ вѣчно волнующагося теченія слабыхъ веществъ, которыхъ ярящимися волнами времени съ ревомъ въ бездну ноши прогоняются. Скажи, ужѣ ли въ семъ влекущемъ *стремленіи* развалинъ чловѣческихъ нѣтъ ни единыя *горы каменныя*, на которомъ бы памъ и сямъ бросаемыя мысли чловѣческія опъ страха могли получить опдохновеніе, и осмѣлились обзрѣть судьбину свою, и дерзнуть, хотя *чѣмъ нибудь* рожденое свое почипапи? Ужѣ ли посредѣ ежечаснаго исплѣнія существъ преиззящихъ, нѣтъ ни единаго *оснопанія*, на комъ бы все держалось, ни единыя *силы*, котораябъ все въ дѣйствіе паки приводила, все паки между собою соединяла, котораябъ



всѣ вещи ею произведенныя обратно возврапила, и у *разпратности* похищенную добычу возмогла испоргнути? Котораябѣ могла повелѣшь гробницамѣ возвращишь похищенное ими; мрачной долинь смерти, дашь жашву челоуѣческую; *землѣ* и *Океану* заплашишь долгѣ челоуѣковѣ, и ввѣренное имѣ великое сокровище со всякою вѣрностию представишь? Уже ли нѣтъ здѣсь такоу *Владыки*, коу проспертая рука, коль скоро созрѣлое время вызываетъ часѣ назначенный, *настоящее*, *прошедшее*, и *будущее* гладной безднѣ ужаснаго опустошенія испоргнулабѣ, и ко своему престолу присоединила! о коль славно гордится престолѣ его, украшенный божественнымѣ украшеніемѣ, симѣ безчисленныхѣ существѣ, кои сѣ достойнымѣ божества сіяніемѣ вокругѣ его происпекаюпѣ. *Престолѣ*, копу посредствомѣ всемогущаго *милосердія* небесѣ, подобно вѣ волнахѣ воздымающе-муся *Фаросу*, посредѣ неизмѣримаго спре-мленія любви его, посредѣ Океяна *удѣляемаго блаженства* яко нѣкій *Фаросѣ* вѣ волнахѣ воздымающійся зиждется!

Все оживляющій, все сохраняющій Богѣ! зри, се былѣ бы вѣ самомѣ дѣлѣ Богѣ. — Но такоуе то существо челоуѣкѣ, коу-вымѣ я здѣсь его представилѣ, конечно такѣ, возстанетѣ онѣ отѣ паденія своего. Не мнишь ли ты, что всемогущество естѣ токмо обнаженный слабый корень, что ка-  
ждый

ждый прекрасный цвѣтъ *вожества* исчезнетъ? Ничто не мертво; воиспину ничто спящимъ не пребываетъ, бдитъ когда душа, нѣкогда прахъ человѣческой оживотворившая, и днесъ на крыліяхъ своихъ воспаряетъ: то кудажъ, кудажъ сонмище сіе ниспустится? — Сколь скоро гласъ *трубный*, яко звѣнящая мѣдь пчелъ, воззоветъ насъ; тогда въ сіяніи не измѣняющагося солнца, всѣхъ насъ породившаго, сбремся мы вокругъ небснаго престола, и на вѣки къ нему прилѣпимся. Естьлибъ таковаго *отперстія* душъ нашей сквозь облака оставлено не было, ахъ! тогда бы мы яко въ сосудѣ опъ воздуха очищенномъ, въ семъ пространномъ зданіи міра издохнуть должныствовали; и пакъ въ мученіи гладныя *надежды* умереть бы намъ было должно.

Съ какимъ велелѣпіемъ сіяетъ взоръ мой! но сколь же *тпой* мраченъ! препещущій міръ! и все поглощающій *богъ*! земля назначена покмо лобнымъ мѣстомъ всемогущества! лице неба, обогренное невинною кровію неисчетныхъ миліоновъ, которыя для того рождены были, чпобы чувствовать мученіе бытія *потеряннаго*! возможно ли сіе, *Доренцо*? Ахъ! сіе принуждаетъ насъ воспоминашь съ препетомъ о жизни. Кто пожелалъ бы родиться для такого міра изъ единыхъ тѣней соспящаго, гдѣ, исключая *злощастіе* наше, ничего существен-



наго не обрѣтается; гдѣ радости, (если ли радостями назвать можно) возвышающѣ токмо спраданіе наше; еслии такѣ скоро переходящѣ, и никогда паки не оживающѣ? Чѣмѣ болѣе суть *радости* таковыя, тѣмѣ жесточѣе перзаютѣ они насѣ: для міра, столь мало *пеликаго* вѣ себѣ имѣющаго; (но сколь же великѣ онѣ вѣ глазахѣ твоихѣ!) что едва ли что *существеннаго* вѣ немѣ находится; вѣ которомѣ *бытіе* тѣнѣ а *чуждопознаніе* самого себя мечта суть! какая страшная мечта! позади и впереди всеобщая пустота! для міра, вѣ которомѣ бѣдный человекѣ, яко искра, гнѣвомѣ Всевышняго изсѣченная, блеспитѣ единое токмо мгновеніе, но и самое мгновеніе сіе не надежно; окружена со всѣхѣ сторонѣ мрачною нощію, и горестною, извѣспною, скоропечною и вѣчною гробницею.

О *Лоренцо!* чувствуешь ли ты доводы сіи? или кромѣ мстящихѣ *истязаній* ничего болѣе чувствовать ты не можешь? Какѣ возмоглѣ ты дерзнуть, низвергнуть *вожество* со престола? Какѣ ты осмѣлился *обшинять* его міромѣ таковымѣ? Еслии таковѣ мірѣ, то сотвореніе онаго есть злодѣяніе; ибо, что иное злодѣяніе, какѣ не причина кѣ злощастію? О богохулишель! опрекися опѣ жалобѣ своихѣ! и обьясни крапкое слѣдствіе сіе извѣ безчисленныхѣ доказательствѣ, которыя мы *надѣ нами* *подѣ нами*, *инѣ насѣ* и *пнутри насѣ*;

однимъ словомъ, повсюду обрѣтаемъ: —  
 „*если челоуѣкъ безсмертенъ, то будетъ*  
 „*и Богъ на небесахъ.*„

Но почто излишество таковое? Почто распочать доказательства? Единое изъ нихъ можетъ уже дѣлу моему успокоить; единое, которое вижу я предъ глазами, и ахъ! — въ сердцѣ ощущаю. Воистинну небо правосудно, Филандрова жизнь была полико горестей преисполнена, сердце же его полико чисто, что, или будущія явленія даруютъ ему пальмы, или никогдабъ онъ не родился.

„*Какая дрепня басня вопіетъ Лоренцо.*  
 „*Признаюсь, весьма древнее доказательство*  
 „*сіе; однакожъ никогда лѣтами истинна не*  
 „*ослабѣвается; и еслибъ не было сіе*  
 „*справедливо, то бы никогда не презиралъ*  
 „*ты ради древности его. Истинна по-*  
 „*лико же безсмертна, какъ и душа твоя; а*  
 „*басня такъ скоропечна, какъ радости твоя:*  
 „*Буди благоразуменъ, не превращай въ на-*  
 „*казаніе высочайшее благословеніе небесъ;*  
 „*о буди премудръ! и не дѣлай проклятія*  
 „*изъ безсмертія*

Скажи, знаешь ли ты, что оно? Или, что ты есть? Извѣстна ли тебѣ цѣна душъ безсмертныхъ? Разсмотри полунощное велелѣпіе сіе; міры надъ мірами! удивительное великолѣпіе! усугубь удивленіе сіе; приложи къ нему десять тысячъ, и еще двѣ крапы десять тысячъ; и потомъ





свѣсь все сіе; *едная* покмо душа все сіе перевѣситъ, и удивленія достойное великолѣпіе *безмысленнаго* творенія, *недостаточнымъ* обьявитъ.

Не вѣрь *мнѣ* въ случаѣ семъ; не вѣрь ни единому *человѣку*; не на слова, но на дѣла полагайся; однакожъ не мало значія, но на дѣла *Всепышняго*; не мало дѣлъ ты сихъ видишь; вопрошай ихъ *каждо*; всѣ они важность душъ своея вѣщаютъ. Трепещи предъ самимъ собою; предъ собою, для котораго *исемогущество* полико долговременно бдѣло; цѣлыя вѣки бдѣло оно и прудилось; отъ самаго рожденія природы, до сего часа *непреступющаго*.

Чего не учинилъ онъ въ малой провинціи, пространная области своя, (вся *природа* да преклоняетъ колѣна свои, когда имя его и зрѣніе!) чего не учинилъ *Богъ*, но не для сего единого конца покмо, дабы избавитъ души отъ смерти? Во всѣхъ дѣянїяхъ неба *высокое достоинство* душъ находится начертанно. *Высокое достоинство* душъ, есть *ключъ* творенія, отверзающій всѣ тайнства онаго, и *каждо* божественнаго дѣянія истинную причину открывающій. Оно *то* есть *цѣпь* премень, которая сохраняетъ видимую взаимность ихъ, и *наимпдаленнѣйшій* ихъ предѣлъ въ единомъ блаженномъ намѣреніи соединяетъ. *Сіе* то есть *великое средоточіе*, вокругъ коего всѣ *перемѣны*, *естественнаго*, *гражданскаго*



скаго и нрапстпеннаго міра обращаються; первые два сущь токмо служители прешьяго, сколь скоро исполнятъ онѣ должности свои, отъ послѣдняго на нихъ возложенныя, такъ скоро оба умирають: исплѣтѣтъ пещество ихъ, и слащныя дѣла ихъ придутъ въ забвеніе и Ангели вопрошають о мѣстѣ, въ коемъ нѣкогда съ такимъ велелѣпіемъ они сіяли.

Что бы отъ сего низкаго возвыситъ насъ къ высокому; отъ сего брэннаго къ швердому; отъ сея мрачности ко дню ясному; отъ сего нечиспаго къ чиспому; отъ сихъ мрачныхъ пучь къ чиспому спокойствію; отъ сего малаго къ великому! — сего то славнаго намѣренія ради возспалъ *Всемогущій*, и прервалъ долговременный *Саватъ* свой; сотворенъ былъ міръ; разрушенъ и паки возстановленъ: съ небесъ проповѣданы были законы, и паки уничтожены: на землѣ долженспвовали воспастъ Цари и царства; владыки и области ихъ низпапси; славы достойныя Мудрецы просвѣщали міръ *языческій*; съ высоты Сіона Пророки устремляли острые взоры свои чрезъ времена наиопдаленнѣйшія; разосланы были повсюду *Божіи* Посланники; Мученики проливали кровь свою; чудомъ удержанная святая природа остановилась посреде печенія своего; живущіе опозваны прочь, а умершіе воспали; Ангелы сошли съ небесъ, и еще *пеличайшій* нежели Ангелъ; и акъ! ра-



ди самаго намѣренія сего низшелъ онъ еще глубочае; мрачность адская просвѣтилась; ужаснувся отъ гостя своего; *сатана* долженъ былъ нѣсколько мгновений обожати: а ты, о Лоренцо! уже ли менѣе сего учи-нишь хочешь? — Да; ради намѣренія сего вдохнула была оная *спящая книга*, которую глупцы осмѣиваютъ, оное почтенія достойнѣйшее собраніе всѣхъ истиннѣ сихъ. О вы невѣрствующіе, ожидайте во отдаленіи, доколѣ отъ яда своего не очиститесь; потомъ падите въ низъ лицомъ своимъ: да не умрете прика-саяся преждевременно *спятости* сея.

Еще болѣе! сколь ревностно силы *спя-та* старались достигнуть намѣренія сего, столь же рачительно воинство *адское* старалось имъ воспрепятствовать. О какое позорище здѣсь мнѣ представляется! — воспани Лоренцо! возвыси себя къ размышленію! на-пряги душу твою; распространи ее, чтобы внять великую *мысль* оную; такую мысль, въ сравненіи съ которою ни единая изъ *прочихъ* великою назваться не дерзаетъ. Два воюющіе міра, не *Европа* противу *Афри-ки*; воюющіе міры, болѣе нежели смертны! одарены крилами, воздымаются онѣ! на теплыхъ криліяхъ силы и ревности па-рятъ онѣ надъ симъ малымъ пожарищемъ, возжегшимъ распрю сію, надъ симъ гну-снымъ земнымъ шаромъ! — за чтожъ воюютъ они? Ведутъ ли онѣ брань сію

за собственныя дѣла свои? Нѣтъ: за *тебя*, за дѣла челоѣческія, единое благо его возжигаетъ огонь сей; его есть награда, о копорой онѣ споруются; жреѣій его одушевляеѣ звучащую трубу, сію прю боговѣ возжигающую. Какой огонь! шумящій сонмища духовѣ на брань вооруженныхѣ! могущество пропиву могущества, доколѣ разженныя войны не воздымутся съ яростию, и по всей сферѣ природы съ прескомѣ и ревомѣ не разольются. Видь! таковы по вѣчны, раздраженны и жестокіе пропивники, таковы непримиримы непріятели супъ зло и благо; но при всемѣ помѣ челоѣкѣ, суешный челоѣкѣ! спарается возстановить пишину между нами.

Не мни, чпобы сіе было вымышленно. „*Была пойна на небесахѣ*„ *Всемогущаго* простертая десница сняла лукѣ свой съ высокія хрустальныя горы, на которомѣ онѣ былѣ повѣшенѣ; и пустила вѣ глубину гнѣвѣ свой: *агѣ* возгремѣлѣ на пропиву, и весь огонь свой исчерпнулѣ. — Уже ли мзда войны сея, еще низкія цѣны тебѣ представляеѣ? Еще ли дремлетѣ челоѣкѣ, единая причина бури сей? Онѣ спитѣ. — и ты можешь еще отѣ таинствѣ имѣть отвращенія? Ты самѣ есть таинство наивеличайшее. Сколь ужасно помыслиѣ, колико ревности, огорченія и совѣшовѣ смертныя челоѣки вѣ небесныхѣ сердцахѣ причиняли! и сколь же



мало въ собственныхъ своихъ они возбуждаютъ!

Какое множество новыхъ доказательствъ вокругъ меня спекаются! Сколь шастливо преждній мой доводъ симъ удивленія достойнымъ явленіемъ подкрѣпляется! сколь сильно здѣсь сіяющими доказательствами о *безсмертной жизни сердце* пронцается! къ чему всѣ шруды сіи употребляются? Къ чему Всемогущій небесный поликое уваженіе человѣку оказываетъ? — Для того, что человѣкъ обладаетъ славнымъ и спрашнымъ могуществомъ бытъ *пѣчно*, совершенно злощастнымъ, или совершенно блаженнымъ: *продолженіе* дасть истинную важность; *продолженіе* возвышаетъ цѣну. Естлибы Ангелъ былъ токмо единоедневное швореніе, что былъ бы тогда Ангелъ? Ничего не стоящая малость; существуетъ ли онъ, или падетъ, какая въ томъ нужда? Исчезъ онъ; но мы *безсмертны*, и для того божество оказываетъ праху токмо удивительное уваженіе: и для того небеса всѣ очи свои на землю усшремляютъ: и для того всѣ взоры его безшрестанно на высокое достоинство души неподвижно привязаны пребываютъ: и для того каждая душа имѣетъ на превыспреннихъ покровишеля, а каждая мысль судію своего: и для того глыба земная, гнусная глыба земная! имѣетъ Ангеловъ спражами своими; каждый же спражъ,

пы-



пылающую ревность къ должности своей: и для того то во святая святыхъ Бога, надъ жребіемъ человѣческимъ искони высокіе совѣты происходили.

Воистинну и сами облака не возмогущъ сокрыть сіи милосерднѣйшіе совѣты. Ангелы открыли завѣсу предъ престоломъ, и *пропидѣніе* низшло ко человѣкамъ: въ различныхъ, выразительныхъ и страшныхъ выраженіяхъ, проповѣдало оно волю свою, препещущая *природа* внимала оному; оно проповѣдывало громогласно, бурями и громомъ. Будь мой свидѣтель о *Синай!* ко его вершина, покрывая облаками, и потрясшееся основаніе, признали присутствіе *Божіе*: будьте свидѣтелями, о волны! коихъ вспять волнующееся стремленіе разорвало оную цѣпь, на воздухъ утвержденную, и *Египетъ* со всѣми угрозами его въ адскую пропасъ низвергнуло; будь свидѣтелемъ о *пламя!* которое *Ассирскій* мучитель, въ седмеричной, но полико же безсильной какъ и свидѣтельствующей печи разжигать старался: и ты, о земля! копорья разверстая бездна поглотила дерзостныхъ сыновъ *назменности*, будь моимъ свидѣтелемъ. Не всѣ ли стихіи *пысокое достоинство души* единъ за другимъ подписали, и мудрому оное заклиали? Не старались ли огонь, воздухъ, океанъ, и земляпрясеніе оному, яко діамантъ твердому человѣку, вселишь *истинну* сію? Естли ты не совер-





шенно еще жестокосердѣ, послушай меня, о Лоренцо! или вся сущь мечта; природа предѣ самимѣ проникающимѣ окомѣ *разума*, лежитѣ въ десятиперичную ночь сокровенна; нѣтъ никакія связи смысла, пламя, и намѣренія, во всемѣ, что подѣ солнцемѣ и надѣ онымѣ, сколь далеко токмо чело-вѣкѣ проникнуть можетѣ: или небо есть безконечное, не оубненное сокровище; или все есть ничто, или сокровище сіе составляетѣ все. — Уже всегда мы сію *грязь* равно небу почитать будемѣ? Уже ли она за всѣ наши вздохи и мученія въ нижнемѣ мѣрѣ семѣ изобильно возмездіе предложитѣ? Кто не восхошетѣ оудать малость, дабы чрезѣ то *избѣжать* зла, за *избавленіе*, отѣ котораго тысящу мѣровѣ оудать бы онѣ согласился?

Ты видѣлъ, Лоренцо! (если токмо ты видѣшь еще можешь) какѣ вся *природа* и *Богъ* оныя посредствомѣ *теченія* природы, и *пресѣченнымъ* природы печеніемѣ, мою спорону приемлютѣ. Небо съ превыспреннихѣ гласитѣ намѣ; „*безсмертенъ* чело-вѣкѣ!“, и по всей землѣ „*безсмертенъ* чело-вѣкѣ“, раздается. Мѣрѣ есть Система Богословіи; самые не знающіе начальники въ школахѣ могутѣ чипать оную; ученый, если токмо честны, и премудры, за плугомѣ. И такѣ, о Лоренцо! не принуждаешся ли ты ко трудному выбору; или оиречься отѣ *разума* и *чувствъ* швоихѣ; или

*пѣропать*? Что же есть *непѣрстпие*? дер-  
востное дѣянiе, сумозбродное дѣянiе, су-  
мозбродное смѣлое предпрiятiе: чтобы  
произвестъ его въ дѣйство, надлежитъ че-  
ловѣку прервать всѣ закрѣпы естесствен-  
наго разума, природныя спыдливости, и  
блуждани съ духомъ Иройскимъ. Но что  
же награждаетъ не ужасаемаго воина? Мзда  
его есть *раскаянiе*, а *стыдъ* вънецъ его.

Но почто *стыдъ*? Отъ недостатка пѣ-  
ры скользитъ въ отверстную бездну поро-  
ка. Не имѣетъ онъ пвердаго основанiя,  
котороебъ поддерживало его въ *добродѣ-*  
*тели*. Невѣрствуюющее *сомнѣнiе о будущемъ*,  
есть, по крайней мѣрѣ, еще не рожденный  
*зародышъ* каждая слабости, каждого зло-  
дѣнiя; но сильное поползновение чинитъ  
его созрѣлымъ къ рожденiю. Еспьли вы-  
годы жизни сея побуждаютъ его къ дѣя-  
нiю сему: то для чего не продаетъ онъ  
отечества своего, или родителя своего не  
удавитъ? Добродѣпель спремится къ вы-  
сочайшему благу нашему; но высочайшее  
и единое благо его находится здѣсь. Ску-  
пость и честолюбие, которыхъ мудрый пре-  
зираетъ, суть совершеннѣйшая *премудрость*,  
доколѣ человекъ глупцами пребываютъ, и  
мнятъ, что дернѣ и надгробный все по-  
крываетъ. Онѣ умѣютъ упражнять чуп-  
ства и доставить имъ изобильнѣйшую па-  
ству, и величайшее поле; *чупственностъ*  
имѣетъ божественное право взойти на



престолѣ, коль скоро *добродѣтель* никакого воздаянiя предѣ собою не видитѣ. Нѣтъ! не будемѣ болѣе *добродѣтель* повелѣнiемѣ неба почитати, *Ввергнулолибѣ* небо ее вѣ такую *вѣдностѣ*?

„Развѣ *добродѣтель* имѣетѣ прелести свои?“ Конечно, она обладаетѣ небоною красою; однакожѣ, естѣли предспанетѣ она безѣ приданого, то всѣ сочетающа сѣ *корыстолюбивымѣ самолюбiемѣ*; *першой* будутѣ удивлятьсѣ, а послѣднему ласкапельствовати. *Добродѣтели* происхоятѣ изѣ *безсмертiя*; естѣли испребитсѣ корень сей, тогда увянутѣ онѣ и жизнь свою скончатѣ. *Вѣровать* вѣ божество! какая изѣ того польза? *Наказанiе* и воздаянiе дѣлаютѣ, что *Богу* покланяюща; а *страхѣ* и *надежда* всю силу *сопѣсти* составляютѣ. Подобно, какѣ вѣ умирающей матери умираетѣ младенецѣ; тако и *добродѣтель* сѣ *безсмертiемѣ* кончается. Кто мнѣ говоритѣ, что онѣ отрицаетѣ вѣчностѣ души своей, тотѣ, сколь бы онѣ всѣмѣ ни славился, сказалѣ мнѣ, что онѣ *зловѣй*. *Должностѣ* его любить *единого* себя и взирати сѣ холодностiю на испребленiе всего рода челоувѣческаго, естѣли токмо самѣ онѣ спокоенѣ пребудетѣ. Кто воображаетѣ, что вѣ скоромѣ времени *песѣ* челоувѣкѣ кончается, тотѣ ужѣ умерѣ; вѣ немѣ живетѣ токмо *единѣ скотѣ*.

Но есть ли таковыя челоѣвки? — Конечно есть таковыя, которые *болѣе* еще нежели смерти, совершеннаго уничтоженія бытія желаютъ; бытія, основанія существа Божія! ты вопрошаешь о *причинѣ* сего? — Не скажутъ они намъ причину сію; да и *нужды* въ томъ не имѣютъ. Ахъ! чарованія *чувствительности*, сіи единыя могутъ дѣлу превратить въ таковую; сіи единыя могутъ ее яко *змѣю* при паденіи низвергнуть, и низвергнувъ лишитъ ее природныхъ ея крылій, на которыхъ она въ небесныхъ высотахъ воспаряла, дабы она въ таковыхъ мысляхъ пресмыкалась и прахъ лизала.

Въ состояніи ли слово изобразить васъ? О вы отпадшіе! отпадшіе отъ крылій *разума* и *надежды*! вы, которые мыслями своими на небо воздымаетесь, желаніями же склоняетесь къ землѣ; прилѣпляетесь къ *сладогостію* и къ *горести* поспѣшаете; любите доказательства, а разумъ ненавидите; хвалитесь вольностію, но въ оковахъ заключены валяетесь! о вы *пладыки*! и постыдныя пятна проспаннаго творенія! *безумнѣе безмысленныхъ скотовъ*, которыхъ вы презираете! подлѣе пѣхъ, которыми обладаете! гораздо злощастнѣе предъ пѣми, о коихъ вы сожалѣете! о вы постыднѣйшіе между всѣми существами, понеже высочайшее достоинство дано вамъ было! о злощастнѣйшіе, по тому что ода-  
ре-



рены средствами ко блаженству неограниченному! вы, которые чрезъ бесконечныя благословенія проклятѣе, а высочайшимъ милосердіемъ еще болѣе погибшими учинились! о удивительное сборище наисильнѣйшихъ *протипорвчій!* Уже ли вы полнымъ спремленіемъ сіянія истинны, которая вопіетъ *протицу пасъ*, уже ли вы чрезъ сіе увѣрились, что дѹши ваши мгновенно исчезнутъ и по воздуху развѣются? Ахъ! давно уже дѹши ваши, находяся въ рабствѣ и нечистотѣ *чупстпительности*, черпты небесныя истребили; они переобразовались пороками, и собсвенными своими пварями учинились. Но вѣдайте, что вы можете *обезобразить* ее, но *не разрушить*; вы власть имѣете *проклинать* себя, однакожъ истребить себя власти не имѣете.

О Лоренцо! удалися отъ гнуснаго общества онаго, убѣгай Сентъ-Евремона, читай Святаго Павла. Прежде еще, нежели онымъ чудомъ восхищенъ былъ на небо, духъ его воспаряющій на крыліяхъ *разума* давно тамъ находился. Вотъ, что называется *польно мыслить*, не останавливаться при единыхъ *частяхъ*, но благороднымъ любопытствомъ воспламененную дѹшу, посласть во всѣ области разума человеческого; да паритъ она чрезъ всю сферу челоука; да облетаетъ сіе неизмѣримое зданіе міра; да обрѣшаетъ жительство свое въ каждомъ отдаленномъ углѣ *времени* и

*Мѣста*; да познаетъ чудеса ихъ; да низпустился во глубины оныхъ; и подобно честолюбивому завоевателю, да спремится она безпрестанно къ опдаленнѣйшему; да узришь истинну цѣлу, нераздробленну во всей системѣ ея, во всемъ пространствѣ, гдѣ истинны объясняемы и подкрѣпляемы истиннами же, созидающъ твердое основаніе подобное дугѣ, дабы шягость совершеннаго *увѣжденія* могла безопасно на немъ покоиться. Чѣмъ сильнѣе шупъ спускаемъ, тѣмъ шверже споймъ мы; кто здѣсь наиболѣе *испытуетъ*, тотъ наиболѣе *пѣруетъ*, единныя части приводящъ насъ въ замѣшательство, подобно какъ раздробленныя изреченія мудрыхъ; но *цѣлое* предъявляетъ намъ смыслъ; изъ *цѣлаго* уразумѣвается *Богъ*, которой не *отрыпками* роду человѣческому пишетъ; чпи *цсю книгу* его, о *сомнитель!* и попомъ опвѣстшуй.

Мысль, которая, болѣе нежели песчинку объемлетъ, и не болѣе какъ на единъ часъ впередъ видитъ, *сіе то, сіе то* называется *пользо мыслить*. Возведи очи швои къ верьху, разсмотри полунощное позорище сіе. Что суть царства земныя, въ сравненіи съ оными безпредѣльными кругами, которые нѣкогда жилищемъ душъ человѣческихъ будутъ? Но что же суть безпредѣльные круги сіи въ сравненіи съ божественнымъ *челошвомъ*? Несчастныя міры сіи, которые на шверди небесной

шѣ-





тѣснятся, и болѣе пространства на небесахъ требуютъ, могутъ безпрепятственно въ обширныхъ мысляхъ *человѣка* обращаться, и еще величайшимъ кругомъ, новымъ *тпореніямъ* довольно мѣста оставляютъ. Можетъ ли *такоя* душа такъ стѣснить себя, чтобы объять пункты малыя величины и малыя тяжести? Конечно можетъ, да и дѣлаетъ такъ: свѣтъ сей есть пунктъ такой; и кая же малая часть *пункта сего* смертныхъ связуетъ.

Какая малая частица — смѣю ли сказать, отъ *ничего*? Для чего нѣтъ? — *Друзья, перпѣйшее сокровище* наше! сколько скоро онѣ теряются! исчезли *Луція, Нарциса*, и *Филандеръ*! Гробница, подобно баснословному *церберу*, отверзаетъ проякую пропасть свою, и вопіетъ душѣ моей яснымъ и ужаснымъ гласомъ, она гласитъ по, что я воспѣваю. Возри токмо, какъ міръ сей на части вокругъ насъ распадается, оставляя насъ въ единыхъ развалинахъ радостей нашихъ! Друзья мои переселены въ новые грады; что же мнѣ сіе глаголетъ? Повелѣваетъ любить мѣста, въ коихъ днесъ они обитаютъ, а сію гнусную землю ненавидѣть, которая опсупствіемъ ихъ, пустынею учинилась. Неизмѣримый вѣчности *Океанъ* находится предъ тобою; тамъ, тамъ о *Лоренцо*! плыветъ твоя *Клариса*. Направь твой духъ въ открытое море, держа его далѣе отъ *земли*, отъ сего ка-

мня

мнѣ душѣ *вѣзсмѣртныхъ*; обруби канатѣ швой, подыми якорь, натяни парусы свои, призови всѣ вѣтры, взираи на *великой компасъ*, и достигай брѣга жизни.

*Дпоякая природа* человѣка имѣетѣ два рода жизни и два рода смерти; но послѣдній гораздо ужаснѣе, нежели первый. *Скотская* жизнь насыщается отѣ солнца; *возраспаетѣ* отѣ *благодѣяній* его, и лучами онаго гордится. Жизнь *разумная* питается *вѣспвами* гораздо сего высочайшими, и славится вѣ лучахъ того, который сотворилѣ день. Когда мы оное Солнце оставляемѣ, отѣ сего же оставлены будемѣ; (общій жребій, всѣмѣ вѣ зашвердѣломѣ злосердиі умирающимѣ!) тогда причиняется *сопершенная* мрачность; вѣ спрожайшемѣ смыслѣ *дпоякая смерть*. Не упадемѣ мы свержены ударомѣ *судящаго неба*, но упадаемѣ *отѣ теченія природы*, столь же неизбѣжимо, какѣ свинецѣ на землю упадаешѣ. И слѣдственно, когда прежде соединенія, или *Богѣ*, или человѣкѣ *премѣнишь* себя долженствуетѣ; (ибо свѣтѣи *мрачность*, никогда вѣ единой сферѣ совокуплены бытъ не могутѣ;) шо и видишь ужѣ ты, Лоренцо! очевидно, кому изѣ нихѣ *премѣниши* должно.

Еслии нѣкогда *дпоякая смерть* сія твоимѣ участкомѣ будетѣ, о! не возлагай тогда вину сію на милосердіе Бога; человѣкѣ долженѣ бытъ *щасливѣ*, поелику шо человѣкѣ *позволяетѣ*; не единѣ чело-



вѣкъ, но и всѣ существа *разумныя*, одарены отъ неба велелѣпнымъ да и ужаснымъ могуществомъ, вспомошествовать собственнымъ милосерднымъ намѣреніямъ Его; сіе же учинилъ Онъ не по собственному благоизволению, но по необходимости. Бѣ сего могущества, какъ *человѣки*, такъ и *Ангели* были бы токмо спраждущія орудія, ни хвалы, ни осужденія не заслуживающія. *Разумная природа* по существу своему пребываетъ могущества, быть толико щастливой, или злощастной, колико то намъ угодно; безъ сего праздный *разумъ* не обрѣталъ бы ничего для трудовъ своихъ; кто желаетъ охотно лишиться способности быть не щастливымъ, тотъ въ самое то же время ко щастію не способнымъ быть хочетъ. Небо желаетъ благоденствія нашего, развратность же на насъ попускаетъ; онъ *призываетъ* насъ нѣжнѣйшимъ образомъ, а *не принуждаетъ*; небо *уцѣпляетъ* токмо, а всемогущій *человѣкъ рѣшится*; *человѣкъ* бываетъ творцемъ вѣчнаго жребія; *человѣкъ* упадетъ отъ *человѣка*, естли нѣкогда упасть ему должно будетъ; но тотъ *долженъ* пастъ, который отъ единыя смерти о ужасномъ таинствѣ узнаетъ, что *вѣчно онъ жить будетъ*.

Но почто тебѣ говорю я сіе? Тебѣ, который можетъ быть и о другой жизни еще сомнѣваешься. Для чегожъ ты сомнѣваешься объ оной? Вѣчная жизнь есть пер-

первѣйшее желаніе природы; но чего мы съ жаромъ желаемъ, тому весьма скоро вѣримъ; *лѣнотная* вѣра швоя показуешъ, что желаніе сіе угасло. Чтожъ угасило его? — Сказашъ ли тебѣ? Когда мы *страшимся будущаго*, то не желаемъ уже его болѣе; естлижъ не желаемъ его болѣе, то не стараемся вѣрить оному. Виждь! „*Такимъ то образомъ нецѣрствіе обличаетъ злосердіе наше.*„ Но не одно сіе откровеніе! Красней, Лоренцо! Стыдися, естли не злосердія, то лицемѣрства своего. Ты *страшишься будущаго*? Какъ? Ты невѣрствующій, а спрашишься? Но чегожъ ты спрашишься? *Мечты? Басни?* — Видишь ли ты, какъ ужасъ сей, и прошиву намѣренія швоего новою подпорою мнѣ служишъ, хотя не охотно, шѣмъ сильнѣе онъ доказываетъ? Съ какою силою *нецѣрствіе* ушверждаетъ то, что оно отрицаетъ! „*Непримѣтно утшерждаетъ оно жизнь безсмертную.*„ О чудо! *Нецѣрствіе* исполѣдуетъ пѣру, признаніемъ прегрѣшеній оно чинишся, и оппадшіе злодѣи Христіанства, въ случаѣ семъ правовѣрными учителими дѣлаюшся.

О Лоренцо! Лоренцо! прешпанъ пропи-ворѣчипъ, не покрывай себя болѣе прозрачною личиною. Не мнишь ли ты, что единая вѣра имѣетъ личину свою? О нѣтъ! наши невѣрствующіе суть ласкатели *сатанины*; онѣ обѣщаютъ наиужаснѣйшія дѣянія, и на конецъ его облыгаюшъ. Коль



скоро токмо мысли посѣпятъ сердца ихъ, (и конечно не преминутъ онѣ посѣпить ихъ) тогда подобно какъ и онѣ *трепетуютъ* онѣ и вбруютъ. Какое ласкашество постыднѣе сего быть можешь? Которое благодѣйствию міра сего вреднѣе? Какое *отпращеніе*, какое *презрѣніе* имѣ не довлѣетъ! Но естли они избѣгаютъ наказанія, за сіе должны благодарить оной любви христіанской, которую осмѣивать полико трудовъ они прилагаютъ. Естлибъ не было имѣ убѣжища сего, то бы еще *на землѣ* обрѣли адъ свой; а подѣ землею еще злѣйшаго избѣжатъ въ состояніи не будутъ.

Вмѣсто того, что ты мучишь воображеніе свое, *опроцегать истинну* дерскими и слабыми мыслями, исправь лучше нравъ свой, и *ощути истинну*. — Однакожъ осмѣлюсь ли я согласиться на ужасное слѣдствіе? Въ состояніи ли гордый разумъ твой вышерпѣть полико мрачное пятно? Отъ *чистѣйшихъ* *нраповъ* восходитъ къ *высокой дѣрвѣ*, се естъ неизбѣжное стремленіе природы; *честной Девствѣ*, находяся подѣ лучами Евангелія, становится безпрестанно благороднѣе, и на конецъ во Христіанина преворается. Естли произойдетъ съ тобою блаженная премѣна сія, опкинь тогда излишнюю пѣснь сію; *безсмертная жизнь* ліетъ въ *божественномъ* *спѣтѣ* реку убѣжде-

жденія въ сердце свое. *Христiанинъ*, яко *Уриилъ* обипаеиъ въ солнцѣ; свѣплѣйшій полдень прогоняеиъ *сомнѣнiе* его; а пламенная *надежда* еще на землѣ сей небеса вкушаетъ. О *Лоренцо!* Вознесись въ прозвѣщающее солнце сіе! Весьма легко учинишь сіе; оно призываетъ тебя; снисходитъ съ небесъ, дабы обрѣсти тебя, и проводитъ въ то мѣсто, изъ котораго низшла къ тебѣ. Чпи, и обожай *спятую книгу* оную; книга, въ которой въ полномъ свѣтѣ *безсмертіе* сіяетъ; книга, которую все твореніе произвести не можетъ, и которую *послѣдній огнь* истребитъ въ состояніи не будетъ. Нѣтъ! Ни единая буква оныя въ развалинахъ природы не истребится: вѣчными бо буквами въ сердцѣ Божіемъ она начертана.

Что? Ты воздымаешь презрительный смѣхъ надъ тѣмъ, что и сами боги обожаютъ? — Бѣдный злощасливый! Ангелъ Хранитель твой рыдаетъ. *Ангелы* и *человѣки* соединяютъ гласы свои съ моею пѣснiю; *остроумныя* глазы смѣются, и благодарятъ меня за *нощныя* мечты мои. О какое безуміе изъ порочныхъ сердецъ во главы ихъ дымится! *даропанiя* возбуждаютъ насъ къ гордости, а гордость ко стыду. Безстыдное невѣрствіе, есть (бантъ) (\*) *остроумiя*, дабы украсить желѣзное чело, которое грозитъ небу, и въ *потерянiи*

(\*) Кокарда, которую Офицеры на шляпахъ носятъ.





вѣтїя ужасную безопасность обрѣшаетъ. Лоренцо! Есльи ученїе твое одержитъ побѣду надъ моими мечтами; есльи видимое нами соспавляетъ все; есльи земля должна бытъ послѣднимъ явленїемъ: въ пакомъ случаѣ спрегися; спой пвердо; будь злодѣй; совершенный злодѣй; не заблуждайся никогда ко благому; Есльибы ты учинился честнымъ, — сколь бы велика должна бытъ упраша пвоя! Единое злосердїе корыспїю уничтоженїе полагаетъ. О блаженное ученїе! копорое жизнь лишаетъ утѣшенїя; а смерть надежды всея; и единымъ порокомъ почипаемо бываетъ. Есльи сіе справедливо, куда исчезнутъ приманки ваши, копорыми вы, о невѣрспвующїе слабыхъ учениковъ своихъ плѣнятъ спарались? Куда дѣнеться высокое хвасповство ваше, о речности къ добродѣтели и челоуколюбїи? Въ семъ то, въ семъ конечно, совершенное уничтоженїе вижу.

Ахъ! что можетъ обратитъ васъ отъ заблужденїя вашего? Осмѣлюсь ли я дерзновенно надѣяться, чтобы глубокіе Философы отъ пѣсни сея обратились? Но знайте (\*) названїе оныя ласкаетъ не меня, а васъ; да будетъ ваша слава, исполнишь обѣтъ названїя сего; да ощушу удовольствїе, прославляти небо, и о славѣ вашей поржеспвovati. Но понеже вы таково злымъ ядомъ заразились, не взирая, что лекарство мое

(\*) Обращенный невѣрспвующїй.

мое весьма крѣпко, и испытанно; по те-  
перь ни поржесствовашь, ни опчаявашь  
еще я не желаю; однакожъ надѣюсь, что *но-  
щная мечна* моя въ скорости сердца ваши  
возбудитъ и *мудрость* вашу — Мудрою  
быть научитъ. Почто бо безсмертныя  
ко блаженству сотворенныя дѹши должен-  
ствуюшъ когда нибудь желашь, (пщешно  
желашь), чпобы дѹши умерли! Ахъ! оста-  
вьте по *жить*, что никогда умереть не  
*можетъ*; увѣнчайте желаніе, намѣреніе и  
пруды *Всепышняго*; усугубьте радости не-  
бесныя, и сами во *плазѣніе* свое ихъ при-  
мите. Тогда названіе пѣсни моей утвер-  
дился *спятою* печатію свыше; и назовет-  
ся полезнымъ, и Ангели возопіюшъ. —  
Невѣрствующій обращенный!

О Лоренцо! еще ли тебѣ, не взирая на  
всѣ спаранія мои *страннымъ* представляе-  
ся, что ты *пѣчно* жить долженствуешь?  
Но что *теперь* живешь, *менѣ* ли сіе спран-  
но? Сіе есть чудо; а первое не есть онымъ  
болѣе. Давшей намъ начало, и отъ конца  
сохранитъ насъ можетъ. Впервыхъ опри-  
цай, что ты *существуешь*; а потомъ со-  
мнѣвайся, что существовать ты будешь.  
Какъ? Человѣкъ есть чудо, чудесами окру-  
женное? Но при всемъ томъ въра его  
страшится отъ всего, что токмо *странно*?  
Что менѣ какъ чудо, изъ *чудеснаго*; что  
менѣ какъ удивительное отъ *Бога* произой-  
ти можетъ? *Вѣруй* въ *Бога*; — оное



высочайшее таинство, въ оную причину безъ причины; и тогда всѣ чудеса исчезнутъ; ничто бо для могущества его не чудесно. *Отрицай его*; и всѣ прочія вещи будутъ таинства; миліоны таинствъ! Каждая еще темнѣе, нежели то, чего премудрость твоя весьма не благоразумно убѣгаетъ спарается. Еслили въра твоя слаба, почто избираешь ты такую спрану, гдѣ наиболѣе прудности находится? Все нами *знаемое* не понятно; но и спуть не можемъ мы *пѣропать* непонятному. *Толико слава разумъ*, и толико великъ Богъ нашъ, что все то, чему мы въ *спятой книгѣ* его наиболѣе удивляемся, и все то, что намъ толико спраннымъ, или еще спранныѣ представляется; все то не оптѣнно должно быть справедливо, въра не есть работа, но спокойствіе разума.

Почто же человекъ бываетъ толико лѣнностенъ къ *пѣрвѣ* и *добродѣтели*? Для слѣдующихъ причинъ: — Все *настоящее* дѣйствуетъ на насъ весьма сильно; а *будущее* весьма слабо: какъ мы можемъ быть людьми? Еслили мы, о Лоренцо! спуть человекъ, то прошивное сему справедливо. *Разумъ* есть собственность человекъ, а *чупства* собственность скотовъ. *Настоящее* есть тѣсная область *чупствъ*; *будущее* безпредѣльное царство *разума*; на сіе устремляетъ она всю силу свою божественную; тамъ начертываетъ она планъ свой; тамъ

собираетъ ; тамъ распространяется ; тамъ торжествуетъ ; тамъ виждетъ *блаженство* свое ; тамъ *славы* своя ожидаетъ , не пребуя ничего ни отъ *щастія* , ни отъ *челопъка* . Но что же такое разумъ ? Ничто иное , какъ *образъ души въ пысоту направленный* . О буди человекъ ! — и старайся учиниться *богомъ* ,

„Для чего ? ( говоришь ты , ) чтобы симъ образомъ истребить веселія жизни ? „  
Нѣтъ : для того , чтобы радостямъ своимъ даровать новой *духъ* и новое *существо* . Не знаешь ли ты онаго тирана , надежду ? Воззри шокмо , съ какимъ самовластіемъ она владычествуетъ ; она принуждаетъ насъ отдавать существо за мечту , безопасность же и спокойствіе за страхъ и безпокойство . Сей мучитель надъ мучителями душевными принуждаетъ *честолюбіе* выпустить похищенную имъ добычу , и нудитъ его воспарять съ онаго изобильнаго дрѣва , на коемъ онъ сидитъ , не взирая , что сей короны носитъ , дабы гоняться за *отдаленною* добычею , и предаваться трудамъ и опасностямъ , — чтобы обрѣсти спокойствіе . Естьли таковая неизвѣстная *надежда* , на вещи , коихъ обладаніе весьма маловажно , и полико же не продолжительно , когда ужè сія опасности и труды въ веселіе и сладость претворить можетъ ; что же должна произвестъ оная надежда , которую ничто безъ нашего со-



изволенія разстроить не можетъ? избыт-  
ная надежда, но блаженство не ограничен-  
ное! блаженство, коего *человѣкъ* изобразить,  
а *время* скончати не могутъ.

*Надежда* сія есть первѣйшая драгоцѣн-  
ность земная: она есть участь *человѣковъ*,  
доколѣ онѣ не болѣе какъ *человѣкъ* пре-  
бываетъ. Между всѣми страстями на зе-  
млѣ сей надежда есть величайшая благо-  
дѣтельница наша; другіе, копорые но-  
сятъ гордыя имена, поликія пользы намъ  
не приносятъ. *Радость* имѣетъ *слѣзы* свои.  
*Восхищеніе* имѣетъ *смерть*; надежда подо-  
бна весьма горячему, но безвредному крѣ-  
пительному, *одушевляетъ* *человѣка*; но при-  
томъ и *успокояетъ* его; никогда она весе-  
ліе его премудростію плапить не заста-  
вляетъ. Она составляетъ все то, что те-  
перешнее состояніе наше съ *твердостію*  
держатъ можетъ; здравіе тѣла! крѣпость  
душевную! кропкую радость! цѣломудрен-  
ное сладострастіе! она подобна прекрасно-  
му лѣтнему вечеру, умѣренна и пріятна:  
полное удовольствіе *человѣка*! рай его на  
землѣ сей!

И слѣдственно надежда и обладаніе  
блаженнымъ будущимъ составляетъ на-  
ше все; — есть *совершенство* блаженства  
нашего: довольное доказательство, что я  
не мало важное и не безславное *содержаніе*  
для пѣсни моя избралъ. Но вѣдайте вы  
непріятели спихотворства! вы суди благо-  
мы-



мыслящіе! (хотя вы при строгости своей половину славы *Библіи* вашей забываете), что и вѣ пѣснѣ *пажнѣя истинны* нравилься могутъ. Вы превозносите разумы важныя. Изрядно! вы не можете довольно превознести ихъ, еслии токмо вѣ *пѣчности* есть хотя нѣкоторая важность: по да слушающѣ меня мужи важные, и да будутъ еще важнѣйшими.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ НОЧИ.



II.

МЫСЛИ НА ДРЕВНЕЕ ОДНО НАДПИСАНІЕ:

*Гопорять, что хотять; пусть себѣ гопорять, что мнѣ до того нужды?*

Два рода людей примѣчаемъ мы обыкновенно, не внемлющихъ тому, что свѣтъ о насъ говоритъ . . . . . Тѣхъ, кои великостію своею мнятъ быти возвышенными надъ судомъ другихъ; и тѣхъ, кои сколько возможно меньше требованія вѣ обществѣ имѣющѣ, предпочипая припомѣ удовольствіе быти не зависимыми, всѣмъ преимуществамъ совокупленнымъ съ попеченіемъ о одобреніи свѣта. Последнее невниманіе есть равнодушіе Циническое; первое же самовластнаго Государя,

на.





начиная отъ Мономотапскаго владѣтеля, да малаго Калигулы двухъ или трехъ несчастныхъ деревень; сей подъ покровительствомъ своея независимости низводитъ взоръ свой съ высоты стараго почти развалившагося Гопического Двора, со всею гордостію Султана на своихъ подчиненныхъ и со всѣмъ удовольствіемъ о своей глупости.

Не невозможно быть Султану мудрымъ и благимъ Государемъ такъ точно, какъ возможно не извѣстному въ свѣтѣ дворянину имѣть достоинства Сюллиевы.

Но ежели мы спросимъ бытія, появляющіяся имъ изъ десяти Султановъ легче трехъ Баязетовъ, противу седми Шахъ-Багамовъ, нежели одного Алмамуна.

Самовластный Государь проживаетъ обыкновенно время свое въ глубочайшей безопасности, о одобреніи своихъ современниковъ и потомства. Зритъ онъ себя окруженна ползающими предъ нимъ рабами; едино мановеніе его имѣетъ силу закона; безчисленное множество тварей, единственно для него существующія, ревностно поспѣшаютъ предупредить всѣ его похотѣнія. Весь свѣтъ являетъ ему высокопочитаніе, не заслуженное имъ ни единымъ прудомъ, ни единою добродѣтелію, ни единою заслугою, или достоинствомъ; мысли сіи, что онъ имѣетъ нужды и потребности, что зависитъ онъ сполько же



же, или еще больше отъ другихъ, сколько и они отъ него, примѣчаніе безконечной разности между наружнаго оказанія чести, и чувствованія внутренняго, почипанія не могутъ имѣть пути въ душу его.

Все споспѣшествуетъ уничтожать въ немъ чувствіе природной слабости, (сильнѣйшаго союза привлекающаго человѣковъ другъ къ другу), все соединилоя увѣришь его о независимости.

Не всякой по своему произволенію можетъ быть Сулпаномъ; но благополучіе, чтобы вознесися надъ судомъ свѣта, высокоумное сіе щастіе, чтобы почипать себя независимымъ, есть во власти и самаго послѣдняго изъ смертныхъ. Нужда ему только осмѣлился завернуться въ хламиду Кратесову, или вползти въ Діогенову бочку, и какъ истинному госпоу естества тѣмъ быть довольну, что она представитъ. Не желать ничего отъ великихъ, не претоватъ ничего отъ согражданъ, ниже отъ свѣта. И ежели еще способенъ онъ Циническую бодрость до столь высокой степени довести, что можетъ быть не чувствителенъ даже презрѣнію, непорядкамъ и самымъ обидамъ свѣта: то не вѣдаю я какъ можемъ мы опреши ему сіе преимущество, почипать себя столько же, или еще больше всякаго Султана независимымъ и великимъ.



Такой человекъ былъ бы дуракъ, скажушъ мнѣ.

Я согласенъ. Но не меньше будетъ онъ по мнѣнію Горація Царь Царей, и онъ въ нѣкопрыхъ случаяхъ можетъ самимъ Царямъ дать почувствовать. Не были развѣ прежде сего величайшіе *Европейскіе Государы* данниками Цинику Петру Арешину, а сей Петръ Арешинъ не презрительнѣйшій ли былъ изъ Цинической оной Секты, надъ кою Луканова плеть трудилась?

Сіе говорю я не для того, чтобы гражданину нѣкому міра оспорить пребыванія его на сей родъ независимости, ниже желая поступать хуже обыкновеннаго съ человекомъ оцупившимъ званіе свое къ Цинизму, пока онъ самъ законы терпѣнія другихъ наблюдать будетъ. Сіе долженствуешь состоять въ воли каждаго, пущую ли бочку съ горы на гору капашъ по подобію Діогена, дабы при всеобщей заботливости не бытъ ему одному въ праздности, или принимашъ ближайшее участіе въ печальныхъ, веселыхъ и Траги-Коми-Пасторальныхъ зрѣлищахъ играемыхъ на семъ великомъ позорищѣ міра. Большая часть находящихся въ послѣднемъ семъ случаѣ вѣдають, для чего они сіе чинятъ; а безъ сомнѣнія мало находятся имущихъ довольно добродѣтели, чтобы не предпочесть празднаго лица Сулпана обращенію малаго и большаго колеса во всеобщей ма-  
хи-

хинѣ свѣта, (еслибы по вѣ его состояло власти;) но по тому, что мы съ своей стороны столь справедливы, какъ мы именемъ всѣхъ честныхъ людей) изъяснились, то долженствуюшъ и сіи не зависимые господа столько имѣть справедливости, чтобы взыскивать отъ насъ не больше нами отъ насъ пребуемаго. Если станушъ они искать нашего одобренія, нашего почитанія, или нѣкоего рода награжденія; (средствъ, коими общество ободряетъ имущихъ дарованіе ему нравиться и стараніе быти ему полезными,) то сіе столько же смѣшно будетъ, какъ показаніе великой значности безъ всякихъ заслугъ значнаго рода шума противу людей, не могущихъ родословной его ничего противу поставить, кромѣ собственныхъ своихъ заслугъ.

Есть много людей, (сказать мимоходомъ), весьма обманывающихся, присвоая себѣ наружные знаки почтенія, оказуемые плашью ихъ, или нѣкому Талисману при нихъ; но самому, не прогнѣваются они, когда слагатель притчей осмѣлился напомнать имъ повѣсть осла, носившаго образъ Изиды. Вести родъ отъ древняго рицарства, или и наслѣдовать оное, есть преимущество; но никогда не бываетъ заслугою, *ни достоинствомъ*. Общество не безъ основанія ожидаетъ отъ находящихся въ кошоромъ нибудь изъ сихъ двухъ случаевъ, что употребятъ они на приобрѣтеніе



достоинствѣ преимуществъ предѣ другими. Многіе роды сущь достоинствѣ, свѣтъ же по большей части и малыми доволенѣ; и рѣдко найдется поль несчастно рожденный человекѣ, чтобы не годился онѣ никакого лица на семѣ великомѣ позорищѣ міра играть. Кто не можетѣ представлять Ироя, составить можетѣ бытъ хорошаго слугу. И ежели и того достоинства вѣ немѣ нѣтъ, такѣ можетѣ бытъ исправный сниматель со свѣчь. Оемиспокль еще вѣ древности сказалѣ : одинѣ есть превосходный лирикѣ, другой разумѣетѣ искусство изѣ малаго града учинить пространный. Кто же ни тому, ни другому не учился, заслуживаетѣ, изверженѣ бытъ изѣ твореній, такѣ прибавляетѣ Софистѣ. — Строгое весьма опредѣленіе ! кое я изѣ благосклонности кѣ поль многomu числу долженствующихѣ по сему изреченію извержены бытъ вѣ пустое мѣсто, такимѣ образомѣ уменьшивъ постараюсь : такой человекѣ не имѣетѣ права требовать личнаго почтенія ниже отѣ послѣднѣйшаго дровосѣка. Дозволяется однако припомѣ ни мало о семѣ не пещися ; ибо и самый бѣднѣйшій человекѣ такѣ какѣ и самой презрѣннѣйшій червь имѣетѣ врожденное право по своему образу бытъ щастливымѣ. Истинный Циникѣ можетѣ простираеться далѣ довольствующагося, только не имѣетѣ никакихѣ достоинствѣ. По

пра-

правиламъ его позволено ему удаляться отъ всѣхъ законовъ благоприспособности, отъ всего зависящаго единственно отъ мнѣнія другихъ. Ему надлежитъ только по подобію Іуліана Кесаря ходить съ нечесаною головою, и босыми ногами, чулки употреблять вмѣсто шапки, бороду и ногти отросши по произволению, бѣсъ посреди улицы, пить изъ пригоршней, и тысячу другихъ вещей дѣлать, какихъ другой имущій хотя малое вниманіе къ согражданамъ своимъ никогда не учинитъ; вся нужда при томъ, единожды воспринявъ намѣреніе начать. Извѣстно, что доколѣ терпимъ будетъ его поступокъ, стѣбитъ узнать о немъ кто онъ, тогда ничего нѣкому противуречи будетъ.

Невѣдомо намъ, Циническое или Султанское мнѣніе побудило неизвѣстнаго сочинителя надписи, подавшей намъ случай, только смѣлое изъясненіе своимъ судителямъ учинить. Могъ онъ имѣть причину, происпекавшію совсѣмъ изъ другаго источника; могъ онъ имѣть намѣреніямъ и безъ малѣйшаго обиды общественнымъ должностямъ, единственно исполненіе существенныя противу самого себя должности.

Могъ онъ именно при чистосердечномъ попеченіи услужить свѣту, при всевозможномъ почтеніи къ судейской его возможности, въ учиненіи рѣшительнаго





изреченія, много ли онъ въ томъ успѣлъ; и при совершенномъ наблюденіи законовъ благоприспособленности единственно для своей безопасности довести до того, чтобы покойно обращаться около своей оси, не выходя примѣтнымъ образомъ изъ равновѣсія отъ хвалы, или хулы большей части своихъ современниковъ.

Если онъ въ такомъ находился случаѣ, то мы намѣрены доказать, что равнодушіе сіе не только не можетъ быть почтено во зло, но и дѣйствительно — *чтобы сказать*; не разумно бы онъ поступилъ, еслибы благополучіе свое отъ мнѣнія другихъ людей зависимымъ учинилъ восхотѣлъ.

Для разумнаго существа нѣтъ благополучія безъ удовольствія самимъ собою. Долженствовалъ ли онъ разрушать щастливое сіе благоволеніе къ самому себѣ, для того, что другіе имъ не довольны?

Но ежели другіе сію имѣютъ причину не бытъ имъ довольными?

Безъсомнѣнія, ежели они не довольны будутъ, что имѣютъ къ тому причины. Но самолюбіе его весьма худо бы исполняло свою должность, или онъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) увѣренъ будетъ, что они не право сіе думаютъ. Кому же были судіею между имъ и хулиателями его? Въ недостаткѣ Делфійскаго

Аполлона не вижу я другаго пупи, какъ только оставить дѣло сіе нерѣшеннымъ.

Но Тиціусъ, или какъ сей человекъ ни нарицался, не можетъ остаться въ нерѣшенномъ состояніи. Долженъ онъ быть или не быть доволенъ собою. Последнее состояніе есть весьма не выгодно. Долженствуетъ ли онъ повѣрить обезпокоивающимъ хулителямъ, или собственному удостовѣренію, воображенію, или инако какъ нарицаемому успокоивающему его чувствію? — Опѣивъ самъ собою ясенъ. Развѣ не достаетъ ему основаній для подкрѣпленія? Кто можетъ его лучше знать самого Тиція? Кто можетъ справедливо о его мысляхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ разсуждать? Кто вѣдаетъ лучше о всѣхъ обстоятельствахъ, и кто знаетъ больше, сколько трудовъ употребилъ онъ поступать справедливо при семъ или другомъ случаѣ?

Наконецъ, кто сіи судіи, присвояющіе себѣ право судить о немъ?

Свѣтъ есть спеченіе безчисленнаго множества людей, оправдающихъ самихъ себя предъ всѣми насудъ его предспавляющимися.

Какъ скоро уступятъ имъ сіе право: (но что поможетъ, естли противорѣчіе? Они никогда не лишатся его) то не обходимо слѣдуетъ, чтобы и имъ разсуждать по ихъ собственнымъ понятіямъ. Владѣніе человеческого разума объемлетъ все по всеобщему понятію въ прекрасномъ и хо-



рошемъ заключающееся: слѣдовательно всѣ предметы вкуса и нравственности. Всякой думаетъ быть въ силахъ о томъ разсуждать, но тому что служащія къ тому орудія онъ съ собою въ свѣтъ принесъ. Не разсуждаютъ о томъ, что орудія сіи, прежде безопаснаго и съ добрымъ успѣхомъ употребленія, опрабованы и вычищены быть должны, и что зависитъ сіе тогда отъ образа употребленія и отъ множества искусныхъ приемовъ, безъ которыхъ они или не способны, или еще и вредны бываютъ. Что пользы приносятъ лучшей рѣзецъ въ рукѣ не искуснаго? И не справедливо ли, что младенецъ острымъ ножомъ себѣ только вредъ причинить можетъ?

Всякой думаетъ довольно имѣть вкуса и проницанія для изреченія: сіе прекрасно, сіе благородно, сіе справедливо; но не справедливо, мерзко, смѣшно, и пр.

Самый не искусный Прапорщикъ разсуждаетъ о предпріятіяхъ своего Полководца, послѣдній башмашникъ о правленіи народа, глупѣйшій читатель о достоинствѣ писателя, смѣха достойнѣйшій шутъ о заслуженномъ мужѣ. Между пьююпріемлющихъ смѣлосць по переднихъ, и кофейнымъ домамъ при воспаваніи вельможей, и при уборныхъ столахъ госпожъ, въ собраніяхъ и на гульбищахъ судить, — Всѣ въ свѣтъ,

тѣ, едва одинѣ найдется, который бы единожды въ жизнь свою разсуждалъ. Сколько много къ тому попребно, дабы о какой нибудь вещи, о какой нибудь особѣ, или дѣйствии правильно судить было можно?

Большая часть изъ нихъ учили словесницу свою въ первомъ младенчествѣ, не примѣнно же пріобрѣтенное искусство дѣлается на конецъ механическимъ, и по тому разсуждаютъ на тридесятomъ году возраста своего, такимъ же образомъ какъ судили въ третьемъ. Дѣти основываютъ разсужденія свои или на тѣлесномъ чувствіи забавъ и неудовольствія, или на единыхъ примѣчаніяхъ и случайныхъ сходствіяхъ, или говорятъ только услышанное отъ другихъ. Но что другіе дѣлаютъ, и большая часть изъ насъ во всю жизнь свою?

Невѣжда обрѣтаетъ ясныи множество вещей темными для ученыхъ являющихся. Тысячу нерѣшимыхъ задачъ для ученыхъ, разрѣшаетъ онъ безъ малѣйшаго труда, и не можетъ понять, почему рѣшеніе сіе споль труднымъ почитаютъ. Напротивъ того множество находится вопросовъ легкихъ къ отвѣтствованію для разумнаго, коихъ глупости или предразсужденію понятными учинить не возможно. Малый духъ, зрящій малѣйшую пылинку въ описываемомъ носомъ своимъ кругъ, ничего больше не разбираетъ, какъ скоро захочетъ осмотрѣть въ большемъ пространствѣ



множество различныхъ предметовъ, и изъ великаго множества составленное цѣлое.

Люди, пріобыкшіе единственно чувственными вещами заниматься, не зрятъ ничего въ предметахъ помышленіемъ только разбираемыхъ.

Другіе трудящіеся только распроспраивать символическія и учебныя свѣдѣнія свои часто зрятъ ложно, или и совсѣмъ ничего не видятъ въ вещахъ пребующихъ испытанныя чувствительности. Орелъ зритъ не ослѣпляясь въ солнце; но мошка и на свѣчѣ совсѣмъ стараетъ — говоритъ Граціанъ.

Сколь много и сколь глубокихъ познаний пребуетъ самая легчайшая Полипическая задача, когда при опредѣленныхъ обстоятельствахъ рѣшиться долженствуетъ? Съ коікою точностію долженствуютъ обстоятельства сіи бытъ испытаны и размѣрены, для опредѣленія степени нравственнаго нѣкоего блага въ дѣйствованіи? Сколь трудно, и зная все, что высочайшая степень человеческого примѣчанія въ особѣ нѣкоей открытъ въ силахъ, сколь трудно и тогда, естли особа сія въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, со всѣхъ возможныхъ странъ разсматриваема, и попечительнѣйше сравниваема будетъ, сколь трудно останется разсуждать о побуждающихъ причинахъ къ дѣйствованію? Но положимъ, что изыскали мы и

**ОНА**

онія, кои самая сія особа таковыми пріемлетъ; но сколь далеко еще и тогда опстоимъ мы опъ истинныхъ пружинъ, столь глубоко во внутренностяхъ естества нашего сокрытыхъ, что и оспроумнѣйшему наблюдателю самого себя по большей части пребывающъ не видимы?

Со всѣмъ тѣмъ коль легкомысленно, коль опважно разсуждаютъ ежедневно о вещахъ такого рода? Малѣйшій видъ, самое легчайшее познаніе 'запущаннаго дѣйствія, малыя, часто случайныя только обстоятельства приключенія нѣкоего, единыя чаянія, пріемлющія правдоподобія свои опъ произвольныхъ предположеній, считаются достаточными для опредѣленія съ величайшею смѣлостію нрава нѣкія особы, для отреченія въ ней добродѣтелей или для приписанія пороковъ и слабостей, и часто, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, для изреченія всенароднаго опъ ней опредѣленія.

Мудрые люди, склонные всевозможную употребляютъ оспорожность противу своихъ собственныхъ слабостей, и противу безумія и злобы, другихъ поставляютъ себѣ закономъ „не опредѣлять разсужденій своихъ о людяхъ, по постороннимъ разсужденіямъ или извѣстіямъ, но прямо по дѣйствію ихъ. Превосходное правило, никогда бы въ заблужденіе насъ ввергнуть не могущее, естли бы мы имѣли въ себѣ безпристрастіе и очи божественныя!





Но какъ мы люди, то сіе не больше другаго средства сильно защитить насъ отъ заблужденія, коему мы подвержены предѣлами нашего разума, нашимъ самолюбіемъ, и другими спраснями при множествѣ иныхъ случайныхъ обстоятельство, часто противу воли нашей разумъ нашъ затмѣвающихъ.

Я разсуждаю единственно по дѣйствиамъ, скажетъ мнѣ нѣкто: очень изрядно! Но (полагая, что зрю я все самъ собой, и не принужденъ по большей части употреблять чужія очи), что зрю я иное изъ сихъ дѣисвій, кромѣ поражающаго мои очи? Часто при всевозможномъ оспрозрѣніи вижу я только то, что желаю мнѣ показать.

Не часто ли побуждающая причина опредѣляетъ достоинство дѣисвія; но какъ могу я всегда узнать ея приличность?

Всегда ли я могу быть увѣренъ, что не осталось неизвѣстнымъ мнѣ ни ма<sup>лѣ</sup>йшаго обстоятельства, премѣняющаго совершенно образъ вещи? — Не часто ли зависятъ точность предпріятія, намѣренія великихъ слѣдствій, расположенія; отъ сего малаго обстоятельства. Всегда ли я увѣренъ, что озираю я вещь съ той только стороны, съ которой осматриваема она быть долженствууетъ.

Увѣренъ ли я, что прежде предпріятое мнѣніе — и<sup>н</sup>кій родъ крыліевъ,  
пру-

пружины не примѣтныя самымъ премудрѣйшимъ, не преляпспвуютъ мнѣ правильно смотрѣть?

Довольно ли я на то употребилъ времени?

Не имѣю ли я шайныя нѣкія выгоды, такимъ а не инымъ образомъ разсмапривать сію вещь?

Не часто ли случается, что мы въ честь проницанію нашему принуждены бываемъ закрывать очи отъ свѣта представляемаго намъ. — Въ семъ случаѣ болѣе всего находятсѣ такіе люди, коихъ чинъ и мѣсто кажется не позволяющъ, что бы они хотя молчаніемъ заблужденіе свое признали?

Когда же люди съ величайшими силами разума, съ глубочайшими познаніями сѣрдца человѣческаго, съ искуснѣйшимъ, и украшеннѣйшимъ духомъ, также въ нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ обрѣтаются: то что долженспвуетъ мы сказать о толпѣ другихъ?

Сколь многихъ видимъ мы не имѣющихъ другаго званія къ показанію мнѣнія своего о вещи, кромѣ смѣлости, вливаемой въ нихъ родомъ, чиномъ, крестомъ, лентою, или К. предъ именемъ ихъ стоящими.

Сколь многіе все достоинство свое отъ волосочесателя, поршняго, или другаго художника заемающіе, подающъ нынѣ опре-



дѣленія свой въ образѣ ДелФійскаго отвѣта, безъ которыхъ преимуществъ были бы они столько нѣмы, какъ испуканы.

Сколь многіе удостоиваютъ собраніе малыхъ своихъ придворныхъ и градскихъ ухватокъ, соблазнительныхъ повѣстей, и новостей изъ переднихъ горницъ, гордаго имени знанія свѣта, и мнятъ важный имѣть голосъ при всѣхъ дѣлахъ, при судѣ коихъ пребудетъ познанія свѣта.

Сколь многіе разсуждаютъ досповѣрно о вещахъ себѣ ни мало не свѣдомыхъ, единственно по тому, что привыкъ онъ вѣрить своему опредѣленію въ вещахъ свѣдомыхъ и испытанныхъ имъ довольно.

Сколь много такихъ, коихъ разумъ ниже столько свѣта сообщаетъ, сколько попребно возрѣтъ въ безконечную темноту, въ пустотѣ души его царствующую, единственно глупость свою правомъ почитаютъ для подаванія своего голоса?

Сколь многіе разсуждаютъ для того, что они долго молчали, и что почитаютъ они благоприсойностию паки открытъ уста?

Сколь многіе для того, что привыкли они съ младенчества всегда что нибудь болтать?

И на конецъ, сколь многіе суть только эхо другихъ?

Но при довольномъ числѣ имущихъ довольноный разумъ, остроуміе, вкусъ, для раз-



разсужденія о вещи при опредѣленномъ случаѣ, сколь рѣдко бываетъ, чтобы предразсужденія, прибытокъ, привязанность, ревность, зависть, или другія спраспи не предспавляли вещи въ ложновѣ видѣ, и не изображали совсѣмъ не свойственными красками?

Сколь обыкновенны предразсужденія народовѣ прошиву другихъ, и сколь обыкновенно зримъ мы даже въ одномъ народѣ презрѣніе одного уѣзда къ другому?

Сколь трудно разсуждать безприспраспно о людяхъ другимъ основаніямъ приверженныхъ, или къ такому чину, соспоянію, или обществу причисляющихся, кои намъ препяпспвуютъ?

Сколь рѣдко опдается справедливостъ дарованіямъ и совершенствамъ превосходящимъ обыкновенную мѣру? И тогда, ежели не препяпспвуетъ особенный прибытокъ взирать намъ на большія заслуги, довольно бываетъ и того, что другой (который равенъ намъ, или еще по нѣкопорымъ обспояпельспвамъ ниже насъ), имѣетъ достоинспва, принуждающія насъ являть ему личное почтеніе: насъ, вѣдающихъ можетъ быть, что мы всѣ требованія отъ него имѣемъ оное, можемъ основать единспвенно на наружныхъ случаяхъ.

Тогда упопребляютъ всевозможныя средства къ уменьшенію превосходствъ сихъ въ такомъ человѣкѣ; но ежели они всѣми



полюко признаны, что мы для чести нашего собственнаго разсужденія признать оныя должны, по изобрѣшаемъ положишь предѣлы онымъ. Любопытными взорами, вооруженными очами извѣдываемъ все по рочное, или по крайней мѣрѣ хопя съ одной стороны не достапочное, дабы обрѣсть поводъ ко вреднымъ примѣчаніямъ и злобнымъ заключеніямъ. Ежели же не возможно со стороны дарованій приступишь къ сему человѣку; то находятъ средство унизить всеобщее къ нимъ почтеніе; по ихъ основаніямъ, и нравспвеннымъ свойствамъ. Отъ сего на пр. уреканіе о своемыслии и щеславіи, часто не имущее другаго основанія, кромѣ познанія собственнымъ нашимъ воображеніемъ малыхъ нашихъ преимуществъ. Заключение о другихъ въ семъ случаѣ тѣмъ рѣже справедливое, чѣмъ извѣстнѣе, что великія дарованія и проницанія владѣющихъ ими скромнѣе чиняшъ владѣющихъ малыми достоинствами.

*(Продолженіе будетъ ппредь.)*

**КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.**



ОСОБЫ, ПОДПИСАВШИЯСЯ НА 3. ГОДЪ  
УТРЕННЯГО СВѢТА.

*Въ Москвѣ:*

- Ея Превосходительство, Елисавета Васильевна Хераскова, 1 экз. 5 руб.
- Сіятельство, Княгиня Варвара Александровна Трубецкая, 1 экз. 5 руб.
- Его Сіятельство, Князь Пётръ Алексѣвичъ Шаховской, 1 экз. 10 руб.
- Превосходительство, Никита Ивановичъ Беспужевъ, 1 экз.
- Высокоблагородіе, Сергій Ивановичъ Ларионовъ, 1 экз.
- Преподобіе, Пётръ Алексѣвичъ Алексѣевъ, 1 экз.
- Сіятельство Князь Сергій Никипичъ Долгоруковъ, 1 экз.
- — Князь Андрей Даниловичъ Друцкой, 1 экз.
- Сіятельство Князь Семенъ Романовичъ Чолокаевъ, 1 экз.
- Свѣплость, Царевичъ Грузинскій Георгій Вахтангѣвичъ, 1 экз.
- Сіятельство Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской, 5 экз.
- Высокоблагородіе, Борисъ Михайловичъ Солпыковъ, 1 экз.
- — Николай Николаевичъ Бантышъ Каменскій, 1 экз.



Его Высокородіе Никиты Акинѳіевичъ Де-  
мидовъ, 1 экз.

Л. Озирисъ, 1 экз. 25 руб.

Въ Московскую Академію, 1 экз.

Въ Перервинскую Семинарію, 1 экз.

Его Сіятельство, Графъ Ѳедоръ Андрее-  
вичъ Осперманъ, 1 экз. 5 руб.

— Высокопреосвященство, Самуилъ Архі-  
епископъ Ростовскій и Ярославскій, 7 экз.

Ея Сіятельство Княгиня Прасковья Ивано-  
вна Голицына, 1 экз. 5 руб.

### *Въ Санктпетербургѣ.*

Его Превосходительство Степанъ Василье-  
вичъ Перфильевъ, 1 экз. 8 руб.

— — Андрей Яковлевичъ Пурпуръ, 1 экз.  
6 руб.

— Высокородіе Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вад-  
ковской, 1 экз.

— Превосходительство Петръ Васильевичъ  
Бакунинъ, 1 экз.

— Высокородіе Александръ Андреевичъ  
Безбородько, 2 экз. 10 руб.

— Сіятельство Князь Петръ Никитичъ  
Трубецкой, 1 экз.

— Благородіе Никита Никитичъ Деми-  
довъ, 1 экз. 25 руб.

— Высокоблагородіе Андрей Осиповичъ  
Жандръ, 1 экз.

— Высокородіе Михайла Родіоновичъ Лан-  
ской, 1 экз. 6 руб.

Ея Сіятельство Княгиня Настасья Иванов-  
на Несвицкая, 1 экз. 5 руб.

Его

- Его Высокородіе Сергѣй Васильевичъ Беклемишевъ, 1 экз. 6 руб.
- Высокоблагородіе Владимеръ Владимировичъ Драхенфельсъ 1 экз, 5 Руб.
- Высокоблагородіе Семенъ Ивановичъ Соколовъ, 1 экз. 5 руб.
- Благородіе Михайло Панѣиловичъ Си-мишинъ, 1 экз. 5 руб.
- — Павелъ Корнильевичъ Ямчевской, 1 экз. 5 руб.
- Его Благородіе Василей Никипичъ Кулешевъ, 1 экз. 5 руб.
- Высокоблагородіе Никипа Ивановичъ Красной, 1 экз. 5 руб.
- Господинъ Унтеръ-Инспекторъ Иванъ Даниловичъ Деревягинъ, 1 экз. 5 руб.
- Штемпельмейстеръ Василей Ивановичъ Крапивинъ, 1 экз. 5 руб.
- Гавенмейстеръ Сергѣй Леонпьевичъ Копнинъ, 1 экз.
- Для Святѣйшаго Правительствующаго Си-нода 1 экз.
- Его Сіапельспиво Князь Андрей Николаевичъ Щербатово, 1 экз.
- Высокородіе Андрей Осиповичъ Закревской за второй и третій годъ, 10 руб.
- — Петръ Матвѣевичъ Херасковъ, 1 экз.
- Высокоблагородіе Николай Ѳедоровичъ Рпищевъ съ начѣла изданія 25 руб.
- Высокоблагородіе Михайла Наумовичъ Яковлевъ, 1 экз. 4 руб. 50 коп.

- Его Высокоблагородіе Иванъ Ильичъ Савинъ  
съ начала изданія 13 руб. 50 коп.
- — Господинъ Лосовиковъ, 1 экз. 4 руб.  
50 коп.
- Его Высокородіе Николай Михайловичъ Су-  
шковъ за второй и третей годъ 9 руб.
- — Благородіе Алексѣй Миничъ Иконни-  
ковъ, 1 экз. 5 руб.
- — Превосходительство Степанъ Ивановичъ  
Шешковской, 1 экз.
- Его Высокоблагородіе Левъ Васильевичъ Тре-  
діаковской, 1 экз.
- — Высокородіе Иванъ Филиповичъ Сиби-  
левъ, 1 экз. 5 руб.
- — Высокоблагородіе Иванъ Гавриловичъ  
Гавриловъ, 1 экз. 5 руб.
- — Сіятельство Князь Петръ - - - - - Мы-  
шецкой, 1 экз. 5. руб.
- — Высокоблагородіе Панкратей - - - - - Та-  
робировской, 1 экз. 5 руб.
- — Благородіе господинъ ОстаФьевъ, 1  
экз. 5 руб.
- — — Васильевъ, 1 экз. 5 руб.
- — — Львовъ, 1 экз. 5 руб.
- — — Улановъ, 1 экз. 5 руб.
- Санктпетербургской купецъ Г. Бѣлозеровъ,  
1 экз. 5 руб.
- Его Высокородіе Василей Андреевичъ Маш-  
вѣевъ, 1 экз. 5 руб.
- — — Петръ Андреевичъ Кривской, 1 экз.  
5 руб.
- — — Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, 1 экз.  
5 руб.

- Его Высочество Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, 1 экз.
- Осипъ Васильевичъ Смирной 1 экз.
- — Андрей Дмитриевичъ Еремѣевъ, 1 экз.
- — Осипъ Артемѣевичъ Лашкевичъ, 1 экз.
- — Василей Ивановичъ Крамаренковъ, 1 экз.
- Его Высокоблагородіе Илья Зиновьевичъ Зраковъ, 1 экз.
- — Василей Николаевичъ Гурьевъ, 1 экз.
- Его Превосходительство Иванъ Гавриловичъ Рѣзановъ, 1 экз.
- — Александръ Андреевичъ Волковъ, 1 экз.
- Алексѣй Аѳанасьевичъ господинъ Баженовъ, 2 экз.
- Его Высокоблагородіе Яковъ Ивановичъ Вейраухъ, 1 экз. 5 руб.
- Высокопреподобіе Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, 1 экз. 10 руб.
- Высокоблагородіе Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эммъ, 1 экз.
- Превосходительство Михайло Никишичъ Кречетниковъ вѣдѣнаго года 1 экз.
- Для Придворной библіотеки вѣдѣнаго года 1 экз.
- Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитриевской, 1 экз.
- Санктпетербургской купецъ Федотъ Даниловичъ Сыренковъ, 1 экз. 10 руб.
- Санктпетербургскаго купца Гаврилы Васильева прикащикъ Иванъ Ивановъ, 1 экз. 10 руб.
- Санктпетербургской купецъ Исакъ Богдановичъ Богдановъ, 1 экз. 6 руб.
- Его Высокоблагородіе Григорей Ивановичъ Львовъ, 1 экз. 6 руб.

- Его Высокоблагородіе ПетрЪ Александровичъ СоймановЪ 1 экз. 5 руб.
- Его Высокоблагородіе ПетрЪ Ивановичъ ТурчаниновЪ, 1 экз 5 руб.
- Превосходительство Василей Ивановичъ ЛевашевЪ, 1 экз. 10 руб.
- — Сергѣй Матвѣевичъ КузминЪ, 1 экз. 5 руб.
- Ея Высокородіе Елисавета Михайловна Попова, 1 экз. 5 руб.

*Во Тпери.*

- Его Преосвященство, Арсеній ЕпископЪ Тверскій и Кашинскій, совокупно съ Его ПревосходительствомЪ Никишою АртамоновичемЪ МуравьевымЪ, и на сей шрешій годЪ, ревнуя о пользѣ и благосостояніи заведенныхЪ нами УчилищЪ, приложили усердное и достохвальное свое стараніе о собираніи любителей Упренняго Свѣта, коихЪ имена здѣсь прилагаются.
- Его Преосвященство Арсеній ЕпископЪ Тверскій и Кашинскій, 1 экз. 5 руб.
- Высокопреподобіе, СтефанЪ АрхимандритЪ Колязинскаго монастыря, 1 экз.
- Высокопреподобіе Палладій, АрхимандритЪ Новоторжскій, 1 экз.
- — Θεодосій, АрхимандритЪ Ниловскій, 1 экз.
- Преподобіе, Макарій ИгуменЪ Старицкій, Семинаріи ПрефектЪ и Богословіи Учитель, 1 экз.

Для Тверской Семинаріи 1 экз.

*Въ Орлѣ:*

Орловскаго Намѣстничества, Губернскаго  
Магистрата Провинціальной Секретарь  
г. Павловъ, 1 экз.

*Въ Калугѣ:*

Его Высокопревосходительство, Михайло  
Никипичъ Кречетниковъ, 1 экз.

*Въ Кіевѣ:*

Кіевской Академіи Риторики Учитель г.  
Самойловичъ, 1 экз.

*Въ мѣстечкѣ Король:*

Его Высочество Яковъ Николаевичъ Рѣпин-  
скій, 1 экз.

*Въ Дорогобужѣ:*

Его Высокоблагородіе, Дмитрій Степа-  
новичъ Попемкинъ, 1 экз.

*Въ Чевоксарахъ:*

Его Высокоблагородіе, Григорій Ивановичъ  
Моложениновъ, 1 экз.

*Въ Вязьмѣ:*

Его Благородіе, Иванъ Гавриловичъ Бѣлкинъ,  
1 экз.

*Въ Астрахани:*

Оберъ-почтовая Контора 2 экз.

*Въ Острогжскѣ:*

Его Высокоблагородіе, Степанъ Ивановичъ  
Тѣвяшевъ, 1 экз.

*Въ Воронежѣ:*

Его Преосвященство Тихонъ Епископъ Воро-  
нежскій и Елецкій, 1 экз.



---

ВЪ Октябрѣ мѣсяцѣ получили мы письмо  
слѣдующаго содержания :

МИЛОСТИВЫЕ ГОСУДАРИ МОИ!

Почитая всегда пріятнѣйшимъ изъ  
всѣхъ моихъ упражненій, спомоществовать  
благу моего опечества, и нынѣ пред-  
приемлю, хотя слабыми знаками удовле-  
творить сему усерднѣйшему моему жела-  
нію : я опредѣляю отъ сего числа ежегодно  
присылать къ вамъ чрезъ . . . . . пятьде-  
сятъ рублей, кои прошу употребить по ниже-  
слѣдующему расположенію, естли оно  
только согласно будетъ съ правилами ва-  
шими.

Сорокъ рублей (какъ то по объявле-  
нію вашему назначено) полагаю я на содер-  
жаніе одного питомца въ заведенномъ ва-  
ми Александровскомъ Училищѣ; а сумму,  
кошорая изъ остающихся ежегодно десяти  
рублей составится, выдасть тому питом-  
цу въ награжденіе при его изъ Училища  
выходѣ, ежели онъ въ преподаваемыхъ въ  
ономъ знаніяхъ успѣетъ и поведенія бу-  
детъ похвальнаго. А когда онъ къ обще-  
му неудовольствію признается того не-  
достойнымъ, то оную накопленную сум-  
му употребить въ пользу другихъ его со-  
братій.

Ежели сіе расположеніе мое будетъ  
вами принято, то прошу увѣдомить меня  
о имени того, кошорой на сію сумму на-  
зна-

значися кѣ содержанию, дабы и послѣ  
могъ я по силамъ своимъ споспѣшество-  
вать добру его.

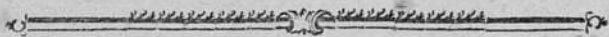
На конецъ извините меня, что утаю  
о своемъ имени и вѣрше, что я пребы-  
вая съ опмѣннымъ кѣ вамъ почтеніемъ и  
благодарностію за вашъ трудъ, яко вѣр-  
ный согражданинъ моего отечества есмь,

Вашъ покорный слуга . . . .

Въ 12 день Сентября,

1779 года

С. П.



Принеся досподолжную благодарность  
нашу сему новому Благошворителю Учи-  
лища нашего, мы тогда же исполнили же-  
ланіе его, помѣщеніемъ Питомца Еремѣ-  
ва, наименовавъ онаго *Питомецъ Благо-*  
*шворительнаго Согражданина*, увѣряя, что  
все требуемое симъ нашимъ Споспѣше-  
ствователемъ въ точности исполнится.

Листъ Ф-319

---

# О Г Л А В Л Е Н І Е.

сшран.

- I. Юнговъ плачь, ношь VII. вторая часть  
    обращеннаго невѣрспвующаго - 269
- II. Мысли на древнее одно надписаніе. 343
- 









7  

---

54

1779г.

ч. 7.

м/90

сент. - дек.